КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. (1—21).

II. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. Я. Н. Шульгина. (22—52).

III. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. VIII—X. О. И. Роговой. (53—83).

IV. Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (84—100).

V. Сожженіе улырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. Мирона. (101—120).

VI. Отголосокъ лирницкаго языка. Ѳ. Д. Николайчика. (121—130).

VII. Описаніе атласа XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. (131—147).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Бѣгуны отъ науки. Г. Замѣтка къ статьѣ „Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в." А. І. Стеновича. Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. А. Л. Къ „повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ". Ив. М—ры. Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе „чести и доброй славы". Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. Сообщилъ Ив. В. Теличенко. (148—166).

IX. Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки. (Къ портретамъ). Н. В. Стороженка. (167—173).

X. Библіографія. A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym. В. М. Русская грекоуніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. Арк. Л—нка. В. Гошкевичъ Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. Н. Б. Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Арк. Л—нко. A. de Gubernatis. Dictionaire International des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gui-Zel. П. М. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. М. Обозрѣніе журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. (174—198).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Лѣтописныя замѣтки о событ. въ Новороссіи (оконч.).
2) Черн. лѣт. по новому списку съ пред. А. М. Лазаревскаго.
3) Портретъ прилуцкаго полковн. Ивана Стороженка.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній въ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.** Александръ Степановичъ Лашкевикъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Свѣтопечать С. В. Кульженко

Иванъ Стороженко

Полковникъ Прилуцкій † 1693 г.

Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева.

Обыкновеніе селиться у воды дошло къ намъ отъ временъ глубочайшей древности, теряющейся въ доисторическомъ мракѣ, отъ тѣхъ временъ, когда человѣкъ только что вступилъ на путь культуры, грудью отстаивая въ упорной борьбѣ каждый часъ своего существованія, и когда единственными средствами для этой борьбы ему служили камень да кость, а единственной цѣлью жизни было—найти что поѣсть.—И по берегамъ Днѣпра въ среднемъ его теченіи жилъ когда то человѣкъ, если и не находившійся въ такомъ состояніи, какъ мы выше представили, то во всякомъ случаѣ въ состояніи, близко къ нему подходящемъ.

На средней песчаной террасѣ Днѣпра, а иногда и на нижней луговой, въ разныхъ мѣстахъ находятся обнаженные песчаные бугры, свѣтло-желтаго цвѣта. Вслѣдствіе дѣйствія вѣтровъ, весеннихъ водъ и дождей бугры постоянно измѣняютъ свой внѣшній видъ, такъ какъ состоятъ изъ сыпучаго песка: въ одномъ мѣстѣ насыпаются новые бугры, въ другомъ выдуваются небольшія котловины. Благодаря такому измѣненію поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ наружу слой, содержащій остатки пищи, посуды и различныхъ другихъ предметовъ. Отъ свѣтло-желтаго песка этотъ, такъ называемый, культурный слой отличается темнымъ цвѣтомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія песка съ золой, углемъ и другими уже уничтожившимися органическими остатками. Есть группы бугровъ, гдѣ этотъ культурный слой обнаружился на довольно большомъ пространствѣ и далъ воз-

можность собрать сравнительно много предметовъ, въ другихъ же мѣстахъ онъ только проглядывалъ и тамъ находки были незначительны. Мы имѣли возможность осмотрѣть оба берега Днѣпра на протяженіи приблизительно пятидесяти верстъ, начиная отъ Кіева внизъ. Бугры со слѣдами пребыванія на нихъ первобытнаго человѣка обнаружены въ слѣдующихъ мѣстахъ: На лѣвомъ берегу—1) у с. Вигуровщины, 2) у с. Никольской Слободки, 3) у с. Гнѣдина, 4) у Вышенокъ — черниговской губ. остерскаго у. и 5) возлѣ д. Жеребятина и 6) у с. Койлова—полтавской губ. переяславскаго у. На правомъ берегу—1) у предмѣстья г. Кіева Пріорки, 2) у предмѣстья его же Верхней-Соломенки, 3) между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой, 4) у хутора Козино, 5) между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой—кіевской губ. и уѣзда.

Вслѣдствіе различныхъ, независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, мы не имѣли возможности сдѣлать подробное изслѣдованіе бугровъ, не было также сдѣлано и опредѣленіе порядка залеганія пластовъ почвы—пришлось ограничиться только однимъ собираніемъ предметовъ на поверхности. Поэтому и матеріалъ, добытый нами, не отличается полнотой, необходимой для всесторонняго уясненія быта обитателей бугровъ. Но все таки кое что можно извлечь и изъ него. Всѣ вышеперечисленные бугры на лѣвой сторонѣ Днѣпра были извѣстны и раньше какъ мѣста, на которыхъ попадаются древніе предметы [1]), на правомъ же берегу почти всѣ открыты нами.

Изъ всѣхъ мѣстъ только на буграхъ у с. Никольской Слободки, у сс. Гнѣдина и Вышенокъ и у м. Триполья культурный слой обнаженъ на большомъ сравнительно пространствѣ, въ остальныхъ же были только слѣды его. Поэтому мы, переходя къ описанію отдѣльныхъ группъ, остановимся только на первыхъ, о вторыхъ же скажемъ немного и въ виду лишь того, что и

[1]) См. ст. Т. Кибальчича—„О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1879 году“, въ Сборникѣ археологическаго института кн. 3, 1880 г. Въ этой статьѣ между прочимъ авторъ принялъ бугры за могильныя насыпи. А также см. краткія замѣтки въ газетѣ „Кіевлянинъ“ 1879 г. №№ 109 и 114.

онѣ въ будущемъ могутъ оказаться не менѣе богатыми въ смыслѣ находокъ.

Бугры у с. Никольской Слободки. С. Никольская Слободка находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются сооруженія Цѣпнаго моста и начинается Черниговское шоссе. Къ югу отъ села, сейчасъ же за нимъ, лежитъ небольшое озеро Святыще. Песчаные открытые бугры составляютъ сѣверо-восточный возвышенный берегъ этого озера, они простираются затѣмъ съ одной стороны къ лѣсу, съ другой же подходятъ къ постройкамъ идущимъ въ этомъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ шоссе. По другую сторону шоссе пески также обнаруживаются и заканчиваются большимъ бугромъ въ сѣверномъ концѣ села у сельскаго кладбища. Ближе къ лѣсу бугры покрыты тонкимъ слоемъ дерна и отчасти окрайной лѣса. Обнаженія культурнаго слоя замѣтны главнымъ образомъ по берегу озера и на такой высотѣ, что вода въ весенніе разливы туда не добирается; въ этомъ можно было убѣдиться во время сильнаго разлива весной 1888 г.; мѣстность же между этимъ берегомъ озера и противоположнымъ правымъ берегомъ Днѣпра, представляетъ весной сплошную водную поверхность.

Находки сосредоточивались въ двухъ мѣстахъ: при началѣ озера, тамъ, гдѣ кончалось село, и даже крайнія хаты его уже расположены на обнаженномъ культурномъ слоѣ, и затѣмъ—почти въ концѣ озера,—здѣсь культурнаго слоя почти не было замѣтно, но за то найдено нѣсколько сосудовъ.

Случай далъ возможность сдѣлать и геологическія наблюденія: лѣтомъ 1889 г. изъ берега озера брали песокъ для земляныхъ работъ на рѣкѣ; въ образовавшейся выемкѣ было видно, что однородный свѣтло-желтый песокъ залегаетъ на нѣсколько саженей вглубь.

Внѣшній видъ мѣстность по берегу озера имѣла слѣдующій: песокъ окрашенъ въ пепельно-сѣрый цвѣтъ, толщина темнаго слоя различна—иногда достигаетъ $^1/_4$ аршина и болѣе, иногда же является какъ бы тонкимъ налетомъ. На поверхности разбросаны, а также торчатъ изъ песка куски отъ сосудовъ съ орнаментомъ и безъ него, лежатъ также черепки и кучами, они, повидимому, принадлежали цѣлымъ сосудамъ, распавшимся отъ

дѣйствія атмосферы; между черепками много измельченныхъ выв'ѣтрившихся костей, встрѣчающихся также кучами, и масса осколковъ кремня и другихъ камней, между ними попадаются и цѣлыя кремневыя орудія. Мѣстами всѣ эти остатки расположены вокругъ кострищъ, представлявшихъ не особенно большія кучи углей. Это въ началѣ озера. Дальше по берегу культурнаго слоя не было замѣтно, но попадались черепки, а при концѣ озера вблизи кострищъ найдены были, какъ уже сказано, цѣлые сосуды.

Перейдемъ къ болѣе подробному обзору предметовъ, оставленныхъ намъ, хотя и въ жалкомъ видѣ и незначительномъ количествѣ, но все таки кое что говорящихъ о тѣхъ кому они принадлежали. Мы ихъ раздѣляемъ на три группы: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія и 3) остатки пищи.

I. Орудія. Тѣ изъ орудій, которыя несомнѣнно носятъ характеръ мѣстный, сдѣланы исключительно изъ камня и преимущественно изъ кремня. По другой сторонѣ шоссе подъ лѣсомъ въ небольшомъ углубленіи найдены куски кварцита, изъ котораго, повидимому, приготовлялись крупныя орудія, но таковыхъ цѣлыхъ не было найдено. Также и кремневыя цѣлыя орудія попадались сравнительно рѣдко. Классифицируя орудія, ихъ можно подраздѣлить на слѣдующіе виды:

а) Ножи изъ кремня,—самый многочисленный родъ орудій, отличаются, какъ и всѣ другія, миніатюрностью: самый большій ножичекъ былъ $5^1/_2$ сант. длины и немного болѣе 1 сант. ширины; большинство ножичковъ съ двумя рѣжущими краями, хотя попалось нѣсколько и съ однимъ, особенность этихъ послѣднихъ — тупая сторона подправлена мелкими ударами. Всѣхъ ножиковъ, считая и сломанные экземпляры, найдено до 80 штукъ.

б) Кремневыя острія—найдено всего 7 штукъ; однѣ изъ нихъ узки, похожи на ножи, т. е. имѣютъ видъ тонкихъ осколковъ кремня съ заостреннымъ концомъ, другія же съ болѣе широкимъ основаніемъ; длиной не превышаютъ 3 сант. Сюда же нужно отнесть орудія, которыя, можетъ быть, служили шилами, онѣ остры и узки, одна сторона у нѣкоторыхъ подправлена.

в) Подправленные наконечники стрѣлъ, сдѣланные изъ кремня по опредѣленнымъ формамъ, нѣкоторые изъ нихъ очень

красивы; формы ихъ слѣдующія: 1) основаніе у стрѣлы прямое или почти прямое, 2) основаніе выдается наружу полукругомъ, 3) въ основаніи сдѣлана выемка, иногда довольно глубокая, такого рода стрѣлъ найдено больше всего, 4) два наконечника стрѣлъ въ видѣ трапеціи, они сдѣланы изъ кусочковъ двускатныхъ ножей, причемъ тупыя стороны подправлены, острыя же служили: одна для всаживанія въ древко, другая — концомъ стрѣлы. Всѣхъ подправленныхъ стрѣлъ найдено больше 20 штукъ, у многихъ верхніе или нижніе кончики сломаны. Большинство стрѣлъ находилось на одномъ почти мѣстѣ, гдѣ сосредоточивались осколки кремня.

д) Скребки; мы такъ называемъ куски кремня, одна сторона которыхъ подправлена; они большей частью овальной формы; есть между ними нѣсколько очень маленькихъ, такъ что является сомнѣніе, могли ли они исполнять назначеніе скребка. Скребковъ въ общемъ найдено сравнительно много—до 50 штукъ.

е) Точилки изъ точильнаго камня,—только небольшой обломокъ въ 3 сант. длины, съ двухъ сторонъ сточенный. Кромѣ отдѣланныхъ орудій или испорченныхъ при отдѣлкѣ, но все таки носящихъ опредѣленный характеръ, найдена также масса осколковъ кремня разнообразныхъ формъ; большинство изъ нихъ было отбросами при выдѣлкѣ орудій, нѣкоторые же, не подходя ни подъ одну изъ вышеприведенныхъ рубрикъ, все таки могли служить въ домашнемъ обиходѣ болѣе чѣмъ нетребовательнаго обитателя бугровъ.

II. Гончарныя издѣлія. Матеріаломъ для наблюденій служили главнымъ образомъ многочисленные черепки отъ сосудовъ, а также конечно и найденные цѣлые сосуды. Приготовлялись сосуды отъ руки, безъ гончарнаго круга. Глина выдѣлывалась различно: встрѣчались (рѣдко) черепки изъ грубой глины съ большою примѣсью кусочковъ кварца, затѣмъ изъ глины лучшаго качества, но все таки не обладавшей достаточнымъ сцѣпленіемъ, наконецъ были изъ глины хорошо отмученной, неуступающей современной. Обжигъ также различенъ; это можно было видѣть въ изломѣ черепковъ; большей частью обожжена только наружная сторона, получившая отъ этого красный цвѣтъ; иногда крас-

ныя полоски были съ наружной и внутренней стороны, а между ними оставалась черная прослойка, не совсѣмъ обожженная; былъ также и полный обжигъ, прошедшій насквозь черепокъ. Толщина стѣнокъ сосудовъ отъ $1^1/_2$ до $^1/_2$ сант. Что касается формы, то ее можно было наблюдать только на цѣлыхъ сосудахъ; таковыхъ найдено 4; изъ нихъ два были большіе, два маленькіе. Большіе найдены въ верхушкѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ; они стояли рядомъ, днищами вверхъ; днища не сохранились, но на основаніи оставшихся кусковъ и того факта, что сосуды были перевернуты, можно предположить, что днища закруглялись и подходили къ конической формѣ. Къ отверстію, имѣвшему въ поперечникѣ у одного 23, а другаго 20 сант., сосуды съуживаются; вышина сохранившихся частей 30 и 24 стм., глина темно-красная, обжигъ полный, толщина стѣнокъ 1 стм. Когда эти сосуды были вырыты изъ песка, то распались на множество кусковъ, такъ что ихъ пришлось послѣ склеивать.

Два другіе небольшіе сосуда, напротивъ, вынуты цѣлыми; они стояли отверстіями вверхъ, другъ возлѣ друга, въ пескѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ найдены большіе. Днища ихъ плоскія; форма чашеобразная; глина приготовлена съ кварцемъ, краснаго цвѣта; обжигъ полный; толщина стѣнокъ 1 стм.; вышина 11 и 9 снтм., поперечникъ отверстія 15 и $9^1/_2$ снтм. При началѣ озера найдена была куча черепковъ отъ сосуда; сложить черепки не удалось, по оставшимся частямъ видно, что сосудъ былъ въ видѣ миски съ отлогими стѣнками и ободкомъ, загнутымъ внутрь. На этомъ сосудѣ замѣтны слѣды копоти и дыръ для подвѣшиванія.

Теперь объ орнаментикѣ сосудовъ; мы разбираемъ ее подробно, потому что разнообразные узоры, покрывающіе сосуды, являются единственными данными, по которымъ можно судить о степени развитія эстетическаго чувства у древнихъ обитателей этого мѣста. Орнаментъ сосредоточивался почти всегда въ верхней части сосуда. Орнаменты разнообразны; преобладающій— изъ углубленій, сдѣланныхъ круглой палочкой, кремнемъ или костью, углубленія не сквозныя, а доходятъ только до половины черепка, по другую сторону соотвѣтственно дырочкѣ находятся

возвышенія. Углубленія расположены на однихъ черепкахъ снаружи, на другихъ извнутри; идутъ обыкновенно по ободку сосуда и въ одинъ рядъ. Затѣмъ встрѣчается орнаментъ изъ небольшихъ углубленій, представляющихъ отпечатокъ орудія съ острымъ или тупымъ концомъ, иногда конецъ орудія былъ какъ бы раздѣленъ и отпечатокъ получился въ видѣ продолговатыхъ углубленій съ перегородками. Прямая линія также имѣла мѣсто въ орнаментѣ въ разныхъ сочетаніяхъ, между прочимъ въ видѣ зигзага. Далѣе идетъ орнаментъ, какъ бы выдавленный на глинѣ веревочкой, и наконецъ—изъ полосокъ, налѣпленныхъ на сосудъ; иногда на полоскахъ сдѣланы вдавленія пальцемъ. Кромѣ того былъ орнаментъ, составленный изъ соединенія вышеперечисленныхъ. Покрывался орнаментомъ и самый ободокъ сосудовъ. Встрѣчались также украшенія на сосудахъ въ видѣ шишекъ, иногда въ свою очередь орнаментированныхъ; онѣ могли отчасти замѣнять ручки, такъ какъ слѣдовъ настоящихъ ушекъ у сосудовъ у Никольской Слободки не было найдено, для этой же цѣли служили и сквозныя дыры у края сосудовъ.

Изъ другихъ предметовъ изъ глины у Никольской Слоб. найденъ кусокъ круглой глиняной пряслицы, сдѣланной изъ черепка и цѣлая пряслица или грузило въ видѣ небольшаго цилиндра въ $3'/_2$ стм. длины.

III. Остатки пищи. Къ остаткамъ пищи можно предположительно отнесть измельченныя и сильно вывѣтрившіяся кости мелкихъ млекопитающихся. Въ одномъ мѣстѣ кости находились на кучѣ вмѣстѣ съ черепками. Вслѣдствіе дурной сохранности костей онѣ остались неопредѣленными.

Попадались у Никольской Слободки вещи изъ другихъ эпохъ, такъ напр. найдены бронзовыя вещи: куски пряжекъ и перстней, пуговицъ, бубенчикъ, двѣ трехгранныя стрѣлы, кольцо и нѣк. др.; изъ желѣзныхъ: стрѣлы разныхъ формъ и ножички. Предметы эти, вѣроятно, попали на пески случайно.

Дѣлая теперь общій обзоръ находокъ у Никольской Слободки и основываясь на нихъ, мы можемъ придти къ слѣд. заключеніямъ. Присутствіе множества кремневыхъ осколковъ, испорченныхъ и

цѣлыхъ орудій и ядрищъ, отъ которыхъ отбивались орудія, указываетъ на мѣстное приготовленіе орудій [1]). Матеріаломъ служили кремневые валуны, попадающіеся изрѣдка въ близъ лежащихъ оврагахъ; малочисленностью и небольшимъ объемомъ валуновъ объясняется миніатюрность орудій, найденныхъ у Никольской Слободки. Недостаткомъ кремня можно также объяснить попытку отбивать орудія изъ розоватаго песчаника, неудачные осколки котораго обнаружены въ небольшомъ числѣ у Никольской Слободки (многочисленные осколки среди кремневыхъ найдены выше Ник. Сл. у с. Вигуровщины).

Изъ найденныхъ орудій только подправленныя стрѣлы точно указываютъ своей формой на назначеніе; сюда можно еще прибавить скребки, но только сравнительно большіе; о примѣненіи же остальныхъ орудій можно говорить только предположительно.

Гончарство, судя по найденнымъ образцамъ, достигло довольно высокой степени совершенства; сосуды, несмотря на незнакомство съ кругомъ, имѣютъ правильныя формы и украшены разнообразнымъ орнаментомъ, подчиненнымъ правиламъ симметріи. О назначеніи сосудовъ, по отсутствію данныхъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное.

Хотя на пескахъ у Никольской Слободки не было найдено шлифованныхъ орудій, но все таки, принимая во вниманіе хорошую отдѣлку стрѣлъ и довольно высокое положеніе гончарства, мы можемъ отнесть пребываніе человѣка у Никольской Слободки къ концу каменнаго вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу т. н. неолитическаго періода его (періода шлифованнаго камня) и, можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія еще приблизятъ принятое нами опредѣленіе эпохи.

Незначительность обнажившагося культурнаго слоя затрудняетъ опредѣленіе продолжительности пребыванія человѣка у Никольской Слободки. Положеніе у воды, представляя различныя удобства для жизни, также отчасти объясняетъ и темный

---

[1]) Т. Кибальчичъ, по поводу найденныхъ у Ник Сл. испорченныхъ орудій и осколковъ кремня, говоритъ: „Есть возможность предположить необходимымъ условіемъ при погребеніи—уничтоженіе каменныхъ орудій, которыя при этомъ разбивали“; см. вышепривед. ст.

на основаніи находокъ вопросъ о пищѣ. Пищей могли служить рѣчныя раковины и рыбы. Ничего намъ не говорятъ находки и объ одеждѣ.

Было ли пребываніе человѣка у Никольской Слободки постояннымъ или только временнымъ,—вопросъ этотъ остается открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть, что какъ разъ противъ Никольск. Сл. въ противоположномъ обрывистомъ берегу Днѣпра, при проложеніи спуска съ Печерской горы къ Цѣпному мосту, была открыта въ 1853 г. пещера, впослѣдствіи опять засыпанная. Хотя эта пещера, какъ и двѣ лаврскія, имѣютъ связь съ пустынножительствомъ, но, какъ справедливо полагаетъ проф. В. Б. Антоновичъ [1]), начало ихъ можетъ быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ. Что касается физическаго строенія обитателей бугровъ и способа ихъ погребенія, то данные отсутствуютъ [2]). Такимъ образомъ, всѣ вышеперечисленные признаки указываютъ на то, что у Никольской Слободки мы имѣемъ дѣло съ т. н. *стоянкой* первобытнаго человѣка. Факты, добытые нами, недостаточны хотя бы для поверхностнаго описанія быта этихъ первобытныхъ обитателей нашихъ мѣстъ; путемъ сравненія съ аналогичными стоянками, найденными какъ въ Россіи, такъ въ особенности за границей, можно было бы гораздо полнѣе очертить этотъ бытъ, но мы думаемъ, что аналогія хотя и немного, но все таки отвлекла бы насъ отъ истины. А потому мы будемъ лучше надѣяться, что послѣдующія изслѣдованія на основаніи точныхъ данныхъ сдѣлаютъ то, что сдѣлала бы въ этомъ случаѣ аналогія.

Къ сѣверу отъ Никольской Слободки, на протяженіи почти 5-ти верстъ вплоть до с. Воскресенскаго, тянется подъ лѣсомъ рядъ бугровъ различной величины и формы, покрытыхъ тонкимъ слоемъ дерна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дернъ разрушился, песокъ обнажился и, вслѣдствіе дѣйствія вѣтра, образовались небольшія котловины; въ нихъ попадаются хотя и въ незначительномъ количествѣ аналогичные съ найденными у Ник. Сл. черепки и кремни, такъ что бугры эти являются продолженіемъ

[1]) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора лѣтописца, кн. I, стр. 244.

[2]) Хотя Т. Кибальчичъ въ вышеуказанной статьѣ и говоритъ о часто встрѣчающихся у Ник. Сл. костякахъ, но мы не встрѣтили и слѣдовъ таковыхъ.

стоянки Никольской Слободки. У с. Воскресенскаго бугры принимаютъ болѣе правильную куполообразную форму и совсѣмъ обнажены; находки и здѣсь были самыя незначительныя. Рядомъ съ с. Воскресенскимъ идетъ ровная песчаная плоскость, не давшая никакихъ находокъ; только въ концѣ, гдѣ опять начались бугры, найдено нѣсколько отбивныхъ кремней и большая, хорошо подправленная стрѣла. Эти же бугры тянутся далѣе вокругъ болота, отдѣляющаго с. Воскресенское отъ лежащаго выше с. Вигуровщины. Тамъ, гдѣ болото болѣе всего вдается въ берегъ, обнаружено небольшое мѣсто, сплошь покрытое осколками кремня, кусками ножиковъ, цѣлыми ножиками и скребками, тутъ же, какъ мы раньше упомянули, лежали осколки розоватаго песчанника, изъ котораго хотѣли приготовить орудія. Между черепками по орнаменту были одинаковые съ найденными у Ник. Сл., но нашлось также нѣсколько и особенныхъ, какъ напр. орнаментъ елкой. Цѣлыхъ сосудовъ у с. Вигуровщины не было найдено, но намъ передавали мѣстные пастухи, что весной они часто находили въ пескѣ „якись мыски“. Встрѣчались въ кучахъ черепки отъ распавшихся сосудовъ, между таковыми найдены куски горшка, въ стѣнкахъ котораго сдѣланы дыры;—дыры сквозныя воронкообразныя и, какъ кажется, проверчены уже послѣ обжиганія сосуда, идутъ онѣ рядами, не близко другъ отъ друга, отъ края сосуда до самаго дна; трудно теперь судить о назначеніи сосуда, но несомнѣнно, что онъ удовлетворялъ какой то потребности въ домашнемъ быту, потребности общей и для другихъ поселеній первобытнаго человѣка, такъ какъ такіе же черепки отъ сосудовъ найдены и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, а также и въ волынской губерніи (въ нашемъ собраніи есть такой черепокъ изъ большой стоянки у с. Збранокъ волынск. губ. овручскаго у.).

Далѣе с. Вигуровщины мы не простирали нашихъ изысканій; но въ этомъ мѣстѣ бугры, продолжаясь немного выше по направленію къ с. Троещинѣ, прекращаются и опять обнаруживаются, насколько мы знаемъ, уже спустя большое пространство.

Ниже Никольской Слободки средняя терраса покрыта лѣсомъ, спускающимся вплоть до заливной долины. Только вер-

сты двѣ ниже, въ небольшой обнажившейся ложбинѣ, найдено нѣсколько остріевъ изъ кремня и черепки. Лѣсъ тянется далѣе на протяженіи 15 верстъ, считая въ прямомъ направленіи, до с. Гнѣдина. У сс. Гнѣдина и Вышенокъ, расположенныхъ рядомъ, терраса поднимается и достигаетъ значительной высоты. Лѣсъ здѣсь прекращается и поверхность состоитъ изъ обнаженныхъ небольшихъ бугровъ. На этихъ буграхъ найдена масса различныхъ предметовъ, различныхъ временъ. Собираніемъ въ настоящее время занимаются мѣстные крестьяне, доставляющіе находки священнику с. Вышенокъ о. Ѳ. Яновскому, которымъ было уже составлено нѣсколько полныхъ коллекцій, обнимавшихъ собою каменную, бронзовую, великокняжескую и болѣе близкія къ намъ эпохи (мы знаемъ пять такихъ коллекцій: 1) въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, 2) въ московскомъ археологическомъ обществѣ, 3) въ музеѣ древностей университета св. Владиміра, 4) у графа А. А. Бобринскаго и 5) у г. Поля). Такъ какъ матеріалъ, добытый на стоянкѣ у с. Вышенокъ, очень богатъ и разнообразенъ да и не находится у насъ подъ рукой и такъ какъ тѣсныя рамки нашей статьи не позволяютъ много распространяться, то мы скажемъ о предметахъ, найденныхъ у с. Вышенокъ, только въ общихъ чертахъ. Это также будетъ соотвѣтствовать и плану нашей статьи, которая составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ и по даннымъ лично нами добытымъ. Изъ предметовъ каменной эпохи у с.с. Гнѣдина и Вышенокъ найдены отбивные кремневые топоры, ножи, достигающіе иногда большихъ размѣровъ, острія, скребки различной величины, подправленные наконечники стрѣлъ всевозможныхъ формъ (ихъ найдено нѣсколько сотенъ), подправленные наконечники копій, орудія, служившія быть можетъ пилами, подправленныя и полированныя; затѣмъ идутъ: шлифованный молотокъ, шлифованные клинья или долота, иногда очень миніатюрные; изъ предметовъ глиняныхъ попадаются куски грубой посуды съ орнаментомъ, грузила и пряслицы (въ большомъ числѣ). Изъ бронзовыхъ вещей во множествѣ найдены различныя украшенія какъ самыя примитивныя, такъ и болѣе изящныя; изъ орудій мы знаемъ, что тамъ найденъ бронзовый небольшой клинъ

въ 0,037 м. длины и наконечникъ дротика въ 8½ снтм. длины (оба предмета въ коллекціи г. Поля). Великокняжеская эпоха оставила намъ складные кресты (энколпіоны), монеты (напр. кн. Владиміра) и украшенія—кольца, серьги, браслеты, бусы, привѣски и т. п. Украшенія, монеты и орудія войны являются представителями позднѣйшихъ временъ вплоть до настоящаго. Т. о. Вышенки можно считать однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній, перешедшимъ всѣ фазы культурнаго развитія

Вслѣдствіе тщательнаго собиранія находки каменныхъ орудій сдѣлались теперь довольно рѣдки, тогда какъ раньше ихъ можно было подбирать сотнями. При личномъ обозрѣніи этой мѣстности культурнаго слоя не было замѣчено, но намъ показалась заслуживающею вниманія обнаруженная на пескѣ противъ с. Гнѣдина куча разрозненныхъ костей отъ нѣсколькихъ скелетовъ; онѣ почти совсѣмъ обнажены отъ песка; на двухъ бедряныхъ костяхъ, принадлежавшихъ вѣроятно одному скелету, въ нижнихъ частяхъ находятся зеленыя пятна отъ окислившейся мѣди. Здѣсь, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ погребенія обитателей стоянокъ Гнѣдина и Вышенокъ, разслѣдованіе котораго принадлежитъ будущему.

Верстъ 20 ниже с. Вышенокъ у д. Жеребятина и с. Койлова встрѣтились только самые незначительные слѣды существованія тамъ стоянокъ первобытнаго человѣка.

Перейдемъ теперь на правую сторону Днѣпра и начнемъ обозрѣніе мѣстности сверху.

Два мѣстонахожденія предметовъ доисторической старины находятся въ окрестностяхъ самаго Кіева. Первое изъ нихъ лежитъ у сѣверо-западной стороны Кіева, возлѣ предмѣстья Пріорки. Песчаные небольшіе бугры расположены вблизи городского лѣса и дали тѣ же находки, что и раньше описанныя стоянки на лѣвомъ берегу; именно: черепки съ аналогичнымъ орнаментомъ, куски кремней, ножички, скребки и подправленныя стрѣлы. Культурный слой замѣчался только въ видѣ тонкаго налета, но за то встрѣтилось много кострищъ, иногда довольно большихъ. Вблизи этого мѣста

въ Кирилловскихъ оврагахъ находятся пещеры, вырытыя въ лесѣ; по изслѣдованіи ихъ проф. В. Б. Антоновичемъ, оказалось, что онѣ служили жилищемъ первобытному человѣку [1]).

Съ юго-запада, у другаго предмѣстья Кіева—Верхней Соломенки, между двумя оврагами, расположена надъ ручьемъ Лыбедью песчаная возвышенность, называемая Лысою Горою. Она указана намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, въ собраніи котораго находится нѣсколько найденныхъ тамъ предметовъ каменнаго вѣка.

Кромѣ кремневыхъ стрѣлъ, ножиковъ и скребковъ намъ встрѣтились здѣсь также черепки съ орнаментомъ болѣе мелкимъ и тонкимъ. Культурнаго слоя почти нѣтъ. Изъ предметовъ не каменнаго вѣка найдены двѣ бронзовыя плоскія стрѣлы; попадаются здѣсь также и желѣзныя стрѣлы. Мы упоминаемъ объ этой мѣстности потому, что хотя она и не лежитъ на берегу Днѣпра, но находится близко отъ той линіи, на которой расположены прочія стоянки.

Ниже Кіева приблизительно верстъ на десять у подошвы возвышеннаго берега расположены рядомъ с. Пирогово и д. Литовская Вита. Между ними находится группа обнаженныхъ песчаныхъ бугровъ, давшихъ тѣ же находки, что и въ другихъ мѣстахъ. Слой песка, окрашеннаго въ темный цвѣтъ проглядывалъ только изрѣдка, но кострища встрѣчались въ большомъ числѣ. Между черепками нашлось нѣсколько, принадлежавшихъ одному сосуду и сплошь покрытыхъ особеннымъ орнаментомъ изъ частыхъ углубленій, сдѣланныхъ острымъ орудіемъ. Тутъ же найдена половинка глинянаго грузила или скорѣе пряслицы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ повидимому обрабатывался кремень, лежала масса осколковъ кремня; кремень, какъ и во всѣхъ прежде описанныхъ стоянкахъ, разноцвѣтный. Изъ отдѣланныхъ орудій найдено нѣсколько ножиковъ и двѣ стрѣлы—одна съ выемкой, другая съ стержнемъ. Между черепками и осколками попадались сильно вывѣтрившіяся и даже окаменѣвшія мелкія кости; онѣ встрѣчались также кучами. Возлѣ с. Пирогова въ лесѣ возвышеннаго берега по исчисленію проф. В. Б. Антоновича нахо-

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 1, стр. 244.

дится 6 пещеръ [1]). Можетъ быть послѣдующія изслѣдованія установятъ какую нибудь связь между этими пещерами и стоянкой у с. Пирогова.

Отъ с. Пирогова до м. Триполья, т. е. на протяженіи 35 слишкомъ верстъ, мѣстность по правому берегу Днѣпра обслѣдована нами поверхностно. Но у насъ есть данные, на основаніи которыхъ можно предположить существованіе стоянки первобытнаго человѣка на половинѣ этого разстоянія, у хутора Козина.

Стоянка у м. Триполья. М. Триполье расположено на возвышенномъ берегу Днѣпра. Къ сѣверу отъ мѣстечка между нимъ и с. Злодіевкой впадаютъ въ Днѣпръ, или скорѣе въ заливъ Днѣпра, три рѣчки: сейчасъ за Трипольемъ р. Красная, протекающая и черезъ мѣстечко, затѣмъ р. Манька и наконецъ подъ с. Злодіевкой—р. Стугна, послѣдняя значительнѣе остальныхъ. Рѣчки эти лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ, такъ что ихъ можно перейти въ бродъ въ сапогахъ. Пункты нахожденія древнихъ предметовъ слѣдующіе: на правомъ берегу р. Красной подлѣ огорода послѣдней крестьянской избы, отчасти же и въ самомъ огородѣ—здѣсь попадались только черепки и кости; затѣмъ главное мѣсто стоянки—между устьями р. Маньки и Стугны по берегу залива; эта же стоянка переходитъ и на другую сторону р. Стугны подлѣ с. Злодіевки, тутъ находки также были незначительны. Мѣстность между устьями Маньки и Стугны представляетъ отлогій песчаный бугоръ; весеннія воды не заливаютъ только верхушки этого бугра, кругомъ же образуется громадное водное пространство, такъ какъ всѣ три рѣчки, а также и Днѣпръ выступаютъ изъ береговъ и сливаются вмѣстѣ.

Площадь, на которой сосредоточены различныя культурныя остатки, занимаетъ не болѣе 500 квадрат. саженей. Все это мѣсто можно сказать укрыто черепками, между которыми попадаются кости, кремни и другіе камни въ отдѣланномъ и неотдѣланномъ видѣ; среди нихъ изрѣдка зеленѣютъ кусочки бронзы и вещи изъ нея; эти послѣднія главнымъ образомъ встрѣчаются въ центральномъ пунктѣ стоянки.

[1]) Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт. кн. I, стр. 244.

Культурный слой обнаженъ на всемъ пространствѣ стоянки, толщина его достигаетъ до $^1/_2$ арш.

Въ данномъ случаѣ мы, также какъ и при описаніи стоянки у Никольской Слободки, раздѣляемъ найденныя здѣсь предметы на группы, именно: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія, 3) остатки пищи и новая группа—4) украшенія.

I. Орудія. а) Каменныя. Изъ шлифованныхъ орудій встрѣтилось только два обломка діоритовыхъ молотковъ; у обоихъ сохранились части дыръ. По одному обломку можно возстановить поперечный разрѣзъ молотка въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась дыра; оказывается, что молотокъ былъ небольшой, съ закругленными боками. Кромѣ этихъ обломковъ найденъ еще кусокъ шлифованнаго діоритоваго цилиндра въ 4 сант. въ поперечникѣ, что это было за орудіе—теперь трудно сказать. Найдено также и нѣсколько камней для шлифованія; заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: 1) кусокъ песчанника почти овальной формы, одна сторона его отшлифована, 2) діоритовый брусокъ 9 сант. длины, одна сторона хорошо отшлифована, другія же только слегка, 3) небольшой кусокъ также діоритоваго бруска съ четырехъ сторонъ отшлифованный. Типы кремневыхъ орудій такіе же какъ и у Никольской Слободки и отличаются такой же миніатюрностью. Больше всего найдено ножиковъ и обломковъ ихъ—до 30; почти всѣ они съ двумя рѣжущими краями. Острія въ настоящемъ смыслѣ не было найдено ни одного, но встрѣчались болѣе или менѣе подходящіе подъ эту форму осколки. Между скребками, кромѣ миніатюрныхъ, найдено нѣсколько штукъ и сравнительно крупныхъ, большей частью продолговатыхъ. Среди подправленныхъ стрѣлъ, попалось нѣсколько штукъ (5) типа неизвѣстнаго Никольской Слободкѣ, именно—со стержнемъ.

б) Костяное: только одинъ обломанный конецъ долота въ $3^1/_2$ сант. длины, лезвіе хорошо отточено, ширина его 1 сант. съ небольшимъ.

в) Бронзовыя: 1) игла съ ушкомъ, посрединѣ немного согнута и надломана, $4^1/_2$ сант. длины. 2) Небольшое долотцо 3-хъ сант. длины, одинъ конецъ отточенный, другой закругленный, приспособленный для всаживанія въ ручку.

II. Гончарство. Гончарный кругъ не употреблялся. Глина большей частью хорошо выдѣланная, безъ примѣси кварца или съ незначительнымъ процентомъ его. Обжигъ почти всегда полный, хотя и не равномѣрный; послѣ обжига сосуды принимали красный цвѣтъ, но встрѣчались также и темные, даже совсѣмъ черные черепки. Нашелся одинъ черепочекъ, покрытый дендритами. Плотность не уступаетъ современной. Толщина стѣнокъ отъ $1^1/_2$ до $^1/_2$ сант. и тоньше. Размѣры сосудовъ, судя по оставшимся черепкамъ, различны, начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая довольно большими. Формы также разнообразны. Цѣлымъ найденъ только одинъ миніатюрный горшочекъ съ толстыми ($^3/_4$ сант.) стѣнками, сдѣланный довольно грубо, посрединѣ онъ расширяется, высота $5^1/_2$ сант. и въ поперечникѣ 6 сант. Но встрѣтилось нѣсколько кусковъ отъ сосудовъ, вполнѣ достаточныхъ для опредѣленія формы. Такъ, найдена часть сосуда, имѣвшаго видъ плоскаго глинянаго круга съ чуть-чуть загнутыми краями; сюда также примыкаетъ сосудъ гораздо лучшей выдѣлки и повидимому большихъ размѣровъ съ невысокими стѣнками, отогнутыми наружу, затѣмъ найдены: два обломка очень маленькихъ сосудовъ въ видѣ плошекъ; цѣлый бокъ сравнительно большаго сосуда, по формѣ напоминающаго современные обыкновенные горшки, онъ украшенъ орнаментомъ изъ углубленій, вдавленныхъ пальцемъ; также довольно большая часть сосуда въ родѣ миски, чернаго цвѣта; бокъ и дно сосуда формы сходной съ вышеописаннымъ цѣлымъ, но гораздо больше его. Найдено также 7 кусочковъ отъ небольшихъ, повидимому, сосудовъ съ частыми сквозными дырочками. Большинство днищъ сосудовъ—плоскія безъ всякихъ знаковъ, но встрѣтилось нѣсколько особенныхъ—у нихъ внутри сдѣлано углубленіе и такимъ образомъ получилось что то въ родѣ кольцеобразной ножки. Ручки отъ сосудовъ попадались часто, найдено до 40 штукъ. Роль ручекъ сначала могли исполнять небольшія шишки, иногда двойныя, налѣпленныя на сосудъ въ видѣ украшенія, затѣмъ онѣ удлиняются и все болѣе и болѣе принимаютъ видъ настоящей ручки, но прикрѣпленной къ сосуду только однимъ концомъ; послѣ начинаютъ прикрѣплять и другой конецъ, хотя ручки все еще

остаются круглыми или четыреугольными; наконецъ онѣ принимаютъ видъ обыкновеннаго плоскаго ушка, иногда даже орнаментированнаго. Все это можно было наблюдать на экземплярахъ, найденныхъ у м. Триполья. Орнаментика сосудовъ очень разнообразна и иногда довольно сложна, имѣетъ много общаго съ таковою стоянки Ник. Слободки. Украшался главнымъ образомъ верхъ сосуда. Самый простой видъ—это углубленія, сдѣланныя пальцемъ, такъ что иногда видѣнъ отпечатокъ ногтя. Наиболѣе многочисленную группу составляетъ орнаментъ дырочками—какъ и у Ник. Слободки; ему не уступаетъ по своей многочисленности орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ—нѣсколькихъ или одной, иногда довольно толстой; на этихъ полоскахъ въ свою очередь дѣлались углубленія. Затѣмъ слѣдуетъ орнаментъ изъ прямой линіи и изъ одинаковыхъ продолговатыхъ углубленій съ перегородками, непрерывно повторяющихся. Кромѣ того, изъ соединенія предыдущихъ орнаментовъ образуются новые. Изъ особенныхъ, мы отмѣтимъ орнаментъ въ видѣ птичьихъ лапокъ, затѣмъ отпечатокъ, полученный какъ бы отъ вдавливанія чего то плетенаго и наконецъ сложный орнаментъ изъ прямыхъ линій, образующихъ треугольники. Углубленія, сдѣланныя пальцемъ и нарѣзки покрываютъ также и самый ободокъ сосудовъ. Заслуживаетъ вниманія украшеніе изъ небольшихъ шишекъ помѣщенныхъ въ средней части сосуда. Глиняныхъ грузилъ и пряслицъ найдено больше 25 штукъ, но цѣлыхъ встрѣтилось немного, все больше половинки. Пряслицы приготовлялись иногда изъ черепковъ разбитыхъ сосудовъ; у Триполья найденъ черепочекъ кругомъ обточенный и вѣроятно предназначавшійся для пряслицы, найдена также одна цѣлая и двѣ половинки такихъ уже готовыхъ пряслицъ съ дырочками посрединѣ. Попадаются пряслицы и орнаментированныя.

III. Остатки пищи. На пескѣ среди черепковъ попадались зубы и кости разныхъ животныхъ, между ними нашлись двѣ большія трубчатыя кости, разбитыя и давшія продольныя трещины. Всѣ кости принадлежатъ животнымъ, до сихъ поръ живущимъ; онѣ большей частью очень вывѣтрились, иногда покрыты дендритами; есть нѣсколько со слѣдами огня. Но вообще

костямъ, найденнымъ на поверхности, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ быть и случайно. Гораздо важнѣе открытая нами изъ песка куча сильно обугливши-хся костей; судя по одному позвонку, кости принадлежали крупному млекопитающемуся, быть можетъ быку.

IV. Украшенія. Къ числу украшеній можно отнесть небольшія и легкія пряслицы; украшеніемъ можетъ быть былъ и найденный тамъ же глиняный цилиндрикъ съ перехватомъ посрединѣ, орнаментированный точками.

Перейдемъ къ бронзовымъ украшеніямъ. Самымъ простымъ видомъ ихъ были тоненькія пластинки, свернутыя въ трубочки разной величины; болѣе сложнымъ является спираль изъ плоской проволоки; далѣе слѣдуетъ пластинка формы трапеціи съ колечкомъ для привѣшиванія, покрытая точками, выбитыми рядами. Наиболѣе представляетъ интереса часть фибулы (видъ броши, употреблявшейся для застегиванія одежи) римскаго типа; игла не сохранилась, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ она прикрѣплялась, замѣтны слѣды желѣзной ржавчины. Совершенно аналогичныя фибулы, сдѣланныя изъ бронзы и желѣза вмѣстѣ, обнаружены на Кавказѣ, въ могилахъ, относимыхъ къ III в. по Р. Х. [1]). Въ центральной части стоянки найдено на одномъ мѣстѣ шесть широкихъ бронзовыхъ полуколецъ, три вывѣтрившіяся бусы изъ композиціи и нѣсколько кусковъ бронзы,—все это вмѣстѣ составляло какое то украшеніе, возстановить форму котораго не удалось. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ и цѣлыхъ вещичекъ встрѣтилось много обломковъ отъ колецъ, пряжекъ, браслетовъ и отъ разныхъ другихъ бронзовыхъ украшеній. Попадались также на этой стоянкѣ куски стеклянныхъ браслетовъ и стеклянныя бусы; найдена, между прочимъ, сережка изъ бронзовой проволоки съ двойной золотистой бусинкой. Мы пока не рѣшаемся припи сать употребленіе этого рода предметовъ обитателямъ стоянки и оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, до нахожденія точныхъ данныхъ.

---

[1]) Нѣсколько экземпляровъ такихъ фибулъ хранятся въ музеѣ древностей университета св. Владиміра.

Заканчивая перечень предметовъ найденныхъ у м. Триполья, нужно добавить, что здѣсь встрѣчалось нѣсколько кусковъ желѣзныхъ ножиковъ, сильно съѣденныхъ ржавчиной и большой желѣзный рыболовный крючекъ.

Бросая общій взглядъ на стоянку у м. Триполья, мы прежде всего находимъ на ней мастерскую каменныхъ орудій. Доказательствомъ приготовленія кремневыхъ отбивныхъ орудій служатъ многочисленные осколки кремня, а также два найденныя ядрища, оставшіяся послѣ отбивки; онѣ очень миніатюрны; особенно замѣчателенъ одинъ изъ нихъ по правильности граней. Тутъ же дѣлали и шлифованныя орудія, на что указываютъ камни для шлифованія.

Глиняныя издѣлія приготовлялись также на мѣстѣ—между черепками найдены два куска глины, изъ которой дѣлали сосуды; они вѣроятно случайно попали въ огонь и такъ были обожжены, а потому и сохранились до сихъ поръ; въ одномъ изъ нихъ глина хорошо выдѣлана, въ другомъ—съ густой примѣсью кварца; на одномъ кускѣ даже видны какъ бы слѣды руки.

Гончарство стоянки у м. Триполья въ выдѣлкѣ и формѣ сосудовъ достигло предѣловъ, дальше которыхъ безъ помощи гончарнаго круга и нельзя было итти. Орнаментъ на сосудахъ отличается правильнымъ и сложнымъ рисункомъ.

Что касается бронзовыхъ предметовъ, то присутствіе ихъ на стоянкѣ можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: или они получены посредствомъ торговли, или же ихъ принесли новоприбывшіе поселенцы. Но, несмотря на это, есть данныя, указывающія на мѣстную обработку бронзы. Это, прежде всего, дно съ остатками стѣнокъ отъ небольшаго тигля, въ которомъ плавилась бронза; слѣды послѣдней и сохранились какъ извнутри, такъ и снаружи сосуда; затѣмъ на стоянкѣ попалось нѣсколько кусочковъ бронзоваго шлака, оставшагося отъ плавки, да еще небольшой кусочекъ бронзовой проволоки, служившей повидимому матеріаломъ для выдѣлки какихъ то мелкихъ предметовъ. Изъ найденныхъ вещичекъ къ мѣстнымъ произведеніямъ можно отнесть трубочки, свернутыя изъ тонкихъ пластинокъ, и довольно простое украшеніе въ видѣ трапеціи; кромѣ того, мо-

жетъ быть и орудія (игла и долотцо) были сдѣланы мѣстными мастерами; фибула же несомнѣнно чужеземнаго происхожденія.

Бугоръ у м. Триполья былъ временной стоянкой, такъ какъ онъ весной покрывался водой. Судя по толщинѣ культурнаго слоя, посѣщенія этого мѣста были часты и продолжительны. Обитатели стоянки между прочимъ питались жаренымъ мясомъ, приготовленнымъ на кострѣ. Одѣвались они въ сшитую одежу. На отпечаткахъ пальцевъ въ украшеніяхъ, покрывающихъ сосуды, можно наблюдать, что пальцы у мастера были тонкіе и небольшіе.

Вотъ и все, что мы можемъ сказать навѣрное; остальные же вопросы, касающіеся быта, остаются пока безъ отвѣта.

Въ заключеніе нужно упомянуть, что проф. В. Б. Антоновичемъ у с. Злодіевки также найдена пещера, вырытая въ лесѣ [1]). Мы думаемъ, что такое соотвѣтствіе въ мѣстонахожденіи пещеръ, открытыхъ проф. Антоновичемъ и стоянокъ, нами описанныхъ, не случайно.

Основываясь теперь на добытыхъ данныхъ, мы можемъ отнесть стоянку у м. Триполья и с. Злодіевки къ концу каменнаго вѣка и началу металлическаго, т. е. къ эпохѣ переходной. Были ли въ употребленіи вмѣстѣ съ бронзовыми орудіями и желѣзныя—на это точныхъ указаній нѣтъ.

Сравнивая всѣ вышеописанныя стоянки, мы должны констатировать сходство ихъ. Сходство это выражается прежде всего въ одинаковомъ мѣстоположеніи: на открытыхъ песчаныхъ бугрáхъ у рѣки, затѣмъ въ характерѣ стоянокъ: культурный слой и мастерская орудій, далѣе въ тожествѣ находимыхъ на стоянкахъ предметовъ какъ изъ камня, такъ и изъ глины. Различіе между стоянкой у Никольской Слободки и стоянкой у м. Триполья, заключающееся въ томъ, что на послѣдней найдены предметы бронзоваго вѣка, можетъ быть объяснено недостаточнымъ обнаженіемъ культурнаго слоя у Никольской Слободки; тоже самое можно сказать и по отношенію къ другимъ незначительнымъ стоянкамъ.

---

[1]) Чтенія въ Ист. об. Нестора Лѣт., кн. 1, стр. 244.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право приписать стоянки по берегамъ р. Днѣпра одному и тому же племени, съ одинаковымъ культурнымъ развитіемъ.

Если на протяженіи лишь пятидесяти верстъ нашлось столько стоянокъ (а нѣкоторыя, можетъ быть, еще скрываются подъ пескомъ), и если допустить, что не только по Днѣпру и его притокамъ, а также и по другимъ рѣкамъ этого края, будутъ открыты аналогичныя стоянки и въ такомъ же числѣ (на что уже есть нѣкоторыя данныя), то нужно признать, что племя, оставившее намъ эти стоянки, было довольно многочисленно.

Помимо общаго названія „первобытный", нѣтъ данныхъ для хронологическаго опредѣленія эпохи, въ которую жило это племя. Нѣтъ также указаній на то, имѣетъ ли это племя какую нибудь связь съ славянскими племенами, которыя мы видимъ уже существующими на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ раньше обиталъ первобытный человѣкъ.

Ник. Бѣляшевскій.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

Иванъ Бондаренко.

Четвертымъ выдающимся ватажкомъ движенія 1768 года несомнѣнно былъ *Иванъ Бондаренко.*

О Бондаренкѣ знали пока только по небольшой замѣткѣ въ мемуарѣ Липпомана. Пробовали, правда, восполнить этотъ матеріалъ еще свѣдѣніями изъ одного документа запорожскаго архива, но къ сожалѣнію неудачно, такъ какъ документъ этотъ оказывается вовсе къ ватажку Бондаренку не относящимся. Въ виду такой скудости матеріала существеннымъ оказалось появленіе въ печати народнаго разсказа о Бондаренкѣ, дающаго точныя свѣдѣнія и о родинѣ его, и о его гибели. Не лишенными интереса окажутся, быть можетъ, и свѣдѣнія о Бондаренкѣ, извлекаемые нами изъ Кодненской книги.

Наиболѣе существеннымъ документомъ для характеристики Бондаренка въ названной книгѣ является для насъ дѣло нѣкоего Корнія[2], котораго кодненская коммиссія охарактеризовала эпитетомъ „hultaj z calego swiata rodem". Въ документѣ заключаются показанія этого Корнія, впослѣдствіи назвавшаго себя Москаленкомъ, причемъ показанія его двоякаго рода—одни добровольныя, а другія—корпоральныя, т. е. данныя подъ пыткой. Въ добровольныхъ показаніяхъ сообщилъ онъ суду только о

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 3.

[2]) Кодн. кн., стр. 533 и слѣд., а также 537.

своемъ шляніи по селитряннымъ и поташнымъ заводамъ въ предѣлахъ такъ называемой Дѣдовщизны (теперь часть радомысльскаго и кіевскаго уѣздовъ) и даже Полѣсія и о двухъ трехъ кражахъ своихъ у крестьянъ то свитокъ, то полушубковъ ради заклада ихъ у шинкарей за горилку. Въ корпоральныхъ же показаніяхъ есть у него и признаніе въ убійствахъ, и цѣлая повѣсть объ участіи его въ ватагѣ Бондаренка.

Изъ словъ Корнія узнаемъ мы, что въ годъ, когда началась на украинѣ „ризанина“ и swywolia, онъ весной состоялъ работникомъ на будѣ ковалевской въ Полѣсіи. Слухъ о swywoli заставилъ его бросить работу и направиться въ Украину. Пошелъ онъ къ Фастову и по дорогѣ попалъ въ Брусиловъ (м. радомысльскаго у., при р. Здвижѣ къ ЮВ. отъ гор.). Выйдя же оттуда, встрѣтился съ Бондаренкомъ, который самъ-четвертъ ѣхалъ грабить. Конечно, Бондаренку не трудно было склонить Корнія вступить въ его ватагу. Когда тотъ согласился, Бондаренко велѣлъ ему ѣхать за собой въ Брусиловъ, гдѣ снабдилъ его пикой. Въ Брусиловѣ уже Бондаренко показалъ свою удаль, разграбилъ мѣстечко, и Корній при этомъ собственноручно убилъ двухъ жидовъ. Изъ Брусилова поѣхали гайдамаки въ с. Грузькое (кіевскаго у.), мѣсто родины Бондаренка, какъ узнаемъ далѣе. Здѣсь Бондаренко рѣшилъ остаться подольше и заѣхалъ въ домъ попа. Горилка въ эти дни рѣкой текла въ Грузькомъ изъ винницъ панскихъ и жидовскихъ—и веселью народа не было конца. Надо полагать, при этомъ, что ватага Бондаренка состояла тогда уже не изъ пяти человѣкъ, какъ показалъ Корній, а изъ большаго числа. Натѣшившись въ Грузькомъ, Бондаренко направился въ Бышовъ (кіевскаго у., при рч. Лупѣ). Здѣсь онъ ограбилъ и убилъ семерыхъ жидовъ и троихъ шляхтичей, ксендза же велѣлъ повѣсить, но не одного, а рядомъ съ съ псомъ и жидомъ. По собственному признанію Корнія подъ пыткой, это порученіе принялъ онъ на себя. Изъ Бышова пошли въ Андріевку (с. кіевск. у при р. Здвижи) и тутъ между прочимъ ознаменовали свое пребываніе убійствомъ шляхтянки, которую привезъ къ нимъ какой-то крестьянинъ; но прежде чѣмъ ее разстрѣляли, гайдамаки два дня держали ее при себѣ. Далѣе

ограбили они с. Рожовъ (м. радомысльскаго у., на границѣ кіевскаго при р. Здвижѣ) и наконецъ явились въ Макаровъ (м. кіевскаго уѣзда при р. Здвижѣ къ З. отъ Кіева). При самомъ въѣздѣ въ это село имъ попался на встрѣчу жидъ съ женой и тремя дѣтьми, не успѣвшій убѣжать отъ бѣды своевременно. Гайдамаки тутъ же на греблѣ убили жида и двухъ сыновей его, а третьяго обѣщаніемъ помиловать склонили къ тому, чтобы онъ застрѣлилъ собственную мать; жиденокъ немедленно исполнилъ ихъ требованіе; тогда Бондаренко обѣщалъ окрестить его и взять къ себѣ за хлопца. Въ Макаровѣ Бондаренко перебилъ всѣхъ жидовъ и семь шляхтичей. Оставался онъ тамъ довольно долго, и именно въ Макаровѣ его захватили мѣстные надворные козаки. Во время этой катастрофы Корній успѣлъ благополучно скрыться, и если попалъ на судъ, какъ мы знаемъ, то значительно позже, и то случайно.

Кромѣ дѣла Корнія Москаленка, свѣдѣнія о Бондаренкѣ даетъ намъ еще небольшая судебная отмѣтка кодненскаго суда по дѣлу Грыцька Грущенка [1]) уроженца с. Гулакъ въ той же Дѣдовщизнѣ. Этотъ Грицько Грущенко былъ при Бондаренкѣ въ Макаровѣ, а раньше состоялъ, кажется, надворнымъ козакомъ въ Бышовѣ. По собственному признанію его, онъ участвовалъ въ Макаровѣ и въ грабежѣ, и въ убійствахъ, причемъ въ оправданіе свое ссылался на вынужденность своего положенія. По словамъ его, и онъ, и всѣ бышовскіе козаки поневолѣ пошли за Бондаренкомъ, такъ какъ будто бы гайдамаки за отказъ идти съ ними грозили имъ смертію. Но подобное оправданіе не спасло Грущенка на кодненскомъ судѣ: онъ былъ обезглавленъ.

Въ дѣлѣ этомъ для насъ имѣетъ значеніе еще одно обстоятельство. Грущенко сообщилъ суду между прочимъ, что нѣсколько гайдамакъ изъ ватаги Бондаренка ѣздили куда-то за тремя паннами Струтинскими и за какою-то вдовою; сами они этихъ шляхтянокъ не перебили, а отправили почему то въ Фастовъ, очевидно, къ Швачкѣ, гдѣ одной изъ нихъ дарована была жизнь. Быть можетъ, эта отправка паннъ въ Фастовъ указываетъ на связь, бывшую между Бондаренкомъ и Швачкой.

[1]) Кодн. кн., стр. 540.

Не безполезнымъ оказывается для нашихъ цѣлей и рядъ документовъ въ той же кодненской книгѣ объ убійствѣ въ с. Дымирѣ нѣкоего шляхтича Вонсовскаго [1]). Село Дымиръ недалеко отъ Макарова (Дымиръ—м. кіевск. у. при рч. Пеховкѣ, къ ССЗ. отъ города), поэтому Бондаренку легко было имѣть сношенія и съ жителями Дымира во все продолжительное пребываніе его въ Макаровѣ. Сношенія такія у него и были дѣйствительно, но при этомъ никакъ нельзя утверждать, что убійство пана Вонсовскаго было внушено имъ: въ дѣлѣ нѣтъ опредѣленныхъ слѣдовъ объ этомъ. Сношенія же съ нимъ велъ дымирскій попъ. Изъ показаній дьяка дымирской церкви видно, что попъ ѣздилъ къ Бондаренку въ Макаровъ, причемъ бралъ съ собою Данила Коваля, заставляя его, дьяка, быть погоничемъ. Пріѣзжая къ Бондаренку, попъ долго съ нимъ совѣщался, а о чемъ именно—дьяку не сказывалъ. Но не всѣ дымирскіе жители были такъ смѣлы, какъ ихъ батюшка. Многіе боялись знаться съ Бондаренкомъ, предполагая возможность доносовъ. Первый дьякъ очень неохотно запрягалъ попу коня, когда тотъ бывало сбирался въ Макаровъ, такъ что одинъ разъ, напримѣръ, попу пришлось три раза посылать за нимъ, а въ четвертый онъ самъ прибѣжалъ къ нему z wielką furią и ругая его каналіей. То же и два крестьянина, которыхъ попъ посылалъ зачѣмъ то къ Бондаренку, предпочли доѣхать до гребли посреди дороги, пробыть тамъ до вечера и затѣмъ, вернувшись въ Дымиръ, ложно объявить батюшкѣ, что Бондаренка уже нѣтъ въ Макаровѣ. Наконецъ, когда самъ попъ заѣхалъ изъ Макарова послѣ свиданія съ Бондаренкомъ въ с. Бородянку (мѣст. кіевск. уѣзда къ СЗ. отъ Кіева) къ тамошнему протопопу, то этотъ послѣдній, довѣдавшись, откуда пріѣхалъ къ нему гость, прямо не одобрилъ связи съ Бондаренкомъ и сказалъ: „злесте зробылы, бо лядчина якъ була, такъ и буде“. Ясно—въ Дѣдовщизнѣ не было полной увѣренности, что поляковъ можно легко побороть.

Между тѣмъ, если гдѣ, то въ Дѣдовщизнѣ должны были знать враговъ своихъ во-очію; ужъ одно то, что уніатскіе ми-

[1]) Кодн. кн., стр. 529—533 и 440.

трополиты и ихъ офиціалы пребывали въ Радомыслѣ—значитъ не мало. Но и кромѣ того, тамошняя шляхта, какъ говорится, давалась въ знаки. Самое дѣло объ убійствѣ Вонсовскаго кой-что говоритъ на этотъ счетъ. Быть можетъ, самое убійство этого мелкаго неважнаго шляхтича, пьянствовавшаго съ пріятелями по корчмамъ, и не носитъ вполнѣ политическаго характера, но во всякомъ случаѣ оно было совершено не изъ-за грабежа, а чуть ли не изъ-за слишкомъ свободнаго отношенія Вонсовскаго къ женскому полу. На это указываетъ по крайней мѣрѣ приведенный въ дѣлѣ разговоръ одной дымирской дѣвушки, шедшей къ Кіеву на жнива, съ однимъ изъ крестьянъ, дававшимъ показаніе по дѣлу. Дивчина говорила ему, что еще задолго до смерти пана Вонсовскаго она просила войта своего села—„абы старого вывезлы“, и на это войтъ ей отвѣчалъ: „отъ его хлопци на улыци кыямы былы“. Наконецъ панъ этотъ былъ убитъ не въ своемъ домѣ, а въ сомнительной хатѣ 50-ти-лѣтней бабы Мотри Малашихи, у которой какъ разъ въ ночь убійства была въ хатѣ еще какая-то другая женщина, ею приглашенная. А такая обстановка невольно наводитъ на мысль, что панъ Вонсовскій былъ человѣкъ распущенный и тѣмъ легко вызвавшій противъ себя ненависть дымирцевъ, которымъ, конечно, отъ легкихъ панскихъ нравовъ не легко жилось на свѣтѣ.

Случай этотъ, повторяемъ, показываетъ, что общее горе не минало дымирцевъ въ разномъ видѣ, и не недостатокъ его могъ удерживать ихъ отъ связей съ Бондаренкомъ, а только опасеніе за успѣхъ начатаго имъ. Возвращаясь же еще разъ къ дѣлу объ убійствѣ Вонсовскаго, замѣтимъ, что предположеніе наше о частномъ характерѣ этого дѣла можетъ встрѣтить нѣкоторое опроверженіе, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что убійство это, по показаніямъ Малашихи, совершилъ не иной кто, какъ коваль Данило, тотъ самый, что ѣздилъ съ попомъ къ Бондаренку, во-вторыхъ—въ томъ, что ворвался коваль въ хату Малашихи для убійства не одинъ, а вмѣстѣ съ попомъ и еще какимъ-то Опанасомъ Лагоденскимъ, и наконецъ въ третьихъ—въ томъ, что послѣ убійства попъ уѣхалъ за московскую границу, какъ будто избѣгая отвѣтственности. При такихъ же усло-

віяхъ вполнѣ отрицать, что дѣло это устроилось безъ указаній Бондаренка, нѣтъ основаній.

Но оставимъ подробности кодненскихъ документовъ и соберемъ изъ нихъ все наиболѣе существенное для характеристики Бондаренка. Самымъ важнымъ для насъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе района его дѣятельности. Въ первомъ документѣ нашемъ онъ обозначенъ совершенно точно: дѣйствовалъ онъ въ Дѣдовщизнѣ въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ и пребывалъ съ своей ватагой въ Брусиловѣ, Грузькомъ, Бышовѣ, Андріевкѣ, Рожовѣ и наконецъ Макаровѣ. Далѣе, изъ того же перваго документа нашего видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Бондаренко былъ весной 1768 года, тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ началась рѣзня. Если же такъ, то онъ, вопреки утвержденію Липпомана, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть раньше въ ватагѣ Неживого, ибо Неживый самъ дѣйствовалъ въ Черкащинѣ, Чигиринщинѣ и Смѣлянщинѣ именно въ то же весеннее время. Мы получаемъ, такимъ образомъ, въ добавокъ къ Желѣзняку, Швачкѣ и Неживому четвертаго одновременно съ ними дѣйствующаго ватажка и дѣйствующаго притомъ въ отдѣльномъ районѣ.

Наконецъ, что до особенностей самого Бондаренка, то онъ скорѣе по типу близокъ къ Швачкѣ, нежели къ Неживому. И онъ, какъ Швачка, не разбирая средствъ, неуклонно стремится къ достиженію своихъ цѣлей—искорененію уніи, шляхетства и жидовства. Жалость—не изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя въ немъ проявляются часто. И дѣло съ жидовскимъ семействомъ подъ Макаровымъ, и убиваніе шляхтянокъ, какъ непосредственно, такъ и via Фастовъ—все это невольно наводитъ на такое заключеніе. Далѣе, онъ опять таки какъ Швачка, а не какъ Неживый, не обращалъ вниманія на нравственныя качества лицъ, вступавшихъ въ его ватагу. Корній Москаленко, этотъ hultaj z calego swiata rodem, былъ въ его ватагѣ чуть не правой рукой его. А по свидѣтельству Грицька Грущенка, приставать къ ватагѣ своей Бондаренко принуждалъ многихъ подъ угрозой смерти, такъ что участіе въ ней бышовскихъ козаковъ было будто бы не добровольное. И, если только указанія Грущенка не ложны, то

это опять таки черта, совсѣмъ чуждая Неживому. Въ виду всего этого, какъ и въ Швачкѣ, мы видимъ въ Бондаренкѣ человѣка фанатичнаго, раздраженнаго, не терпящаго противорѣчій и готоваго рѣшительно на все для достиженія своихъ цѣлей.

Иныя нѣсколько заключенія дѣлались о Бондаренкѣ на основаніи давнихъ свѣдѣній о немъ.

Его, напримѣръ, считали какъ бы преемникомъ Неживого послѣ арестованія этого послѣдняго Чорбой. Вслѣдъ за Липпоманомъ [1]) г. Мордовцевъ въ книгѣ своей „гайдамачина“ прямо утверждаетъ [2]), что Бондаренко былъ „предводителемъ шайки, составившейся изъ раздробленныхъ частей шайки Неживого“. Г. Мордовцевъ въ добавокъ считаетъ, что до выступленія въ роли ватажа Бондаренко былъ въ ватагѣ Неживого, разсказываетъ даже, какъ Неживый убѣждалъ Бондаренка пристать къ гайдамачеству въ то время, когда-де этотъ послѣдній жилъ въ с. Чаплинцахъ. И сообщилъ названный авторъ подобныя свѣдѣнія на основаніи показаній гайдамаки Ѳедора Бондаренка, пойманнаго въ предѣлахъ Вольностей Войска запорожскаго и допрошеннаго въ кошѣ 25 іюня 1768 г. [3]). Пользуясь этимъ документомъ, г. Мордовцевъ передалъ кстати и о прошломъ Ѳедора Бондаренка, принятаго имъ за ватажка. Оказывается, что онъ былъ родомъ изъ села Могулевца Лубенскаго полка чигиринъ—дубровской сотни и еще при жизни отца своего Василія Бондаря переселился въ с. Чаплинцы, гдѣ его сманилъ въ гайдамаки пришедшій будто бы туда Неживый. Далѣе изъ документа г. Мордовцева, или вѣрнѣе Скальковскаго, видно, что Ѳедоръ Бондаренко дѣйствительно былъ въ ватагѣ этого послѣдняго; онъ могъ по крайней мѣрѣ довольно обстоятельно пересказать о ней кошу. Послѣ приведенія всѣхъ этихъ свѣдѣній г. Мордовцевъ самъ отмѣтилъ противорѣчіе между показаніями Ѳедора Бондаренка, нигдѣ не говорящаго о своей важной роли ватажка, и утвержденіями Липпомана о томъ, что у Бондаренка была боль-

[1]) Buńt hajdamaków na Ukrainie, стр. 49.

[2]) Мордовцевъ. Гайдамачина, стр. 457.

[3]) О существованіи этого документа знаемъ по книгѣ Скальковскаго „Наѣзды Гайдамакъ“. Стр. 120.

шая орда, что онъ былъ важнымъ ватажкомъ; кромѣ того, нельзя было согласить г. Мордовцеву поимки Бондаренка въ запорожіи съ сообщеніемъ Липпомана, что ватага Бондаренка и онъ самъ были захвачены въ Макаровѣ сотникомъ z dobr korninskich imenia Proskurow dziedicznych, по фамиліи Щербиной.

И дѣйствительно, всѣ эти противорѣчія несогласимы и вызваны они смѣшеніемъ ватажка Бондаренка съ его однофамильцемъ, тоже бывшимъ въ гайдамакахъ, но не ватажкомъ. Ватажокъ Бондаренко былъ Иванъ, а не Ѳедоръ, какъ это видно изъ документа нашего [1]), гдѣ Иваномъ Бондаренкомъ названо лицо, выступающее ватажкомъ въ предѣлахъ житомирскаго, овручскаго и кіевскаго повѣтовъ и выступающее въ той же роли и въ томъ же районѣ и въ другихъ документахъ нашихъ [2]). Далѣе въ ватагѣ Неживого, какъ мы уже сказали, ватажокъ Бондаренко быть не могъ, ибо уже весной дѣйствовалъ въ Дѣдовщизнѣ, какъ самостоятельный дѣятель, дѣйствовалъ самостоятельно стало быть тогда, когда въ другомъ районѣ дѣйствовалъ Неживый. Знаемъ мы въ добавокъ, что и по особенностямъ своимъ личнымъ Бондаренко не могъ быть продолжателемъ Неживого. Что же до утвержденія польскаго мемуариста о захватѣ Бондаренка козацкимъ сотникомъ Щербиною въ Макаровѣ, то это утвержденіе относится именно къ Ивану Бондаренку, какъ это видно и изъ показаній Корнія Москаленка. Наконецъ мы уже отчасти знаемъ, что и родина ватажка Бондаренка была не въ Могулевцѣ, а въ с. Грузькомъ бышовской волости житомирскаго повѣта; полнымъ же подтвержденіемъ этому служитъ народное преданіе, записанное старожиломъ села Грузькаго [3]). Преданія этого во время составленія Мордовцевымъ его книги литература не знала, конечно.

Преданіе, о которомъ рѣчь, доставляя намъ существенныя свѣдѣнія о Бондаренкѣ, даетъ однако о немъ въ то же время нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое мы вывели на основаніи судебныхъ документовъ. Въ преданіи Бондаренко нѣ-

[1]) Кодн. кн. стр. 540.

[2]) Ibidem стр. 529—533.

[3]) „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 3-я.

сколько идеализированъ народомъ, съ него снятъ тамъ его мрачный обликъ, какъ снятъ онъ въ народныхъ пѣсняхъ и со Швачки. Суть народнаго преданія этого въ слѣдующемъ.

Бондаренко былъ родомъ изъ с. Грузького, гдѣ помѣщикомъ былъ Харлинскій. Въ экономіи опредѣлили Бондаренка, еще когда онъ былъ мальчикомъ, сторожемъ при кухнѣ—и онъ терпѣлъ не мало невзгодъ, оставаясь въ этой роли. Наконецъ онъ сказалъ себѣ: „дай, Боже, ноги,—куда очи глядятъ, туда и дорога“—и попалъ къ Желѣзняку и Швачкѣ. У нихъ онъ встрѣтилъ Нечаенка, который сталъ его неразлучнымъ другомъ. Вскорѣ Бондаренко сдѣлался настоящимъ „лыцаремъ и характерникомъ“, умѣющимъ заговаривать оружіе, такъ что самого его пуля не брала. Собравъ черезъ нѣсколько времени свою ватагу людей, Бондаренко уже въ качествѣ ватажка рѣшился побывать между прочимъ и на своей родинѣ, у матери въ Грузькомъ. Объ этомъ и въ пѣснѣ поется:

Не захотивъ Бондаренко на Украини жыты
Да прыихавъ до Бышова жидивъ ляхивъ быты.
Не багато винъ постоявъ на бышевскимъ мости
Да прыихавъ до Грузькои до матери въ гости.

Въ Грузькомъ встрѣтили Бондаренка хорошо, и священникъ благословилъ его „на все доброе“ У священника въ домѣ и поселился Бондаренко. Никому въ селѣ обидъ онъ не чинилъ; только „шапаря“ (ключника) Яроша за „господыню“ (ключницу) Марыську онъ припугнулъ, а перваго даже велѣлъ ограбить, зная, какимъ нечестнымъ путемъ были нажиты имъ деньги и помня собственныя обиды отъ него. Во все время своего пребыванія въ Грузькомъ Бондаренко „бенкетовалъ“ съ крестьянами, добывая для этого горилку изъ панскихъ складовъ. Тѣхъ однако изъ крестьянъ, у которыхъ были работы, онъ не держалъ при себѣ, и послѣ одного дня пированія далъ имъ опохмѣлиться и отпустилъ. Среди пированія Бондаренко однако не забылъ о своей семьѣ и, чтобы дать матери кой-какія средства, онъ послалъ друга своего Нечаенка съ нѣсколькими гайдамаками въ окрестности Грузькаго на грабежъ—и добычей отъ этого грабежа одѣлилъ мать и родичей, посовѣтовавъ имъ перемѣнить

фамилію и уѣхать за московскую границу. Когда ему привели маленькаго сына помѣщика, то онъ погладилъ его по головѣ и далъ ему пряникъ. Бабѣ, которая его принесла, велѣлъ его беречь, говоря: „вѣдь будетъ же онъ вашимъ паномъ“. Ушелъ Бондаренко изъ Грузькаго, по словамъ преданія, послѣ того, какъ туда явился отрядъ польскихъ гусаръ, чего, какъ мы знаемъ, на самомъ дѣлѣ не было. Съ этими гусарами Бондаренко будто бы даже вступилъ въ бой, о чемъ и въ пѣснѣ поется:

Наихалы гусары Грузьку палыты,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы боронытъ
Нечаенко на дзвиныцю михъ пороху тягне,
Бондаренко въ правій руци рушныцю готуе.
Ой, якъ стрелывъ Нечаенко—коныка пидстрелывъ,
Ой, якъ стрелывъ Бондаренко—гусарыка встрелывъ
Ой, рушылы гусары зъ Грузькои втикаты—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы доганяты.

Послѣ этого фантастическаго эпизода разсказывается далѣе въ преданіи о приходѣ Бондаренка въ Макаровъ и о захватѣ его тамъ козацкимъ сотникомъ Щербиного изъ Корнина, что, какъ мы уже знаемъ, подтверждается и Липпоманомъ, и нашимъ документомъ. Наконецъ, въ заключеніе передается въ преданіи о казни Бондаренка въ Чернобылѣ, что дѣйствительно состоялось по приговору доминіальнаго суда.

И такъ, въ народномъ преданіи Бондаренко вовсе на фанатичный ненавистникъ своихъ враговъ: онъ щадитъ сына пана своего, хотя и предвидитъ въ немъ будущаго пана; онъ даже не мститъ смертію своимъ злѣйшимъ врагамъ, „шапарю“ и „господынѣ“, а ограничивается тѣмъ, что напугалъ ихъ обоихъ; онъ, наконецъ, хорошій семьянинъ. Такой Бондаренко, конечно, не похожъ на характеризованнаго нами историческаго, допустившаго на своихъ глазахъ матереубійство по принужденію гайдамакъ, избивавшаго также всѣхъ своихъ враговъ направо и налѣво и даже женщинъ. Но разница подобная между Бондаренкомъ кодненскихъ актовъ и народнаго преданія и пѣсенъ не должна насъ поражать. Народу тяжело было вспомнить объ отрицательныхъ чертахъ своихъ защитниковъ, о чертахъ, нарушавшихъ цѣльность рисовавшагося уму чистаго образа борцовъ за вѣру и правду.

Гайдамацкіе загоны.

Возвращаясь къ указанной нами въ началѣ главы организаціи среди гайдамакъ и къ ихъ плану овладѣть Украиной путемъ размѣщенія главныхъ своихъ силъ въ четырехъ пунктахъ этого края, мы видимъ теперь, что для подтвержденія этого у насъ имѣются, во-первыхъ, показаніе Швачки послѣ его ареста Протасьевымъ и, во-вторыхъ, фактическія данныя о скопленіи гайдамакъ близъ Умани, въ староствахъ чигиринскомъ, черкасскомъ и каневскомъ, близъ Бѣлой Церкви и къ востоку отъ Радомысля на границахъ кіевскаго полѣсья. Нѣкоторое сомнѣніе могло бы развѣ явиться у насъ только относительно участія въ этомъ планѣ Бондаренка. Швачка, поминая въ своихъ показаніяхъ Желѣзняка, Неживого и себя, не поминаетъ Бондаренка, притомъ же послѣдній не имѣлъ ни одной крупной стычки съ врагомъ. Но для разсѣянія подобнаго сомнѣнія о роли Бондаренка слѣдуетъ помнить, что мы имѣемъ только обрывки фактовъ, характеризующихъ его дѣятельность, и что съ другой стороны есть основаніе думать, что онъ имѣлъ большое значеніе въ движеніи 1768 года. На это указываютъ и сообщенія о томъ, что у Бондаренка была цѣлая орда гайдамакъ, и страхи поповъ и крестьянъ, думавшихъ, что „лядчина якъ була, такъ и буде“, быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ этимъ опаснымъ ватажкомъ, и наконецъ вкривь и вкось шедшіе толки мемуаристовъ о связи Бондаренка съ Неживымъ. Все это, правда, не точныя указанія съ фактической стороны, но все это вѣрныя выраженія впечатлѣнія, оставшагося у современниковъ о дѣятельности Бондаренка.

Что касается теперь до пригодности указаннаго плана, то навѣрное можно утверждать, что, при слабости тогдашнихъ польскихъ силъ, гайдамаки могли бы, пользуясь имъ, долго продержаться въ Украинѣ и пожалуй даже овладѣть всѣмъ кіевскимъ воеводствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, все это воеводство чуть не съ 1712 года было только въ распоряженіи крупныхъ магнатовъ-помѣщиковъ. Никакихъ государственныхъ властей, ни гражданскихъ, ни военныхъ, здѣсь не было. Коммиссары, губернаторы, посес-

соры того времени—это все или управляющіе имѣніями пановъ (коммиссары—управляющіе большихъ земель, губернаторы—меньшихъ), или арендаторы. Имъ отдано было не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была также всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ украинской партіи, т. е. той части войска Рѣчи Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону возставшихъ, достигнуть одолѣнія поляковъ гайдамакамъ было бы вполнѣ возможно. Только невходившее въ ихъ разсчеты появленіе въ краѣ россійскихъ войскъ неминуемо должно было повлечь за собою полное неосуществленіе затѣяннаго плана.

Въ виду этого появленія своего рода deus'a ex machina немного помогло дѣлу и то, что указанный выше планъ одолѣнія Украиной былъ построенъ не только въ разсчетѣ на главныя силы четырехъ выдающихся ватажковъ, но и въ разсчетѣ на сокрушительность партизанской войны, которую должны были вести и вели *гайдамацкіе загоны*. Впрочемъ, благодаря загонамъ, даже и русскія силы не могли долго вполнѣ искоренить возстанія. Въ виду же такого значенія загоновъ—они заслуживаютъ большаго вниманія со стороны знакомящихся съ коліивщиной.

Веденіе войны „загонами" южно-русское населеніе, конечно, заимствовало отъ татаръ, но надо однако имѣть въ виду, что у татаръ „загонъ", или небольшой отрядъ, отдѣлившійся отъ главнаго войска орды, представлялъ изъ себя нѣчто не вполнѣ похожее на загоны южно-русскіе временъ Хмельницкаго, а еще больше временъ гайдамачины.

Лучшее представленіе о татарскомъ загонѣ даетъ слѣдующее описаніе Боплана [1]). „Татары, пишетъ онъ, привыкли съ

[1]) Описаніе Украины Боплана. Стр. 50—51.

дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За три или четыре мили отъ границы они останавливаются въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на три части. Двѣ трети образуютъ главный корпусъ, а остальная треть—два крыла, правое и лѣвое. Въ такомъ видѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ своего корпуса и начинаютъ свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 человѣкъ въ каждомъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни, потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ и поджигаютъ оный съ четырехъ сторонъ. Сіи отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ часа черезъ четыре, ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители—два свѣжіе крыла отдѣляются направо и налѣво, грабятъ и опустошаютъ точно такъ же, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто нихъ выходятъ на добычу новые отряды".

Во времена Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками южнорусское населеніе тоже прибѣгало къ загонамъ, но загоны наши менѣе были связаны съ главными козацкими силами, чѣмъ загоны татаръ съ своимъ главнымъ корпусомъ. Н. И. Костомаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ загоны, разсыпавшіеся по Украинѣ лѣтомъ 1648 года [1]). „По южно-русской землѣ, читаемъ у него, кружили вооруженные отряды, которые назывались за-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, стр. 314—315, 321.

гонами. Въ старину это имя давалось татарскимъ полчищамъ но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались въ случаѣ недостатка оружія косами и дубьемъ и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную расторопную голову. Потомъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не спосились съ своимъ „батькомъ", а просто составлялась шайка, выбирали атамана и пускались на грабежи и убійства. Они назывались козаками, хотя бы, организовавшись въ шайки самовольно, и не были записаны въ козацкій списокъ; число ихъ увеличивалось чрезвычайно быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, какъ скоро козацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей, какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на палацъ или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни грудным младенцамъ: истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или униты и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами, вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины". „Такихъ загоновъ было *безъ-личь*, по выраженію лѣтописи. Держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе. Загоны носили названіе по большей части по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые, по своей многолюдности или по образу дѣйствія, остались въ исторіи и народной памяти" (Морозенко).

Не столь грандіозны, конечно, были загоны въ періодъ коліивщины: вмѣсто тысячъ, а подчасъ и десятковъ тысячъ хлоповъ, какъ это было при Хмельницкомъ, теперь въ загонѣ бывало часто нѣсколько десятковъ и рѣдко двѣ-три сотни человѣкъ. Отвага и смѣлость бывали только прежнія. Что же до

зависимости новыхъ загоновъ отъ организаторовъ главныхъ силъ и до связи ихъ съ этими силами, то въ періодъ коліивщины и то, и другое относительно извѣстныхъ намъ загоновъ еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ можно было все это опредѣлить во времена Хмельницкаго. Впрочемъ, обращаясь къ даннымъ о загонахъ, извлеченнымъ нами изъ Кодненской книги, мы легко усмотримъ, что въ районѣ дѣятельности каждаго изъ четырехъ главныхъ гайдамацкихъ ватажковъ періода коліивщины были свои загоны, причемъ только немногіе изъ этихъ загоновъ выступаютъ передъ нами вполнѣ отрѣшившимися отъ политическихъ цѣлей и являются превратившимися въ разбойничьи шайки, вредныя и для крестьянъ. Что явленій подобнаго перерожденія было немного, и что во всякомъ случаѣ между загонами и главными силами сохранялось своего рода молчаливое соглашеніе и преобладало тождество цѣлей,—что все это было, въ этомъ и надо, быть можетъ, усматривать своего рода организацію коліевъ, обусловленную серьезными мотивами одинаковаго настроенія народной толпы, а не внѣшними договорами.

Загоны коліевъ всегда имѣли своихъ ватажковъ. По даннымъ о послѣднихъ всегда можно судить и о дѣятельности загоновъ, носившихъ ихъ имя.

Изъ ватажковъ загоновъ, дѣйствовавшихъ въ юго-западномъ и южномъ углу Кіевщины, слѣдовательно въ районѣ Желѣзняка, въ Кодненской книгѣ названо 8 или даже 9. Не всѣ они дѣйствуютъ, какъ политическіе дѣятели; нѣкоторые выступаютъ, какъ простые разбойники.

Къ послѣднимъ ватажокъ *Носъ* [1]), съ котораго мы начнемъ, очевидно не принадлежалъ, хотя свѣдѣній о немъ очень мало. Изъ Кодненской книги мы знаемъ только, что бывшіе въ его ватагѣ Василій Постоленко, Яцко Работенбутъ, Ѳедоръ Еднокосъ и Савка Малый—всѣ приговорены кодненской военно-судной коммиссіей къ смертной казни, и только Матвій Крывый не былъ порѣшенъ коммиссіей сразу и былъ оставленъ ad resolutionem, но отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и онъ избавилъ коммис-

[1]) Кодн. кн, стр. 447.

сію, такъ какъ умеръ сидя въ ямѣ (тюрьмѣ). Преступленія этихъ попавшихся гайдамакъ изъ загона Носа въ судебныхъ отмѣткахъ обозначены разно: одинъ былъ де проводникомъ Носа и забиралъ котлы въ Козацкой Долинѣ; о другомъ сказано, что онъ присталъ къ ватажку Носу и грабилъ; о третьемъ—что онъ имѣлъ щитъ, добытый въ Лисянкѣ, и былъ въ ватагѣ у ватажка Носа. Что до мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Носъ, то это небольшой районъ въ предѣлахъ теперешняго звенигородскаго уѣзда; въ судебныхъ отмѣткахъ о носовскихъ гайдамакахъ поминаются по крайней мѣрѣ слѣдующія селенія и мѣстечка звенигородскаго уѣзда: Бугачевка, Козацкая Долина, Лисянка.

Ватажокъ *Саражинъ* [1]) дѣйствовалъ въ сѣверной части звенигородскаго уѣзда и между прочимъ въ Бояркѣ, гдѣ его загонъ и былъ захваченъ польскимъ подъяздомъ. Судившіеся за участіе въ его загонѣ, Мусій Лебедиченко и Марко Пластуненко, утверждали, что они ни въ грабежѣ, ни въ убійствахъ неповинны, ибо шли по мѣстности, по которой раньше проходилъ Желѣзнякъ, не оставившій послѣ себя для Саражина никакой поживы. О Саражинѣ поминаетъ покойный Максимовичъ [2]), какъ о предводителѣ запорожскаго загона, доходившаго по численности до 131 человѣка. Саражину будто бы подчинялись ватажки небольшихъ запорожскихъ группъ въ 17—20 душъ: Бандурка, Скорина, Петръ Вѣтеръ. Но по Максимовичу захваченъ былъ Саражинъ не польскимъ подъяздомъ, а гусарской командой, въ которой онъ самъ раньше состоялъ квартирмейстеромъ, и притомъ не въ Бояркѣ, а при с. Нерубайкѣ (уман. у. при рч. Нерубайкѣ, къ В. отъ м. Торговицы). Согласить справку Максимовича съ данными Кодненской книги нѣтъ возможности. Быть можетъ даже, что въ обоихъ источникахъ идетъ рѣчь о разныхъ людяхъ, но однофамильцахъ.

Къ загонамъ Желѣзняка, наиболѣе отъ него отдалявшимся, какъ кажется, слѣдуетъ отнести загонъ *Ивана Чернаго*, который

---

[1]) Кодн. кн., стр. 536.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 586.

названъ въ документахъ „атаманомъ отъ ватаги Желѣзняка“ [1]). Загонъ этотъ появлялся въ Орловцѣ (с. черкаск. у. при рч. Мѣдянкѣ къ ВЮВ отъ м. Городищъ) и вообще въ Смѣлянщинѣ. Въ распоряженіи этого атамана было моментами человѣкъ восемь гайдамакъ, но и съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ онъ грабилъ и убивалъ, хотя одинъ изъ его подручниковъ и утверждалъ, что въ самомъ началѣ движенія гайдамаки избѣгали рѣзни.

Съ титуломъ „атамана отъ ватаги Желѣзняка“ встрѣчаемъ и другого *Чернаго Никиту* [2]), дѣйствовавшаго въ Уманщинѣ въ Воронномъ, Бастачкахъ, Зеленомъ Рогѣ (с. уман. у. при впаденіи рч. Конелы въ Горскій Тикичъ), Шабардашѣ. Никита Черный многихъ убивалъ и грабилъ. Удивительна его судьба: онъ самъ былъ убитъ гайдамаками, вѣроятно разбойничьими, наѣхавшими въ Воронное изъ Маньковки; гайдамаки эти захватили себѣ всю добычу, найденную при Черномъ.

Совершенно стороннимъ Желѣзняку и даже враждебнымъ ему выступаетъ ватажокъ *Паралюшъ* [3]) (sic), который, собравши загонъ, дѣйствовалъ съ нимъ въ с.-з. части Уманщины. Побывалъ онъ въ слѣдующихъ селахъ: въ Монастырищѣ, Охримовѣ, Цыбуловѣ, Попуднѣ, Княжей Крыницѣ. При немъ было два атамана—Панасюкъ и Каранышъ (sic); первый былъ человѣкъ мѣстный, родомъ изъ Охримова. Въ Монастырищѣ Паралюшъ сжегъ костелъ, подъ Цыбуловымъ же захватилъ стадо и, устроивъ въ тамошнемъ лѣсу облаву и выловивъ такимъ образомъ спрятавшихся тамъ шляхтичей, велѣлъ всѣхъ ихъ перебить. Когда ватага эта попала затѣмъ въ Княжу Крыницу и тамъ до Паралюша дошелъ слухъ, что въ с. Зарубинцахъ какіе то гайдамаки ограбили церковь, онъ немедленно послалъ туда на развѣдки одного изъ своихъ—Игната Щербину. Послѣдній пришелъ въ Зарубинцы, но тамъ немедленно былъ схваченъ зарубинской громадой и доставленъ въ с. Житникъ, гдѣ стоялъ какой то за-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 12 и 51, а также 476.

[2]) Ibidem, стр. 593.

[3]) Кодн. кн,, стр. 3 и 56.

гонъ Желѣзняка. Щербину ватага эта избила и бросила, а сама ушла въ Умань.

Очевидно, Паралюшъ дѣйствовалъ совершенно независимо, хотя и въ общемъ духѣ возставшихъ. Нельзя объяснить сожженія церкви загономъ Желѣзняка и ненависти, обнаруженной этимъ послѣднимъ загономъ къ ватагѣ Паралюша.

Всѣ вышеприведенныя данныя извлечены изъ дѣла Игната Щербины, одного изъ гайдамакъ ватаги Паралюша. Кодненской коммиссіей означенный Щербина обезглавленъ.

Очень распущеннымъ и даже разбойничьимъ выступаетъ предъ нами загонъ *Ивана Романченка.*

Для характеристики этого ватажка и его загона Кодненская книга даетъ намъ дѣло Ивана Мельника [1]).

Иванъ Мельникъ родомъ былъ изъ села Стычекъ нѣжинскаго полка, слѣдовательно по тогдашнему въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой былъ человѣкъ заграничный. Уже женатымъ перешелъ онъ съ мѣста своей родины черезъ Кіевъ въ с. Квитки черкас. у.). Прійдя туда, онъ былъ удержанъ квитковскими людьми для житья среди нихъ (przyszed do Kwiltek gdzie od ludzi gromadskich przytrzymany aby tam mieszkal). Очевидно жители недавней руины все еще чувствовали остатки старой пустыни, и для нормальнаго человѣческаго житія во вновь оживлявшихся селахъ имъ нужны были люди и люди. Въ первое время своего пребыванія въ селѣ Квиткахъ Иванъ занялся мельничнымъ дѣломъ (sedzial w mlynie) по найму; самостоятельнымъ же хозяиномъ сталъ онъ только послѣ того, какъ, промоловъ на мельницѣ цѣлую зиму, купилъ себѣ хату.

Незадолго до обострившагося проявленія возстанія въ 1768 г. пришелъ въ Квитки къ Ивану Мельнику запорожецъ Лапа и сталъ у него жить. И вотъ съ этимъ то Лапой, „gdy zaczęła sie rewolutia“ и „gdy orda do slobod wychodzila“, Мельникъ двинулся къ ватажку Романченку, который собиралъ загонъ для нападенія на орду. Нашли они Романченка въ Ольшаной. Три

---

[1]) Кодн. кн., стр. 1, актъ 3-й.

дня оставались они тамъ у него, пока онъ не повелъ ихъ къ московскому войску, вышедшему противъ орды. Далѣе о дѣлѣ съ ордой въ нашемъ документѣ рѣчи нѣтъ; сказано только, что дошелъ Романченко до Тыкича и тамъ распустилъ своихъ людей. Запорожецъ Лапа послѣ этого присталъ къ ватажку Губѣ, который стоялъ въ Лебединѣ, а Мельникъ поторопился въ Квитки, чтобы переселить оттуда жену свою и дѣтей за границу. Когда же самъ онъ, уже переселивши жену и дѣтей, появился затѣмъ на ярмаркѣ въ Красноселицѣ, то былъ тамъ задержанъ квитковскими людьми и отданъ ближайшей военной подъяздовой командѣ въ Корсунѣ. О причинѣ этого задержанія Мельника квитковскими людьми выражено было основательное предположеніе судьями въ Коднѣ. Мельникъ прямо былъ уличенъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ ватажкомъ Романченкомъ и запорожцемъ Лапой грабилъ с. Квитки, жегъ его и потому долженъ былъ уйти оттуда самъ и увести свою семью. Попавши за границу, Мельникъ тотчасъ же былъ тамъ принятъ въ счетъ при распредѣленіи на жителей пикинерскихъ тягостей: вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами онъ долженъ былъ содержать одного пикинера, и за это его самого на правомъ берегу Днѣпра, когда онъ туда явился на время, стали величать пикинеромъ. Кодненскій судъ приговорилъ его обезглавить.

Интересно, что квитковская громада ничего не имѣла противъ Ивана Мельника ни при появленіи у него запорожца Лапы, ни затѣмъ при ихъ отправленіи къ Романченку въ Ольшану якобы для противодѣйствія вторгшейся въ слободы татарской ордѣ. Такого рода поступки Мельника люди считали совершенно согласными съ общими интересами. Но когда затѣмъ загонъ Романченка, въ которомъ былъ и Мельникъ, превратился въ грабительскую шайку, общественное преслѣдованіе ихъ стало естественнымъ.

Что Романченко былъ только грабителемъ, хотя это и отрицалъ Мельникъ въ своихъ показаніяхъ, видно и изъ другого судебнаго дѣла—нѣкоего Василія Чапенка [1]), также принадлежавшаго къ ватагѣ Романченка.

[1]) Кодн. кн., стр. 43.

Этотъ Чапенко присталъ къ загону Романченка по его личному подговору и притомъ значительно позже Ивана Мельника, когда интенсивность народнаго движенія уже ослабла. Ему было тогда не больше 21 года и жилъ онъ въ мѣстечкѣ Могилевѣ (с. алекс. у. херс. губ. при верховьи Ингула). Родомъ же онъ былъ изъ Могилева на Днѣстрѣ, причемъ оставилъ этотъ городъ вмѣстѣ съ родителями. Романченко встрѣчался съ Василіемъ Чапенкомъ на хуторѣ Щорбы, гдѣ у него, Романченка, была родственница. Романченко былъ не одинъ тамъ, а съ другомъ своимъ—Василіемъ Щербиной. Причемъ оба они были уже пикинерами. Счастливо уйдя отъ отвѣтственности за дѣла 1768 г., Романченко очевидно успѣлъ въ гетманщинѣ обрѣсти положеніе, нѣсколько маскировавшее его прошлое. Сталъ онъ даже не только пикинеромъ, а пикинерскимъ сотникомъ. Встрѣтясь съ Чапенкомъ въ хуторѣ Щорбы, Романченко подговорилъ его принять участіе въ кражѣ воловъ, увѣривъ его, что къ нему, Романченку, прійдетъ еще шесть человѣкъ для той же цѣли. Когда Чапенко согласился, начался цѣлый рядъ самыхъ неблаговидныхъ нападеній на крестьянскій скотъ, нападеній, оканчивавшихся впрочемъ часто неудачей. Сперва удавалось однако всѣмъ уходить отъ ареста; послѣ же одного нападенія на московскихъ фуражировъ, Чапенко, не имѣвшій подъ собой хорошаго коня, былъ схваченъ и отправленъ въ Кодню. На судѣ, кромѣ всего изложеннаго, обнаружилось, что въ 1768 году, когда губернаторъ кодненскій Радошевичъ бѣжалъ изъ Кодни на московскую границу, Василій Чапенко, не смотря на требованіе своихъ товарищей-парубковъ убить ляха, укрывавшагося отъ преслѣдованія своихъ людей, не убилъ его и другимъ не далъ убить. Благодаря этому, человѣкъ, грабившій крестьянъ, оставленъ кодненскимъ судомъ свободнымъ отъ какого бы то ни было наказанія.

Въ нашихъ документахъ имѣется еще небольшая отмѣтка о третьемъ участникѣ ватаги Романченка. Соучастникъ этотъ—Карпо Настыченко [1]), родомъ изъ Юрковки, былъ оговоренъ не только односельчанами, но даже родною матерью. Поступки же

[1]) Кодн. кн., стр. 447.

его оказались неминуемо требующими смертной казни по законамъ той поры.

Судя по такимъ участникамъ загона Романченка и по его собственнымъ дѣяніямъ, мы должны вывести заключеніе, что загонъ Романченка былъ разбойничій, вслѣдствіе чего онъ и подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ крестьянскихъ громадъ.

О загонѣ ватажка *Ремезы* мы имѣемъ свѣдѣнія изъ показаній крестьянина Грыцька Безносенка [1]), который, по собственному признанію его, въ 1768 году былъ самъ въ этомъ загонѣ.

Грыцько Безносенко въ 1768 году жилъ въ с. Вербовцѣ смѣлянскомъ, куда онъ передъ тѣмъ пришелъ на слободы изъ Луки подъ Межиричемъ. Родина же его была подъ Коростышевымъ въ с. Родовкѣ; оставилъ онъ ее еще съ отцемъ и матерью, промѣнявъ на с. Луки. Въ Вербовецъ, гдѣ зажилъ Безносенко, и явился Ремеза еще пока съ небольшимъ загономъ. Тамъ къ нему пристало нѣсколько вербовчанъ. Кромѣ самого Безносенка, это были по его сообщенію, Іовъ Савка, Трохимъ Куличка и Никита Гончаренко. Всѣхъ ихъ Ремеза заманилъ къ себѣ сообщеніемъ, что въ случаѣ неудачи въ Украинѣ имъ можно будетъ уйти въ гетманщину и тамъ поступить въ пикинеры, тѣмъ больше, что какъ разъ въ то время шелъ пикинерскій наборъ. Увеличивъ свой отрядъ, Ремеза долженъ былъ подумать о его вооруженіи, харчахъ и одеждѣ. Чтобы добыть все это, онъ рѣшилъ ограбить Вербовецъ, въ которомъ стоялъ. Когда же все необходимое было тамъ добыто, онъ двинулся на грабежи въ другихъ мѣстахъ. Тянулось это до тѣхъ поръ, пока въ селѣ Папужинцы (ум. у.) не наткнулся на уманскихъ надворныхъ козаковъ. Послѣдніе аттаковали ремезовскій загонъ, самого Ремезу убили и еще 20 его козаковъ также, остальные же гайдамаки поубѣгали, не стрѣлявши даже.

Кромѣ Безносенка, бѣжавшаго изъ-подъ Папужинцевъ заграницу и потомъ случайно пойманнаго уже въ пикинерскомъ званіи на скотокрадствѣ близъ Вербовца, интересенъ и другой

---

[1]) Кодн. кн. стр. 41, 5.

участникъ загона Ремезы—музыкантъ-бандуристъ Василій Ворченко [1]). Ворченко этотъ, родомъ изъ Виногородки, прійдя въ Козацкую Долину, былъ тамъ забранъ Ремезой для увеселенія ватаги. Пришелъ онъ съ ватагой въ с. Водяница (звениг. у., при притокѣ Тыкича, къ ЮЗ отъ Лисянки), оттуда въ с. Кобылячку и наконецъ въ с. Папужинцы, гдѣ, какъ уже сказано, ватага была разогнана, а Ремеза убитъ. И Безносенко, и Ворченко оба кодненской коммиссіей обезглавлены.

Ватажокъ загона *Яреміянъ Лупулъ* [2]), являющійся въ Кодненской книгѣ съ званіемъ сотника, грабилъ со своимъ загономъ въ Уманщинѣ у кого попало, у пановъ и крестьянъ, вещи, скотъ, пасѣки. Громады разныхъ селъ, каждая въ отдѣльности, предъявили къ нему претензіи въ мѣстномъ уманскомъ урядѣ на сумму въ нѣсколько тысячъ рублей. Кодненской военно-судной коммиссіи пришлось имѣть у себя на судѣ, кромѣ самого Лупула, еще двухъ его ватажанъ—Василія Левченка и Михайла Тарана. Послѣднимъ выпали на долю приговоры, сравнительно довольно снисходительные—ихъ наказали 500 ударовъ розогъ у позорнаго столба, самого же Лупула кодненскіе судьи приговорили къ смертной казни; только онъ ея не дождался и умеръ въ тюрьмѣ раньше.

Ватажки разбойничьихъ загоновъ *Богунъ и Джурджа* [3]) выходили на грабежъ въ Украину изъ-за границы. Высылалъ ихъ туда будто бы поручикъ черно-гусарскаго полка Маріановичъ. Были они между прочимъ въ Лисянкѣ.

Переходимъ теперь къ загонамъ и ватажкамъ ихъ, дѣйствовавшимъ въ юго-западной части Кіевщины въ районѣ дѣятельности Неживого.

Начнемъ съ загона *Василія Шелеста*. О ватажкѣ этомъ въ кодненской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ су-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 475, 476 и 486.

[3]) Кодн. кн. стр. 8.

дебныхъ отмѣткахъ [1]), но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ. Въ отмѣткахъ о немъ извѣстный интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ его ватагѣ попались люди „заграничные"; по крайней мѣрѣ изъ девяти гайдамакъ, судившихся за участіе въ грабежахъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре—заграничныхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ названы заднѣпрянскими. Затѣмъ, быть можетъ, важно и то, что изъ 9 извѣстныхъ намъ участниковъ въ дѣлахъ Шелеста 7 казнены смертною казнью, а одинъ шляхтичъ, Чоповскій, даже посаженъ на колъ; только двое отдѣлались розгами. Что до личностей этихъ девяти участниковъ, то изъ нихъ выдается, конечно, по своему происхожденію шляхтичъ Чоповскій, тотъ самый, что вмѣстѣ съ Неживымъ громилъ поляковъ въ Каневѣ, человѣкъ, очевидно, идейный и потому бывшій особенно ненавистнымъ польскому суду, который видѣлъ въ немъ опаснаго ренегата. Изъ двухъ избѣжавшихъ смертной казни одинъ Иванъ Хмаренко былъ портной изъ села Пшеничниковъ каневскихъ и былъ взятъ Шелестомъ въ ватагу для шитья одежи. По всей вѣроятности, этотъ Хмаренко работалъ у Шелеста до начала движенія 1768 г., когда Шелестъ вмѣстѣ съ Лускоиогомъ и Гнидой только что прибылъ изъ Запорожья и занимался заготовленіемъ оружія, одежды, обуви и пр. для гайдамакъ, сидя въ лѣсу Мотропинскаго монастыря [2]).

Существовалъ еще въ 1768 году загонъ ватажка *Василія Смѣлянскаго* [3]). О ватажкѣ этомъ знаемъ, что двое изъ его загона, попавши на кодненскій судъ, были приговорены къ повѣшенію. Одинъ изъ этихъ двухъ бывшихъ на судѣ, Максимъ Швець, былъ запорожецъ. Что до численности ватаги Василія Смѣлянскаго, то она изъ среднихъ: въ судебной отмѣткѣ сказано, что въ ней было 50 человѣкъ. Но никакихъ нѣтъ указаній на то, гдѣ Василій Смѣлянскій дѣйствовалъ съ своей ватагой, если только не считать за указаніе самого прозвища его.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.

[2]) Кулишъ. Записки о юж. Руси, стр. 235, т. I.

[3]) Кодн. кн. стр. 485.

Ватажокъ *Иванъ Таранъ*[1]) дѣйствовалъ съ очень ничтожнымъ загономъ въ предѣлахъ Чигиринщины. Подъ Лебединомъ онъ былъ во главѣ всего шести человѣкъ, судя по показанію одного изъ бывшихъ въ его загонѣ, Ивана Щербины, приговореннаго кодненскимъ судомъ къ смертной казни.

Загонъ ватажка *Шунбры*[2]) дѣйствовалъ въ Смѣлянщинѣ, гдѣ подъ селомъ Мліевымъ и былъ разбитъ корсунскими надворными козаками. Въ ватагѣ этой было человѣкъ сто. Представшій на судъ кодненской коммиссіи одинъ изъ гайдамакъ Шунбры, Мусій Цкурный, былъ запорожецъ. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію.

Нѣсколько больше загоновъ, чѣмъ въ районѣ Неживого, встрѣчаемъ мы въ центральныхъ частяхъ Кіевщины, гдѣ главныя силы возставшихъ были руководимы Швачкой и Бондаренкомъ. Большая заселенность этихъ послѣднихъ мѣстностей и, главное, присутствіе въ нихъ большаго числа помѣщичьихъ обиталищъ — замковъ, палацовъ и пр.—все это естественно концентрировало здѣсь и силы загоновъ. Послѣдніе впрочемъ нерѣдко отсюда заходили и въ районъ Неживого, и въ районъ Желѣзняка—помѣхи въ этомъ не было...

Въ разгаръ крестьянскаго движенія, которымъ мы заняты, въ южной части нынѣшняго бердичевскаго уѣзда на самое короткое время проявился ватажокъ *Никита Москаль*[3]), загонъ котораго былъ не изъ людныхъ, но который тѣмъ не менѣе интересенъ по своимъ разговорамъ съ крестьянами, рѣзко подчеркивавшимъ соціальные мотивы всего движенія.

Никита Москаль этотъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, затѣялъ напасть на село Малинки, принадлежавшее пану Крыжановскому и арендованное въ то время паномъ Грабовскимъ. По всей вѣроятности до Никиты долетѣлъ слухъ о томъ, что Грабовскій, почуявшій, какъ и другіе паны, бѣду неминучую, всячески старался укрыть свои вещи, что сундуки съ этими ве-

---

[1]) Ibid. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 486. Не ручаемся, что вѣрно передасмъ имя ватажка. Въ рукописи оно написано очень неразборчиво.

[3]) Кодн. кн., стр. 421—437, 589—591.

щами онъ все желалъ спрятать въ православной церкви своего села, подобно тому, какъ это дѣлали другіе паны, прятавшіе свои вещи въ католическихъ костелахъ. Прослышалъ, вѣроятно, Никита и о томъ, что вся малинковская громада потребовала чтобы попъ ея, принявшій было уже въ церковь панскіе сундуки и чемоданы, на-отрѣзъ отказалъ пану Грабовскому въ подобномъ спрятѣ, на что попъ и долженъ былъ пойти, рѣшившись даже кинуть пану церковные ключи и отказавшись отъ дозора за церковью...

Никита не сразу накинулся на село; предварительно развѣдчикъ его выспросилъ о всемъ необходимомъ нѣкоторыхъ малинковскихъ крестьянъ, находившихся на работѣ за селомъ. Отъ одного косаря развѣдчикъ узналъ между прочимъ, что Грабовскій свезъ свои сундуки изъ церкви въ лѣсъ, далѣе, что въ селѣ есть жидъ—шинкарь Нохомка и что въ панскомъ домѣ осталась молоденькая племянница Грабовскаго.

Имѣя всѣ эти свѣдѣнія, Никита Москаль въѣхалъ съ загономъ своимъ въ Малинки, завладѣлъ тамъ панной и немедленно послалъ экономическія подводы въ лѣсъ за панскими сундуками. Малиновцы охотно привезли ему панское добро, и онъ немедленно сталъ имъ распоряжаться. Велѣлъ сейчасъ же поразбивать сундуки съ платьемъ мужскимъ и женскимъ, самъ одѣлся въ богатый кунтушъ и велѣлъ пышно нарядить панну, объявивъ, что намѣренъ съ нею повѣнчаться. Передъ вѣнчаніемъ однако панну попъ долженъ былъ еще окрестить въ православіе.

Помѣхи во всѣхъ этихъ затѣяхъ Никитѣ никто не оказывалъ. Грабовскаго въ селѣ не было, надворныхъ козаковъ у него не имѣлось. Что же до малинковской громады, то она далеко была отъ мысли видѣть въ Никитѣ врага. Она пришла къ нему въ панскій дворъ съ хлѣбомъ-солью и охотно приняла приглашеніе на торжественное вѣнчаніе Никиты съ панной и на пиръ послѣ вѣнчанія.

Но вѣнчанію предшествовало крещеніе панны, причемъ заодно съ ней Никита велѣлъ попу окрестить и ея старую тетку, которая была при ней. Обѣ пани сопротивлялись крещенію, но ихъ крѣпко держали: тетку держалъ Прокопъ Головко и ста-

рая попадья, а панну—одинъ изъ гайдамакъ и молодая попадья. Въ совершеніи таинства крещенія при такихъ возмутительныхъ условіяхъ, равно какъ и въ совершеніи брака между Никитой и окрещенной панной не запирался потомъ самъ священникъ села Малинокъ, Григорій Пилиповичъ.

Послѣ вѣнчанія въ Малинкахъ всѣ пировали. Горилки панской и жидовской было добыто въ огромномъ количествѣ. Пили и всякія тонкія вина, оказавшіяся въ подвалахъ Грабовскаго; но изъ этихъ послѣднихъ не всѣ нравились малиновцамъ, и въ такомъ случаѣ бутылки разбивали и вино лили на землю; такая участь, напримѣръ, постигла большую бутыль „Larendogra".

Не обошелся пиръ и безъ рѣчей. Никита Москаль говорилъ малинковцамъ: „панщыны видбуваты бильшъ не будете, жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино косить тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте". А Гаврило, сынъ Сивого, говорилъ одному изъ прислужниковъ Грабовскаго, козаку Мандзіошкѣ: „годи вамъ съ паномъ Грабовскимъ пановаты; маемо иншыхъ панивъ; панщыны робыть бильшъ не будемо".

Послѣ пира Никита Москаль велѣлъ запречь въ панскую коляску четверку коней и вмѣстѣ съ панной Грабовской, своей женой, уѣхалъ черезъ Погребище въ Саражинцы. Дворъ и здѣсь былъ оставленъ паномъ, и Никита думалъ уже тамъ расположиться на нѣкоторое время, но тутъ его постигла неудача: и его, и его гайдамакъ захватила саражинская громада подъ арестъ. Было дано знать погребищенскому губернатору Эліашу Шишковскому, и тотъ явился въ Саражинцы съ козаками своими и подмогой отъ капитана польскихъ войскъ, находившагося въ Бердичевѣ; кромѣ того, генералъ Фабуловъ (sic), стоявшій въ Лещинѣ, далъ ему совѣтъ гайдамакъ уничтожить. Шишковскій безъ труда овладѣлъ всѣмъ загономъ и его добычей, состоявшей изъ вещей Грабовскаго. Панна Грабовская также была вызволена изъ рукъ своего нахальнаго суженаго.

Арестованнаго Никиту и многихъ изъ малинковцевъ, бывшихъ ближайшими соучастниками его грабежа, отправили сперва въ Бердичевъ, но, не найдя тамъ подходящей власти для производства слѣдствія и суда, отвели его въ Тульчинъ, гдѣ стоялъ

какой-то русскій генералъ. Предсталъ предъ нимъ Никита и во всемъ повинился. Генералъ выслушалъ все, посмотрѣлъ на ватажка и влѣпилъ ему три пощечины. На этомъ судъ долженъ былъ окончиться, но посланные Шишковскаго оставили Никиту подъ арестомъ. О дальнѣйшей судьбѣ Никиты свѣдѣній въ Кодненской книгѣ нѣтъ.

Женитьба Никиты Москаля на паннѣ Грабовской, ограбленіе помѣщика ради корысти — все это говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ проходимцемъ, пользовавшимся смутной порой для личныхъ цѣлей; но интересно, что и при такихъ цѣляхъ этотъ проходимецъ долженъ былъ предъ крестьянами прикрыться желаніемъ снести панщину и польскихъ пановъ. Своею пропов'ѣдью противъ панщины онъ привлекъ малинковцевъ на свою сторону; вѣроятно, не меньшимъ успѣхомъ воспользовался бы онъ и въ Саражинцахъ, но тамъ, очевидно, у поляковъ была оборона сильнѣе, и саражинцы знали, что имъ не сдобровать самимъ, если они станутъ на сторону Москаля, разъ прійдетъ въ Саражинцы губернаторъ погребищенскій Шишковскій съ своими надворными козаками.

Ватажокъ *Савка Ілыханенко* [1]) дѣйствовалъ съ своей ватагой въ сѣверо-западной части Бѣлоцерковщины. Такъ, онъ побывалъ въ селѣ Романовкѣ, Маломъ Половецкомъ и другихъ. Заходилъ онъ впрочемъ и въ восточную часть Бѣлоцерковщины; былъ, напримѣръ, въ с. Блощинцахъ, откуда даже имѣлъ намѣреніе напасть на Бѣлую Церковь. Имѣлъ онъ при себѣ, надо полагать, значительный загонъ, иначе о нападеніи на Бѣлую Церковь онъ и думать не могъ бы. Повсюду, гдѣ Ілыханенко ни былъ, онъ избивалъ и пановъ, и жидовъ, даже собственноручно; добывалъ при этомъ и деньги. Интересно, что въ ватагѣ его попадались запорожцы. Какъ его ватажане на судѣ кодненской коммиссіи фигурировали Ѳедоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый, Василь Прокопенко, Николай Чоповскій и Стефанъ Піотровскій. Изъ этихъ лицъ первые три — запорожцы.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 482 – 483 – 484.

Званіе послѣднихъ двухъ—извѣстнаго уже намъ участника въ ватагѣ Неживого и въ загонѣ Шелеста шляхтича Чоповскаго, и товарища его шляхтича Піотровскаго—дѣлаетъ обоихъ ихъ интересными, разъ они входили въ составъ гайдамацкаго загона. Одинъ только Василь Прокопенко изъ Кіева былъ крестьянинъ. Въ такомъ подборѣ людей въ загонѣ Плыханенка военно-судная коммиссія не могла не усмотрѣть явно политическаго и соціальнаго характера и потому къ участникамъ ея отнеслась очень сурово. Наказанія, ею назначенныя въ данномъ случаѣ, были изъ ряду вонъ. Самъ Савка Плыханенко былъ колесованъ, Левко Малый четвертованъ, Климъ Билый тоже, Ѳедоръ Базарный и Василь Прокопенко повѣшены, Піотровскій обезглавленъ, судьба же Чоповскаго намъ уже извѣстна.

Почти одновременно дѣйствовали въ Бѣлоцерковщинѣ и загоны *Грицька Волка и Савечки.*

Грицько Волкъ [1]) ограбилъ село Погибляки и съ большой добычей съ сынами и женами ихъ скрывался въ лѣсу подъ Гутой Богуславской. Но о немъ донесли въ Богуславъ сотнику тамошнихъ надворныхъ козаковъ Шелесту, и этотъ послѣдній захватилъ его со всѣмъ его добромъ. Какъ только объ этомъ узналъ каменно-бродскій губернаторъ и намѣстникъ с. Боярки, немедленно потребовали они у Шелеста выдать имъ и самого Волка, и все имъ награбленное—на томъ основаніи, что онъ ихъ подданный. Шелестъ изъявилъ готовность исполнить ихъ просьбу, но до поры до времени добыча Волка оставалась въ богуславскомъ замкѣ, такъ какъ увезти ее оттуда безъ конвоя боялись.

О Савечкѣ тоже извѣстно мало. Загонъ его, кажется, состоялъ все больше изъ козаковъ каневскихъ и явился онъ въ Бѣлоцерковщинѣ только случайно, провѣдавъ, что надворные богуславскіе козаки съ сотникомъ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго, какъ извѣстно, противъ Неживого и Швачки. Савечка рѣшилъ, что въ отсутствіе Шелеста не трудно будетъ овладѣть добычей

---

[1]) Кодн. кн. стр. 177, 178.

Грыцька Волка, оставленной въ богуславскомъ замкѣ, и дѣйствительно—онъ не ошибся въ разсчетахъ. Узнавъ объ ограбленіи Савечкой богуславскаго замка, Шелестъ взялъ у Протасьева нѣсколько десятковъ карабинеровъ и своихъ козаковъ и явился въ Богуславъ. Но въ Богуславѣ Савечки уже не было, и Шелестъ не рѣшился гнаться за нимъ въ виду разсказовъ о численности его загона. Двинулся за нимъ самъ Протасьевъ со всей своей командой и догналъ только у Мошенъ, гдѣ ватага была разбита и разсѣяна; многіе гайдамаки отосланы были при этомъ въ плѣнъ въ Переяславъ.

О ватажкѣ *Максимѣ* [1]) знаемъ изъ небольшой судебной отмѣтки, что онъ въ 1768 г. ходилъ „грабить полѣсье“. Въ его загонѣ былъ между прочимъ тотъ самый Стефанъ Піотровскій, шляхтичъ по званію, который участвовалъ и въ загонѣ Савка Плыханенка. Кромѣ Піотровскаго, изъ загона Максима фигурировалъ на кодненскомъ судѣ еще Василій Письмененко. Кодненская коммиссія и въ данномъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ гайдамакъ Савка Плыханенко, не могла быть снисходительной, усматривая въ средѣ Максимовыхъ гайдамакъ польскаго ренегата и замѣчая чисто политическое настроеніе всего загона.

Ватажокъ *Бандурка* [2]) имѣлъ загонъ въ 300 гайдамакъ и дѣйствовалъ съ нимъ и въ Бѣлоцерковщинѣ, и въ с.-з. части теперешняго Черкасскаго уѣзда; дѣйствовалъ почти одновременно со всѣми выдающимися ватажками. Изъ кодненской книги мы узнаемъ о той жестокой расправѣ, которой подвергались гайдамаки этого загона послѣ того, какъ ихъ разбилъ подъ Валявой князь Баратовъ, состоявшій, какъ кажется, офицеромъ какого то сербскаго полка. По свидѣтельству богуславскаго писаря Градовскаго, князь Баратовъ, въ виду численности загона Бандурки, усилилъ свою команду присоединеніемъ къ ней надворныхъ козаковъ бѣлоцерковскихъ, рокитянскихъ и богуславскихъ. Съ такими силами онъ послѣ стычки захватилъ въ плѣнъ всѣхъ до

---

[1]) Кодн. кн. стр. 483.

[2]) Кодн. кн. стр. 180, 448.

единого гайдамакъ Бандурки. Наказать ихъ онъ рѣшился примѣрно и потому велѣлъ выкопать яму, устроивъ въ ней импровизированную тюрьму. Пока несчастные тамъ сидѣли, съ окрестныхъ селъ велѣно было созвать крестьянъ обоего пола и благочестивыхъ поповъ. Когда явилось народу довольно много, тогда Баратовъ велѣлъ плѣннымъ гайдамакамъ выйти изъ ямы и стать по краямъ ея, а людямъ своей команды приказалъ стрѣлять въ нихъ. Конечно, и убитые, и раненные падали въ яму. Когда сверху никого изъ плѣнныхъ больше не было, князь Баратовъ велѣлъ своей командѣ засыпать яму и сравнять ее съ землей, хотя оттуда и неслись стоны недобитыхъ гайдамакъ. Отнятая у Бандурки добыча была распаевана между всѣми козаками и сербами, что были въ командѣ князя Баратова.

Ватажокъ *Степанъ Гловацкій* [1]) не былъ изъ числа ватажковъ идейныхъ. Загонъ его состоялъ изъ 11 душъ, и съ нимъ онъ рыскалъ взадъ и впередъ на довольно большомъ районѣ, грабя людей по дорогамъ, особенно при возвращеніи ихъ съ ярмарокъ. Такъ, онъ грабилъ крестьянъ у Шполы (звениг. у.) и у Богуслава во время скотской ярмарки. Ни самъ Гловацкій, ни пять его соучастниковъ, попавшихъ на кодненскій судъ, сознаваясь въ грабежѣ, не сознавались ни въ какихъ убійствахъ. Тѣмъ не менѣе военно-судная коммиссія самого Гловацкаго приговорила четвертовать, а остальныхъ обезглавить. Не смотря на такую строгость приговора, все же надо полагать, что Гловацкій, подобно Романченку, Лупулу, Паралюшу и нѣкоторымъ другимъ, былъ не больше, какъ простой грабитель, пользовавшійся смутами 1768 года.

Ватажокъ *Яковъ Саченко* [2]) названъ въ судебной отмѣткѣ кодненской книги давнимъ гайдамакой. Онъ собралъ загонъ гайдамакъ и сказалъ имъ: „ходимъ у середыну Польщы до Билои церквы“. Достигъ ли онъ своей цѣли—не извѣстно, такъ какъ

[1]) Кодн. кн. стр. 530 и 540.

[2]) Кодн. кн. стр. 541.

въ судебной отмѣткѣ ведется рѣчь только объ одномъ изъ участниковъ ватаги, заграничномъ крестьянинѣ Иванѣ Яновскомъ, который случайно заблудился въ лѣсу и отсталъ отъ загона въ самомъ началѣ предпріятія. Яновскій этотъ утверждалъ, что ни онъ, да и никто при немъ изъ загона Саченка не грабилъ и не убивалъ. Тѣмъ не менѣе кодненская коммиссія приговорила его обезглавить.

Конечно, въ кодненской книгѣ мы нашли поминаніе только о тѣхъ загонахъ, участники которыхъ были на кодненскомъ судѣ. Но кромѣ помянутыхъ здѣсь, существовало еще много другихъ. Такъ, мемуаристъ Липпоманъ [1]) упоминаетъ о загонахъ, дѣйствовавшихъ близъ Гранова, Теплина, Дашова, Тульчина, Монастырища, Гайсина, Конелы, Божувки, Жидычина, Лодыжина. У Липпомана же есть указаніе и на то, что кромѣ Желѣзняка, до Балты прошелъ съ своимъ загономъ сотникъ Шило.

Нельзя думать однако, что и при этой добавкѣ Липпомана исчерпывается число загоновъ, дѣйствовавшихъ въ Украинѣ въ періодъ коліивщины. Ихъ несомнѣнно было больше, и они проникали далеко на западъ и югъ отъ кіевщины, куда главныя силы гайдамакъ даже вовсе и не стремились.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 39.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ССОРА.

Въ большомъ роскошно убранномъ залѣ, въ замкѣ коронаго гетмана все было готово къ великолѣпному пиршеству. На огромномъ столѣ, расположенномъ покоемъ и покрытомъ тремя тонкими скатертями, разставленъ былъ дорогой золотой сервизъ персонъ на сто. Кромѣ большаго почетнаго стола, по угламъ были накрыты еще столы для мелкой шляхты и всякихъ приживальцевъ, ютившихся около богатаго пана. Множество бутылокъ иностранныхъ винъ, драгоцѣнные кувшины и кружки съ медомъ и пивомъ, замысловатыя печенья, высокія бабы въ видѣ башенъ,—все это красовалось на столѣ въ перемежку съ букетами цвѣтовъ, нарочно привезенныхъ въ Варшаву изъ панскихъ теплицъ. Въ концѣ зала помѣщался художественной работы массивный буфетъ изъ темнаго дуба съ полками, украшенными рѣзьбою и заставленными дорогою серебряною и золотою посудою и рѣдкимъ хрусталемъ.

Сановитый, почтенный дворецкій хлопоталъ за буфетомъ, вынимая огромныя блюда, едва поднимаемыя двумя служителями; крайчіе въ красивыхъ кунтушахъ, закинувъ длинные рукава за спину, стояли по трое съ каждой стороны стола. Слуги зажгли

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 3.

восковыя свѣчи въ большихъ массивныхъ канделябрахъ и чинно стали за стульями, а четверо изъ молодыхъ шляхтичей стали у дверей съ умываньемъ: двое держали большой золотой тазъ съ рукомойникомъ, а двое другихъ—прекрасныя тонкія полотенца, украшенныя искуснымъ шитьемъ. Окончивъ свою работу, дворецкій тоже вышелъ изъ-за буфета и далъ знакъ музыкантамъ, сидѣвшимъ на хорахъ надъ дверями. Трубачи грянули громкій маршъ, слуги отворили двери, и панъ коронный гетманъ, сопровождаемый своими гостями, вступилъ въ столовый залъ. Въ числѣ почетныхъ гостей было нѣсколько сенаторовъ, иностранныхъ пословъ, и самая отборная польская аристократія: князья Радзивиллы, Вишневецкіе, Корецкіе, Заславскіе, Любомирскіе, Тышкевичи, Замойскій, панъ Сапѣга, Потоцкій, Калиновскій, Жолкевскій, Ландскоронскій и много другихъ знатныхъ польскихъ магнатовъ. Съ каждымъ изъ этихъ гостей пришли ихъ приближенные и слуги, и дворецкому было не мало хлопотъ разсадить всѣхъ по мѣстамъ. Богданъ съ Тимошемъ пріютились за однимъ изъ боковыхъ столовъ въ обществѣ козацкихъ сотниковъ и полковниковъ. Нѣсколько шляхтичей, сѣвшихъ за тотъ же столъ, одинъ за другимъ перешли къ другому столу, не желая быть въ обществѣ козаковъ.

Кушанья смѣнялись одно за другимъ: за мясомъ слѣдовала рыба, за рыбою дичь; всего было много, все было дорогое, съ разными приправами на всякій вкусъ, хотя истому знатоку все это могло показаться и слишкомъ жирнымъ, и не особенно изящнымъ. Наконецъ, двѣ скатерти были сняты; поданы были сласти: пирожныя, сладкое печенье, конфекты. Остатки роскошнаго пира доѣдала многочисленная прислуга, какъ хозяйская, такъ и пріѣзжая. Съ винами паны могли управиться и одни, а челядь тутъ же въ залѣ, въ сторонѣ ѣла кое-какъ руками дарованныя ей лакомыя кушанья, вытирая тарелки рукавами богатыхъ кунтушей, обтирая свои сальныя руки о дорогую одежду.

Шумъ стоялъ невообразимый; прислуга ссорилась, дралась; дворецкій со своими помощниками едва успѣвалъ унимать безпорядки. Имъ не разъ приходилось заглядывать въ карманы

слугъ въ поискахъ за дорогими чарками, ложками и другими мелкими, но цѣнными вещами.

А паны безпрерывно предлагали тосты; мѣняясь чарками, угощали другъ друга. Токайское лилось рѣкою и развязало языки. У Тимоша кружилась голова отъ всего этого шума. Отецъ угощался съ товарищами и порядкомъ захмелѣлъ; мальчику было не по себѣ: онъ всталъ и прокрался между прислугою къ широкому выходу дворца, широкими каменными ступенями спускавшемуся во дворъ.

На лѣстницѣ было тихо и пусто; слуги толклись или на верху, или въ людскихъ; швейцаръ дремалъ въ своей каморкѣ, помѣщавшейся у верхней площадки.

Тимошъ медленно спускался по ступенямъ, какъ вдругъ услышалъ за собою быстрые шаги. Его догонялъ мальчикъ, года на три старше его, высокій, стройный, съ бѣлокурыми вьющимися волосами и большими голубыми глазами, опушенными длинными рѣсницами; темныя брови и нѣжный матовый цвѣтъ лица придавали ему какое то особенное выраженіе, не то меланхолически капризное, не то недовольное, скучающее. Въ глазахъ мальчика Тимошъ прочелъ что-то непріятное, отталкивающее, а гордая рѣшительная походка и рѣзкія движенія имѣли что-то вызывающее, почти дерзкое. Тимошъ посторонился и пошелъ слѣдомъ за мальчикомъ. Тотъ вышелъ на дворъ и громко крикнулъ:

— Гей, Остапко! Коня!

Тимошъ облокотился о притолоку двери, съ любопытствомъ разсматривая незнакомаго паныча. Богатая одежда пажа дѣлала его станъ еще тоньше; на бархатномъ беретѣ красовалось дорогое страусовое перо, подхваченное брилліантовымъ аграфомъ. Подъ пытливымъ взоромъ Тимоша пажъ почувствовалъ себя съ минуту неловко, но тотчасъ же оправился, презрительно смѣрилъ его съ головы до ногъ и крикнулъ:

— Ну, что ты стоишь? Бѣги на кухню и позови этого плута Остапенка.

Тимошъ презрительно усмѣхнулся и заложилъ руки назадъ.

— Я тебѣ не хлопъ! проговорилъ онъ спокойно: ступай, ищи самъ своего Остапенка.

Пажъ вспыхнулъ.

— Дерзкій! крикнулъ онъ. Какъ ты смѣешь ослушаться, когда я тебѣ говорю! Дѣду Константину нуженъ сейчасъ его конь; а дѣдъ не любитъ ждать!

— Мнѣ что за дѣло до твоего дѣда! флегматично отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ что за дѣло? горячился пажъ. Какъ ты смѣешь такъ говорить про дѣда? Мой дѣдъ князь Константинъ Вишневецкій! Славный князь Константинъ, онъ сажалъ царей на царство... Такъ говоритъ отецъ, а отецъ никогда не лжетъ.

— Отвяжись ты со своимъ дѣдомъ и отцемъ! сердито проговорилъ Тимошъ. Говорю, что я тебѣ не хлопъ! Поди самъ разыскивай своихъ коней!

Но этотъ отказъ совсѣмъ вывелъ изъ себя благородный отпрыскъ князей Вишневецкихъ:

— Презрѣнный хлопъ! закричалъ онъ: жаль, что здѣсь нѣтъ дяди Іереміи, онъ бы угостилъ тебя желѣзными прутьями; но я и самъ съ тобою справлюсь!

При этихъ словахъ онъ схватилъ Тимоша за воротникъ его суконнаго козакина съ очевиднымъ намѣреніемъ повалить на землю... Но случилось нѣчто совсѣмъ для пажа неожиданное. Маленькій приземистый мальчикъ оказался значительно ловчѣе и сильнѣе стройнаго князя; онъ, какъ ужъ, вывернулся изъ его рукъ; быстрымъ движеніемъ зацѣпилъ его „подъ ножку“ и, поваливъ его лицемъ на землю, сталъ осыпать довольно здоровыми ударами кулака. Пажъ завопилъ на весь дворъ:

— Спасите! спасите! разбой!

Изъ нижняго этажа дворца, гдѣ помѣщались кухни, повысунулись испуганныя лица слугъ, и черезъ нѣсколько минутъ десятки рукъ ужъ разнимали маленькихъ борцевъ.

— Кто такой? откуда? чей?—посыпались вопросы.

Двое конюховъ схватили Тимоша и потащили въ какой-то чуланъ.

— Кто ты? спрашивали его.

Но Тимошъ отъ волненія не могъ произнести ни слова и дико озирался. Молодого князя въ это время тщательно чистили, спрашивая:

— Какъ это случилось? Кто этотъ дерзкій мальчишка, такъ отдѣлавшій вельможное княжа?

Князь Дмитрій плакалъ и отъ злости, и отъ волненія, и отъ боли, и отъ стыда. Его повели на верхъ и тотчасъ же доложили обо всемъ его отцу, князю Янушу, спускавшемуся въ эту минуту съ лѣстницы подъ руку съ очень старымъ, но еще бодрымъ отцемъ, княземъ Константиномъ.

— Сейчасъ мы разберемъ, въ чемъ дѣло! отвѣчалъ онъ сыну на его жалобу. Я только провожу дѣда.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что какой то хлопецъ побилъ молодого князя Дмитрія, облетѣлъ гостей и мигомъ вышибъ хмель изъ головы Богдана.

— Гей, братику! ужъ не твой ли хлопецъ-то? Куда онъ дѣвался? подсмѣивались козаки.

— А вотъ я его тотчасъ поищу! торопливо проговорилъ Богданъ, стараясь протолкаться между вставшими гостями.

Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что это былъ Тимошъ, и теперь вся задача заключалась въ томъ, какъ его выручить.

— Экъ бисовъ хлопецъ! ворчалъ онъ, пробираясь по двору: только одна шкода съ нимъ!

Онъ безъ труда узналъ, куда дѣвали Тимоша, и пробираясь по полуосвѣщеннымъ закоулкамъ къ чулану, гдѣ стоялъ на стражѣ одинъ изъ конюховъ, Богданъ торопливо сунулъ руку за пазуху, гдѣ и нащупалъ кошелекъ.

— Пане конюшій! обратился онъ къ рослому дѣтинѣ литвину: нельзя ли выпустить хлопца, то мой сынъ!

— Не можно, панъ сотникъ! никакъ не можно! Было бы сыну пана сотника не тягаться съ князьями.

— Ахъ, добрѣйшій панъ конюшій! Я и самъ знаю, что онъ, лихо его возьми, не добре сдѣлалъ; да може панъ конюшій самъ отецъ; каково было бы пану конюшему, если бъ его сынъ тамъ сидѣлъ!

Конюхъ почесалъ за ухомъ. У него, дѣйствительно, были дѣти, и даже много; онъ живо вспомнилъ, какую встряску задали недавно его младшему сыну за то, что онъ въ дурную минуту подвернулся подъ ноги молодому пану Александру.

— Такъ ужъ панъ конюшій не будетъ строгъ! съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ. А золотые у насъ найдутся.

— Хорошо вамъ говорить, а вотъ придутъ сейчасъ за хлопцемъ, откуда я его возьму.

— Панъ конюшій будетъ стоять у дверей, какъ ни въ чемъ не бывало,—съ заискивающею улыбкою проговорилъ Богданъ,—и скажетъ князьямъ, что хлопца, вѣрно, вѣдьмы съѣли.

Литвинъ съ минуту нерѣшительно смотрѣлъ то на протянутые золотые, то на дверь чулана, наконецъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, добре! У меня, вѣдь, тоже дѣти; а этому князьку такъ и надо,—очень ужъ онъ задоренъ. Сынокъ пана сотника храбрый хлопецъ. Берите его, панъ сотникъ, да утекайте поскорѣе; кони козацкіе стоятъ вонъ тамъ въ углу двора.

— Я знаю! кивнулъ Богданъ, торопливо отворяя дверь чулана.

— Татко! крикнулъ было Тимошъ.

— Я тебѣ дамъ татка! Какихъ бѣдъ опять натворилъ! сердито погрозилъ Богданъ.

Дальними корридорами провелъ его на задній дворъ, быстро осѣдлалъ коня, посадилъ мальчика на сѣдло вмѣстѣ съ собою и поскакалъ изъ замка.

Когда хватились виновника всей тревоги и накинулись на литвина, онъ съ самымъ неподражаемымъ удивленіемъ говорилъ, что не сходилъ съ мѣста и не отворялъ чулана. Паны разводили руками, а козаки посмѣивались между собою, говоря, по секрету, что сотникъ Богданъ прехитрый козакъ.

Богданъ поскакалъ къ корчмѣ, гдѣ остановились помилованные козаки. Не смотря на очень поздній часъ, старый корчмарь нисколько не удивился посѣтителямъ и съ низкими поклонами проводилъ ихъ въ коморку къ спящимъ козакамъ. Сотникъ едва ихъ добудился. Наконецъ Павлюкъ очнулся, лѣниво протеръ глаза и съ удивленіемъ увидѣлъ нежданныхъ гостей.

— Выручайте, товарищи! тревожно проговорилъ Богданъ: мой хлопецъ опять начудилъ.

— Эге! протянулъ Ганжа, поднимаясь и усаживаясь на соломѣ. Такъ я и думалъ!

— Что же онъ сдѣлалъ? спросилъ Павлюкъ.

— Правду сказать, я и самъ у него не допытался,—отвѣтилъ Богданъ—пусть ужъ самъ покается. Говори, сынку!

Тимошъ взволнованнымъ голосомъ передалъ свое приключеніе съ княземъ Дмитріемъ, по временамъ исподлобья поглядывая то на отца, то на Павлюка, то на Ганжу.

Всѣ трое хмурились и сурово смотрѣли на провинившагося; но онъ своимъ дѣтскимъ чутьемъ ясно понималъ, что старые козаки въ душѣ его одобряютъ. Наконецъ Ганжа не вытерпѣлъ:

— Итакъ таки ты его и побилъ? весело спросилъ онъ. Добре, сынку! ей-ей, добре. Мы не хлопы! То намъ не звычай, щобъ насъ якъ скотыну били! Ей-ей, Богданко, славный у тебя хлопецъ! Лыцарь будетъ, въ обиду себя не дастъ!

— Лыцарь-то, лыцарь! со вздохомъ сказалъ Богданъ; а вотъ что я теперь съ этимъ лыцаремъ дѣлать буду? куда я съ нимъ дѣнусь? Князья Вишневецкіе тоже обиды не спустятъ. Оставить у себя мнѣ хлопца никакъ не можно; надо его хоть на первое время куда-нибудь спрятать.

Павлюкъ въ раздумьѣ гладилъ усы.

— Видишь ли, панъ сотникъ! отвѣчалъ онъ Богдану. Долго я здѣсь не усижу; я ужъ сегодня разузналъ кое-что; говорятъ, что крымскій ханъ проситъ помощи у ляховъ противъ буджаковъ; наши сильно поговариваютъ объ этомъ. Мнѣ это на руку, я готовъ хоть чейчасъ въ походъ двинуться, и охотниковъ идти со мною не мало найдется. Хлопца твоего я съ радостью возьму: пусть привыкаетъ!

Богданъ задумался.

— Боюсь я, что онъ совсѣмъ отъ рукъ отобьется; одичаетъ, пожалуй, да пора бы его и за книгу засадить!

— Ге, братику! вставилъ Ганжа: наука не конь, въ степь не убѣжитъ! Годикъ, другой порыскаетъ съ запорожцами, а тамъ и въ бурсу его засадишь.

— Да, вѣдь, теперь дѣло къ зимѣ идетъ,—возразилъ Богданъ.

— Вотъ въ томъ то и штука; объ этомъ то я и думаю, что походъ только въ будущемъ году состоится,—замѣтилъ Павлюкъ.

— Ну, а пока что, дидъ Ганжа хлопца спрячетъ,—весело проговорилъ старой козакъ, и, хлопнувъ себя по лбу, прибавилъ:—ишь, вѣдь, старая голова, чтобы сразу то вспомнить!... Смольчугъ! Эй Смольчугъ! тормошилъ онъ спящаго козака, мирно храпѣвшаго во все время разговора.—Да проснись же ты, сонный мѣшокъ!

Смольчугъ, наконецъ, открылъ глаза, а Ганжа, схвативъ его за воротъ, силою посадилъ.

— Чего тебѣ? съ неудовольствіемъ спросилъ Смольчугъ. Ганжа совсѣмъ осерчалъ.

— Чего? Я его, бисового сына, цѣлый часъ бужу, а онъ спрашиваетъ „чего“! Кабы не треба тебя было, я бы съ тобою не возился!

Смольчугъ съ изумленіемъ вытаращилъ на него глаза.

— Слушай толкомъ! продолжалъ Ганжа. Вотъ, надо хлопца спрятать! Вези его къ своей теткѣ: она козачка добрая, а живетъ тамъ, что и самъ бѣсъ ее не розыщетъ.

— Кто его тетка? спросилъ Богданъ.

— Тетка его, видишь ли ты, козачка, сестра его матери, значитъ и мать была козачка, а отецъ его былъ родомъ шляхтичъ. Богатые паны все имѣніе его оттягали; онъ и пошелъ на Сѣчь, къ запорожцамъ. Жена то его тогда ужъ померла, а сынишку то онъ съ собою взялъ... Маленькій такой былъ, куда меньше Тимоша. Отецъ его, даромъ что шляхтичъ, а козакъ былъ добрый. Неразъ мы противъ невѣрныхъ съ нимъ вмѣстѣ ходили, да вдругъ какъ то шальная пуля его хватила. Такъ хлопецъ и остался у меня на рукахъ: никого у него на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ меня, да тетки, старой козачки.

Смольчугъ, печально поникнувъ головою, слушалъ разсказъ дида и, когда тотъ кончилъ, спросилъ его:

— Такъ ты думаешь отвезти хлопца къ теткѣ Оксанѣ? Скучно ему тамъ будетъ.

— Поскучаетъ, отвѣчалъ Ганжа: все лучше, чѣмъ къ панамъ на зубокъ попасться.

Богданъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Ну, прощай, сынку! Слушайся пановъ атамановъ да не дури больше, а то не сносить тебѣ головы: больно ужъ ты боекъ.

Тимошу вдругъ стало грустно. Когда отецъ его обнялъ, у него на глазахъ показались слезы, и онъ долго держалъ отца своими сжатыми руками.

— Ну, полно, полно! уговаривалъ его Богданъ: вѣдь не на вѣкъ разстаемся. Я къ тебѣ навѣдаюсь.

ГЛАВА IX.

НА БУДЖАКОВЪ.

Широкая, необозримая степь колыхалась цѣлымъ моремъ высокой травы, переливавшейся всевозможными цвѣтами: и бѣлымъ, и малиновымъ, и желтымъ, и лазурнымъ, и яркопунцовымъ, и всѣми оттѣнками зеленаго. Все было въ цвѣту, все благоухало, все жило, стрекотало подъ ласкающими лучами яркаго солнца, вступавшаго во всѣ свои права послѣ пасмурной, дождливой весны. Трава выбивалась даже и тамъ, гдѣ тянулся лентою длинный шляхъ, превратившійся уже въ сѣроватую полупесчанную, полуглинистую пыль. И изъ безплодной груди этого могучаго шляха, уже нѣсколько столѣтій выносившаго бремя людскихъ и конскихъ ногъ, пробивалась жизнь, широкою волною разлитая кругомъ.

По этому шляху медленно двигался довольно большой конный отрядъ татаръ и козаковъ. Впереди отряда ѣхали наши старые знакомые, Павлюкъ и Ганжа, а за ними слѣдовали двое татарскихъ начальниковъ съ Тимошемъ.

Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тимошъ за свою ссору съ княземъ Дмитріемъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе къ старой козачкѣ. Онъ прожилъ у нея нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ ѣздилъ съ Павлюкомъ и Ганжею въ Сѣчь скликать удальцевъ въ помощь крымскому хану противъ Буджаковъ. Теперь они уже съ мѣсяцъ воевали съ ловкимъ изворотливымъ врагомъ, то преслѣдуя его въ степи, то нападая на легкихъ козацкихъ

чайкахъ и турецкихъ галерахъ на прибрежныя селенія. Наконецъ главная буджакская орда ускользнула отъ нихъ въ степь, гдѣ и пропала въ высокой травѣ, и они уже нѣсколько дней ѣздили взадъ и впередъ, отыскивая хоть какого нибудь слѣда.

Было далеко за полдень. Выносливые татарскіе бакематы съ косматою гривою и толстыми неуклюжими ногами—и тѣ притомились.

— Что, вояка, усталъ? спросилъ одинъ изъ татаръ Тимоша.

Тимошъ, дѣйствительно, клевалъ носомъ на мѣрно покачивавшемся сѣдлѣ, тяжелѣвшія вѣки его не слушались; въ предыдущую ночь почти не пришлось спать, такъ какъ въ путь пустились еще до разсвѣта. Козаки разсчитывали легче найти слѣдъ на неуспѣвшей еще подняться отъ утренней росы травѣ. Имъ достаточно было наткнуться на одинъ отрядъ орды и по направленію, проложенному этимъ отрядомъ, они догадались бы о движеніи всего непріятельскаго войска; мелкіе буджакскіе отряды человѣкъ по двѣнадцати двигались всегда по направленію къ центру, описывая круги и полукруги въ высокой травѣ, стараясь такимъ образомъ спутать слѣдъ. Они двигались ночью передъ разсвѣтомъ, и черезъ нѣсколько часовъ утренняя роса освѣжала притоптанную траву, головки цвѣтовъ снова поднимались, пестрое море ихъ снова волновалось, какъ ни въ чемъ не бывало, скрывая слѣдъ исчезнувшихъ хищниковъ.

Все это грезилось теперь Тимошу, дремавшему въ сѣдлѣ; ему казалось, что онъ видитъ въ пестрой травѣ мелькающія головы враговъ, слышитъ свистъ ихъ ногаекъ и рѣзкіе крики: „алла!“ Вопросъ татарина разбудилъ его; онъ поправился въ сѣдлѣ и отвѣчалъ съ улыбкою:

— Да, Ага Мехметъ, отдохнуть и выспаться хорошо бы!

Татаринъ говорилъ съ нимъ по татарски,—Тимошъ уже все понималъ, но отвѣчалъ еще по-малорусски.

— Пожалуй, пора и на отдыхъ! согласился татаринъ. Что ты на это скажешь, другъ Баюнъ?

— Что-жъ отдыхать, такъ отдыхать! рѣшилъ Павлюкъ. Тутъ должна быть рѣчка вблизи. Видишь, рѣчныя чайки кружатся.

Выслали въ обѣ стороны развѣдчиковъ, и черезъ полчаса

одинъ изъ нихъ сломя голову скакалъ назадъ. Это былъ молодой статный козакъ съ открытымъ загорѣлымъ лицемъ и съ живымъ проницательнымъ взглядомъ.

— Батько! крикнулъ онъ, подскакавъ къ Павлюку: слѣдъ нашелъ.

— Гдѣ?

— Тамъ у самой рѣчки; они въ бродъ перебирались; подъ водой слѣды видны, да и трава не успѣла еще подняться,—далеко уйти не могли.

Какъ электрическая искра, облетѣло и татаръ, и козаковъ давно желанное извѣстіе. Всѣ забыли усталость, всѣ пріободрились и, разбившись на нѣсколько отрядовъ, поскакали въ направленіи, указанномъ счастливымъ развѣдчикомъ. Подъѣхалъ къ рѣкѣ, они, дѣйствительно, убѣдились, что не задолго здѣсь были татары. Слѣды широкихъ лошадиныхъ копытъ ясно были видны и на берегу, и на мягкомъ пескѣ подъ водою, а на другомъ берегу трава была значительно примята. Начальники съѣхались и устроили военный совѣтъ. Павлюкъ предлагалъ тотчасъ же броситься за непріятелемъ, застигнуть отрядъ врасплохъ, захватить его и заставить показать путь. Болѣе осторожные татары возражали, что пойманные плѣнники могутъ, напротивъ, отвести въ противоположную сторону, да и сами могутъ легко потерять слѣдъ; гораздо благоразумнѣе послать впередъ развѣдчиковъ и застать всю орду врасплохъ, такъ какъ она, навѣрно, гдѣ нибудь въ лощинѣ кормитъ лошадей и отдыхаетъ послѣ продолжительнаго перехода.

— Ну, будь по вашему! согласился Павлюкъ. Только двигаться надо осторожно, чтобы они опять не прыснули куда нибудь въ сторону.

— Если мы побьемъ эту орду, замѣтилъ Ага-Махеметъ, мы можемъ вернуться въ свои улусы.

Все войско осторожно, въ строгомъ порядкѣ и полнѣйшемъ молчаніи двигалось за развѣдчиками. И сзади, и съ боковъ ѣхали сторожевые козаки, чутко прислушивавшіеся къ малѣйшему шуму, зорко присматривавшіеся къ малѣйшей точкѣ, чернѣвшейся на горизонтѣ.

Степь то стлалась ровной скатертью, то прерывалась рядами невысокихъ холмовъ; съ нихъ сбѣгали степныя рѣчки и образовывали балки, лощины, котловины.

Войско подъѣзжало къ одной изъ такихъ лощинъ. Тимошъ ѣхалъ сбоку и тоже съ напряженіемъ вглядывался въ окрестности. Вдругъ ему показалось, что за однимъ изъ бугорковъ, опускавшихся въ лощину, что то мелькнуло. Могла быть и птица; но для птицы движеніе было недостаточно плавное... Тимошъ шепотомъ передалъ свое впечатлѣніе Ганжѣ. Прикрываясь рукою отъ солнца, старый козакъ взглянулъ въ указанномъ направленіи, и его привычный глазъ ясно увидалъ шагахъ во ста змѣйку, извивавшуюся, исчезавшую и опять появлявшуюся все дальше и дальше по направленію къ лощинѣ.

— Ишь, лихо его возьми, какъ улепетываетъ! со смѣхомъ сказалъ Ганжа, показывая на чернѣвшее пятно Павлюку и Агѣ-Махмету. Молодецъ Тимошъ! теперь мы на слѣду; изъ этой лощины имъ некуда дѣться, теперь они пойманы, какъ звѣрекъ въ клѣткѣ.

— Ну, товарищи! теперь ужъ не дремать! Надо ихъ окружить, зайти и по ту сторону лощины, чтобы они не ускользнули отъ насъ.

— Веди, атаманъ! сказалъ Ага-Махметъ.

Онъ вполнѣ довѣрялъ военному искусству Павлюка, не разъ показавшаго себя опытнымъ вождемъ въ битвахъ.

Тимошу стало немножко страшно; онъ зналъ, что эта битва рѣшительная: обѣ стороны будутъ биться не на животъ, а на смерть, и боялся не столько за себя, сколько за своихъ друзей. Впрочемъ, онъ представлялъ себѣ и то, что его могутъ взять въ плѣнъ, и ему невольно вспоминались несчастныя жены и дѣти буджаковъ; ихъ брали при нападеніи въ плѣнъ, какъ скотъ, сваливали связанныхъ на телѣги или на чайки и галеры и везли въ Крымъ, гдѣ дѣлили ихъ между собою, какъ военную добычу.

— Нѣтъ, живымъ не дамся! думалъ онъ и крѣпко сжималъ рукоять сабли.

— Дидусю! спрашивалъ онъ Ганжу: вѣдь, не гоже татарамъ живымъ въ руки даться?

— Не гоже, сынку! не гоже!—отвѣчалъ Ганжа серьезно. Да только они, эти буджаки, ляхъ ихъ возьми, съ арканомъ ѣздятъ. Пока ты соберешься саблей себя по горлу полоснуть, а онъ ужъ и скрутилъ тебя и къ сѣдлу приторочилъ.

— Ой, какъ страшно, дидуню!

— Ну, Богъ дастъ, мы ихъ раньше скрутимъ! весело отвѣтилъ дѣдъ, пришпоривая коня.

Теперь имъ скрываться было нечего. Летучіе татарскіе отряды съ дикимъ гикомъ описывали длинную дугу вокругъ лощины. Козаки же мчались прямо къ ея входу.

Буджаки оказались въ самомъ невыгодномъ положеніи: быстрота натиска помѣшала имъ приготовиться къ бою. Кони ихъ метались, какъ бѣшеные; всадники топтали своихъ, спѣша къ выходу изъ лощины; но выходъ съ обѣихъ сторонъ былъ отрѣзанъ, и небольшія кучки храбрецовъ столпились кое-гдѣ вмѣстѣ, рѣшивъ дорого продать свою жизнь и свободу. Козаки нѣсколько разъ старались смять эти безпорядочные отряды; но каждый разъ были принуждаемы къ отступленію подъ тучами буджакскихъ стрѣлъ; имъ мѣшало и солнце, слѣпившее имъ глаза своими лучами, тогда какъ аттакованные могли свободно выбирать цѣль для своихъ стрѣлъ: солнце у нихъ было въ тылу. Орда была человѣкъ въ тысячу, если не больше, и сломить ее было не легко; она состояла изъ записныхъ бойцовъ-богатырей, искусившихся во всякихъ военныхъ хитростяхъ. Передовые наѣздники ея, богатыри, искусно заманивали козаковъ въ лощину, какъ бы убѣгая отъ нихъ, и вдругъ на всемъ скаку прицѣливались въ нихъ черезъ лѣвое плечо, пуская тучи стрѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ единоборство съ врагомъ и, схватываясь съ нимъ руками, старались или выбросить его изъ сѣдла, или задушить его. Козаки уже болѣе часу бились съ врагомъ и не могли сломить его. Вдругъ съ противоположнаго конца лощины показался татарскій отрядъ. Крутизна спуска заставила ихъ быстро спѣшиться, и проворно, какъ кошки, спустились они, цѣпляясь за траву и мелкій кустарникъ. Ихъ было только нѣсколько сотенъ; но дружный ихъ натискъ рѣшилъ дѣло. Кривыя сабли заблестѣли въ воздухѣ, свистъ и лязгъ ихъ смѣшался съ

криками и стонами; задніе ряды буджаковъ дрогнули, бросились въ противоположную сторону и смяли богатырей, дававшихъ отпоръ козакамъ. Козаки воспользовались смятеніемъ: плотной толпой проникши въ лощину, окружили тамъ врага и схватились съ нимъ въ рукопашную. Тимоша увлекло общее теченіе, и онъ вмѣстѣ съ другими рубилъ направо и налѣво, какъ вдругъ почувствовалъ, что зашатался въ сѣдлѣ; въ глазахъ у него потемнѣло: ему показалось, что онъ умираетъ.

— Татко, дидусю! крикнулъ онъ: прощайте! и упалъ съ лошади.

Схватка не длилась и получаса. Буджаковъ болѣе половины перебили, остальныхъ взяли въ плѣнъ и, согнавъ въ кучу, какъ стадо барановъ, перевязали ихъ ремнями и оставили подъ стражею нѣсколькихъ козаковъ.

— Славно поработали, братцы! сказалъ Ганжа козацкимъ старшинамъ. Мой птенчикъ тоже оперяется; я видѣлъ, какъ онъ рубилъ буджаковъ.... Да гдѣ же онъ? Тимошъ! Гей, Тимошъ! откликнись!

Но Тимошу трудно было откликнуться: онъ блѣдный, распростертый лежалъ безъ чувствъ немного въ сторонѣ отъ мѣста главной схватки, гдѣ лежала цѣлая груда убитыхъ и раненыхъ.

— Не видалъ ли кто хлопца? съ безпокойствомъ спрашивалъ Ганжа, внимательно осматривая поле битвы.

Смольчугъ тоже искалъ Тимоша и наконецъ наткнулся на него.

— Вотъ онъ! крикнулъ молодой козакъ: никакъ мертвъ!

Ганжа поспѣшно подошелъ къ лежавшему Тимошу, и слезы потекли по его длиннымъ сѣдымъ усамъ, когда онъ приподнялъ съ земли блѣдное, помертвѣлое лице мальчика.

— Сынку, мой сынку! проговорилъ онъ: неужели я не спасу тебя?

Смольчугъ между тѣмъ внимательно осматривалъ рану: одна стрѣла скользнула по лѣвому боку и задѣла мальчика глубокою царапиною, а другая засѣла въ плечѣ, хотя и не особенно глубоко.

— Живъ будетъ! проговорилъ радостно Смольчугъ, насыпая на руку немного пороху изъ пороховницы и смѣшивая его съ слюною.

— Давай-ка, дѣдъ, раздѣнемъ его и обвяжемъ его раны!

Намазавъ обѣ раны смоченнымъ порохомъ, они перевязали ихъ лоскутомъ, оторваннымъ отъ рубахи и бережно уложили мальчика на одну изъ повозокъ, прикрывъ его бурками. Оба они остались сидѣть подлѣ него, примачивая ему виски водой и ожидая, когда онъ придетъ въ чувство. Онъ, дѣйствительно, скоро очнулся, попросилъ пить и чувствовалъ себя довольно хорошо; но къ ночи у него сдѣлалась лихорадка и бредъ. Старый Ганжа совсѣмъ растерялся: онъ любилъ мальчика, какъ роднаго сына, и отъ одной мысли потерять его самого старика бросало въ дрожь. Павлюкъ тоже часто навѣщалъ больнаго; онъ привелъ татарина, слывшаго за колдуна и умѣвшаго заговаривать раны. Тотъ пошепталъ что-то, осмотрѣлъ раны и сказалъ:

— Если черезъ четыре дня не умретъ, то выздоровѣетъ.

— Бисовъ сынъ! вспылилъ Ганжа. Я и самъ знаю, что если не умретъ, такъ живъ будетъ! А ты скажи, какъ лѣчить.

Татаринъ показалъ на маленькую красноватую припухлость около раны.

— Вотъ тутъ болѣзнь сидитъ! проговорилъ онъ. Не умѣли стрѣлу вынуть... повернули!

Онъ набралъ какихъ-то травъ, поварилъ ихъ въ котелкѣ и напоилъ больнаго. Ганжа тоже попробовалъ этого зелья и сплюнулъ:

— Ты мнѣ его, пожалуй, еще отравишь?

Питье было горькое-прегорькое.

— Зачѣмъ отравлять! возразилъ татаринъ: не перваго лѣчить, живъ будетъ!

Онъ промылъ ранку, приложилъ къ ней тоже какихъ то травъ и ловко перевязалъ раны тряпкою. На третьи сутки Тимошу стало очень худо. Онъ цѣлый день бредилъ, метался въ жару, звалъ отца, кричалъ, что его рѣжутъ, а къ вечеру впалъ въ забытье и лежалъ неподвижно, какъ мертвый. Лѣкарь-татаринъ утѣшалъ, что это ничего, что бываетъ еще хуже. Ганжа и самъ не разъ ухаживалъ за тяжело ранеными; но никогда

сердце его такъ болѣзненно не ныло и не сжималось, какъ при видѣ этого мальчика, безпомощно метавшагося на возу.

На слѣдующій день рѣшено было выступить въ обратный путь, хотя Ганжа и умаливалъ начальниковъ подождать хоть еще день.

— Не можно! отвѣчали ему. И то долго тутъ сидимъ. Пора и до дому!

Къ ночи Тимошу стало какъ будто легче, а подъ утро онъ спокойно уснулъ и проспалъ долго: не слышалъ, какъ запрягли повозку, какъ тронулись въ путь и медленно стали подвигаться по дорогѣ къ границамъ Украины.

Небольшой отрядъ былъ посланъ на югъ за чайками, стоявшими у морскаго берега. Чайки эти Павлюкъ приказалъ отвести на Сѣчь, а самъ, распростившись съ татарами, миновалъ Сѣчь и пороги, повернулъ къ западу въ Черкасы. Никто не зналъ намѣреній атамана. На встрѣчу имъ неслись тревожные слухи, что ляхи забрали козацкую армату, что козакамъ совсѣмъ нѣтъ житья отъ пановъ,—даже реестровые бунтуютъ, такъ какъ имъ не платятъ жалованья; жиды все забрали въ свои руки и всячески издѣваются надъ православными. Павлюкъ только грозно сдвигалъ брови и, сжимая кулаки, говорилъ:

— Не бывать тому! не отдадимъ своей родины на поруганіе!

Тимошъ поправлялся медленно, онъ очень ослабъ отъ потери крови и лихорадки, а потому сильно утомлялся большими переходами, совершаемыми въ жаръ по пыльной дорогѣ, гдѣ къ вечеру появлялись миріады мелкихъ мошекъ, всю ночь не дававшихъ покою даже здоровымъ, не только что больному; днемъ кружились въ воздухѣ надоѣдливыя степныя мухи, а подъ одежду забирались всякія насѣкомыя; отъ нихъ ничѣмъ нельзя было спастись. Тѣмъ не менѣе молодость и здоровый степной воздухъ дѣлали свое: мальчикъ крѣпчалъ и, когда они переѣхали границу Украины, онъ могъ уже садиться на коня, хотя скоро уставалъ и не переносилъ еще быстрой ѣзды. Его опять отправили на время къ теткѣ Оксанѣ; козаки же пошли прямо на Черкасы.

Въ маленькомъ спокойномъ хуторкѣ старушки козачки, Тимошу все было знакомо; онъ вернулся какъ домой. Старый котъ встрѣтилъ его какъ давнишняго знакомаго, терся у его ногъ, выгибая спину и важно помахивая хвостомъ; собака Сирко дружелюбно залаяла на цѣпи и съ веселымъ подвизгиваньемъ скребла землю лапами; а телка, превратившаяся въ молодую коровку, выгибая бока и откинувъ хвостъ, скакала около него въ ожиданіи подачки; мальчику казалось, что и пчелы жужжали привѣтливѣе, когда онъ заглянулъ въ пасѣку. А сама добрая веселая тетка Оксана пустилась притопывать гопака на радостяхъ, что хлопецъ опять къ ней вернулся. Здоровый Тимошъ скучалъ въ этомъ скромномъ уголкѣ, пріютившемся въ ущельи; но теперь, больному, ему пріятно было отдохнуть въ тѣни зеленыхъ черешенъ и тополей, по цѣлымъ часамъ слушая разсказы о былыхъ козацкихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ.

Такъ прошло три мѣсяца. Тимошъ со дня на день ожидалъ пріѣзда отца; но важныя дѣла задерживали Богдана, разъѣзжавшаго то въ Кіевъ, то въ Варшаву и только время отъ времени присылавшаго о себѣ вѣсточку съ какимъ нибудь проѣзжимъ козакомъ. Было начало октября. Деревья ужъ пожелтѣли; въ воздухѣ пахло сыростью, и густые утренніе туманы на нѣсколько часовъ совсѣмъ окутывали хуторъ. Тимошъ совсѣмъ поправился, поздоровѣлъ и сильно выросъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ хаты, занимаясь починкою удочки, и располагая этотъ день ловить рыбу въ сосѣднемъ озеркѣ, изобиловавшемъ коропами, плотичками, окунями... Какъ вдругъ на поворотѣ изъ-за сосѣдней горы показался всадникъ. Острое зрѣніе Тимоша тотчасъ различило знакомыя черты; съ крикомъ: „татко, татко пріѣхалъ“, онъ бросилъ удочку и черезъ минуту цѣплялся уже за стремя отца, карабкаясь, какъ кошка, къ нему на лошадь.

— Тише, тише! смѣялся отецъ, поднимая его на сѣдло. Ишь, какой большой выросъ. Тетка Оксана выкормила тебя на славу. Что, попробовалъ татарскихъ гостинцевъ? Ничего братъ! въ жизни и не то доведется видѣть!—Съ гордостью истаго козака, онъ откинулъ назадъ подросшіе у сына волосы, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, поцѣловалъ и, спуская на землю, прибавилъ:

— Добре! Вижу, что ты обстрѣлянъ, сынку! А теперь пора и въ науку; былъ хорошимъ воякой, будь же и добрымъ бурсакомъ!

Тимошъ немного затуманился; перспектива бурсацкой жизни не особенно ему улыбалась, онъ помнилъ грубыя полуголодныя толпы бурсаковъ, приходившія въ отцовское имѣніе выпрашивать милостыню и подачекъ въ видѣ хлѣба, муки, лепешекъ, галушекъ. Ихъ разсказы о поголовномъ сѣченьи и о трудностяхъ латинской мудрости живо вспомнились теперь мальчику и онъ робко спросилъ отца:

— Тату, а развѣ надо мнѣ непремѣнно учиться въ бурсѣ?

— Надо, сынку! Безъ ученья никакъ не можно! Кто знаетъ, можетъ въ жизни будешь и знатнымъ паномъ; латынь-то и пригодится.

— Я хочу быть козакомъ! запальчиво отвѣчалъ мальчикъ: я всегда буду козакомъ и не хочу быть паномъ.

Богданъ лукаво прищурился.

— Гѣ-гѣ! добрый козакъ! со смѣхомъ проговорилъ онъ. Что тамъ еще будетъ, одному Богу извѣстно. Теперь же веди меня къ теткѣ Оксанѣ; пусть она приготовитъ побольше галушекъ и варениковъ, да и горѣлки не забудетъ; я усталъ съ дороги.

Радушная хозяйка захлопотала. Явились на столѣ и вареники, и галушки, и щерба, и саламата, и горѣлка, и медъ, и даже бутылка стараго токайскаго, выглянувшая на свѣтъ Божій послѣ десятковъ лѣтъ невозмутимаго покоя въ укромномъ уголкѣ погреба.

Тимошъ все время не отставалъ отъ отца съ разспросами о своихъ друзьяхъ; его поддерживала и хозяйка, тоже любопытствовавшая узнать, что дѣлалось на Украинѣ. Богданъ, видимо, уклонялся.

— Да дайте жъ мнѣ поѣсть! говорилъ онъ. Мало добраго творится на Украинѣ. Что тутъ и толковать! одна только обида.

И онъ опять продолжалъ съ напускнымъ равнодушіемъ уписывать галушки и вареники.

Тимошъ, наконецъ, не выдержалъ:

— Татко, ты хочешь отъ меня утаить что то? Вижу, что ты виляешь.

Богданъ нерѣшительно помолчалъ.

— Ну, слушайте жъ! сказалъ онъ наконецъ. Что только творится на бѣдной Украинѣ, о томъ не слыхивали ни дѣды, ни прадѣды наши. Сами козаки предаютъ другъ друга панамъ съ руками и ногами, и твой другъ Ганжа съ Смольчугомъ тоже попались: сидятъ они теперь у пана короннаго гетмана за крѣпкими затворами.

Тетка Оксана взвыла.

— Ой горе мнѣ, бѣдной! причитала она. Одинъ родной былъ—и того паны съѣли; осталась я одна бѣдная, горемычная!

— Говори, татко, скорѣе все, какъ было! торопилъ отца Тимошъ.

— Вотъ такъ и было! продолжалъ Богданъ. Нагрянулъ Павлюкъ на Черкасы, увезъ армату на Сѣчь и сталъ скликать козаковъ. Повалили къ нему и вольные, и реестровые. Видятъ паны, что дѣло плохо, и стакнулись съ этимъ шельмою писаремъ Онушкевичемъ; тотъ имъ все сдѣлалъ: подобралъ козаковъ, подбилъ ихъ созвать раду, отняли у Василя Томиленка его булаву и камышину, да и сдѣлали старшимъ Савку Чалаго. А Савка Чалый всегда готовъ распинаться передъ панами. Только на этотъ разъ дѣло ихъ не выгорѣло. Василь не будь глупъ и дай знать въ Сѣчь Павлюку. Еще панъ коронный гетманъ не успѣлъ утвердить Чалаго, а Павлюкъ ужъ послалъ своихъ орловъ за Днѣпръ. Спятъ себѣ Савка съ Ѳедькомъ сладко пресладко и не чуютъ бѣды; а бѣда-то надъ ними стоитъ: врываются ночью къ нимъ козаки, хватаютъ ихъ съ ихъ сообщниками и гайда! на раду на майданъ. А тамъ ужъ расправа коротка: кому пулю въ лобъ, кого на шибеницу, а кого, говорятъ, и живьемъ въ землю зарыли.

— И по дѣломъ имъ! съ торжествомъ проговорилъ Тимошъ. А какъ же, тату, Ганжа то съ Смольчугомъ?...

— Вотъ тутъ то и закавыка. Не всѣхъ козаки похватали: жидъ Ильюшка убѣжалъ, да и Ганжу со Смульчугомъ съ собой прихватилъ панамъ въ гостинецъ.

— Чтобъ ему провалиться, паршивой собакѣ! проворчала тетка Оксана. Да какъ же ему это помогло? И что же эти ротозѣи козаки зѣвали?

— Видишь ли, проговорилъ Богданъ, покосясь въ сторону Тимоша: жидъ жиду всегда поможетъ, и ему помогъ дьяволъ Янкель. У Янкеля смазливая жинка,—она и обошла Смольчуга. Какъ ворвались козаки въ городъ, Ильюшка давай Богъ ноги къ Янкелю, а Смольчугъ-то оказался тамъ, они его и скрутили...

— Ну, а Ганжа? допрашивала тетка Оксана.

— Ганжа пошелъ выручать Смольчуга, да и самъ попалъ въ ловушку.

У Тимоша стояли слезы въ глазахъ.

— И я жъ еще этого жида спасъ! съ грустью проговорилъ онъ.

ГЛАВА X.

У ГАЙДАМАКОВЪ.

Тимошу однако не пришлось провести зиму въ кіевской братской школѣ и засѣсть за книгу. Настали тревожныя времена, какихъ никто и не чаялъ: повсюду вспыхнуло возстаніе, и даже въ тихомъ уголку тетки Оксаны стало не безопасно. Гайдамацкіе загоны и преслѣдовавшіе ихъ польскіе жолнеры рыскали повсюду, обшаривали всякую хату.

Богданъ въ это время находился въ Варшавѣ, откуда прислалъ за Тимошемъ вѣрнаго козака, чтобы отвезти его немедленно въ Кіевъ. Сборы были короткіе: тетка Оксана напекла на дорогу всякихъ лепешекъ и сухарей и отправила хлопца и его провожатаго въ путь, проводивъ до большой дороги. Это было въ концѣ ноября, зима уже вступала въ свои права; перепадалъ первый снѣгъ, начинались морозы, рѣки и озера покрывались ледяною корою, и Тимошъ кутался въ бурку, сидя на своемъ скакунѣ. Путешествіе было и долгое, и опасное: то приходилось пробираться лѣсами, чтобы миновать мѣста, гдѣ кипѣло возстаніе, то вдругъ, только что остановившись въ городѣ, опять са-

диться на коней и поспѣшно скакать дальше, избѣгая безпорядка и грабежа. Сперва они держались праваго берега Днѣпра, разсчитывая добраться до Черкасъ и Мошенъ; но оказалось совсѣмъ невозможно продолжать этотъ путь: цѣлыя села, деревни были разграблены и сожжены, а отъ панскихъ замковъ остались только однѣ развалины.

— Не можно ѣхать дальше! заявилъ какъ то вечеромъ провожатый Тимоша:—и впереди пожаръ, и сзади горитъ; треба обождать да разузнать, не можно ли перебраться черезъ Днѣпръ; може тамъ спокойнѣе.—У лѣса стояла маленькая невзрачная корчма, и красивая козачка-шинкарка съ поклономъ встрѣтила гостей на порогѣ. На вопросъ козака, нельзя ли какъ перебраться на ту сторону, она отвѣтила, покачавъ головою:

— Ни, козаче, и думать не можно. Вотъ дня черезъ два путь установится.

Пришлось удовольствоваться ожиданіемъ. Тимошъ съ козакомъ помѣстились въ маленькомъ чуланчикѣ; сквозь досчатыя стѣны его дулъ вѣтеръ, несло холодомъ, и Тимошъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ теплую горницу тетки Оксаны; онъ продрогъ и не могъ заснуть, тогда какъ неприхотливый его товарищъ, свернувшись клубкомъ на разостланной соломѣ и завернувшись въ бурку, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на холодъ, ни на вѣтеръ.

Въ глухую полночь послышался стукъ въ ворота.

— Гей, хозяйка! Отворяй!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Кто тамъ? недовѣрчиво спросила козачка.

— Свои! козаки! Отворяй добромъ, а то мы и сами съумѣемъ войти!

Тимошъ слышалъ, какъ щелкнулъ запоръ, и отрядъ козаковъ въѣхалъ во дворъ. Мальчику послышалось, что голосъ одного изъ козаковъ ему знакомъ. „Никакъ Иванъ Злой“, подумалъ онъ. Онъ приподнялся и, пріотворивъ дверь чулана, сталъ разсматривать козаковъ. Дѣйствительно, это былъ Иванъ Злой въ одеждѣ козацкаго куреннаго, а съ нимъ десятка два дюжихъ запорожцевъ съ темными лицами, не успѣвшими еще сбросить лѣтній загаръ, съ длинными оселедцами, висѣвшими изъ-подъ

высокихъ бараньихъ шапокъ. Одного или двухъ изъ нихъ Тимошъ призналъ и, поспѣшно накинувъ на плеча бурку, онъ радостно выскочилъ на дворъ.

— Гей, хлопецъ! Ты откуда? привѣтствовали его козаки.

— Батько шлетъ меня въ Кіевъ, да пробраться то больно трудно, — отвѣчалъ Тимошъ.

Злой засмѣялся.

— Хитеръ больно твой батько, замѣтилъ онъ. Недаромъ съ панами знается. Писаремъ войсковымъ сдѣлали. Важнымъ паномъ сталъ. Вотъ и надо ему сына въ бурсу посылать, а по мнѣ плюнь ты на эту науку! Будешь добрымъ козакомъ, во сто разъ лучше этихъ длинныхъ спудеевъ, что по дворамъ попрошайничаютъ.

Тимошъ и самъ былъ того же мнѣнія. Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ мощную фигуру Злаго, совершенно преобразившагося въ красивомъ богатомъ нарядѣ, и почувствовалъ къ нему уваженіе.

— Какъ же ты попалъ въ атаманы? спросилъ онъ его.

— Отчего же мнѣ и не быть атаманомъ? отвѣчалъ онъ заносчиво: я за нашего батька готовъ голову положить. А какъ вырѣжемъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, такъ еще и не то будетъ. Батько тогда будетъ, что король, а мы атаманы—его сенаторами.

Иванъ снова засмѣялся своимъ басистымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Козаки вошли въ корчму и расположились ужинать. Изъ разсказовъ Злаго Тимошъ узналъ, что Павлюкъ еще въ Сѣчи, но скоро прибудетъ, что въ Мошнахъ сидитъ его главный помощникъ Скиданъ; онъ то и созываетъ къ себѣ козацкую силу въ ожиданіи самого батька.

— Теперь ужъ не миновать битвы съ ляхами,—добавилъ Злой. Самъ польный гетманъ идетъ на насъ. Только дай Боже батьку не опоздать!

— А чего жъ онъ медлитъ въ Сѣчи? спросилъ Тимошъ.

— Ждетъ помощи отъ крымскаго хана.

— А вы куда ѣдете?

Злой лукаво подмигнулъ.

— Куда вѣтеръ дунетъ, тамъ и мы будемъ! отвѣчалъ онъ. Двинемся-ка, хлопецъ, съ нами. Отецъ тебя съ кѣмъ посылаетъ?

— Съ Опанасомъ Чернымъ.

— Добре! протянулъ Иванъ.—Вотъ поѣдемте вмѣстѣ. Тебѣ за Днѣпръ и намъ за Днѣпръ.

На слѣдующее утро Тимошъ съ Опанасомъ рѣшили, что, дѣйствительно, лучше двинуться въ путь вмѣстѣ съ козаками.

— А какъ мы переправимся черезъ Днѣпръ?—спрашивалъ Опанасъ. Дороги, говорятъ, нѣтъ еще.

— А зачѣмъ тебѣ дорога? Мы и сами ее проложимъ; я сколько лѣтъ въ чумакахъ ходилъ, мнѣ не диво дорогу прокладывать.

Злой, дѣйствительно, обладалъ хорошимъ чутьемъ вожака, и они благополучно совершили переправу черезъ только что ставшую рѣку.

— Вотъ мы и въ Вишневеччинѣ!—весело сказалъ Злой, когда они доѣхали до первыхъ селъ.

Всюду было пусто: деревни и села точно вымерли; только кое-гдѣ мычала забытая корова, или попадалась лошадь безъ сѣдока.

— Походили тутъ наши гайдамаки,—говорили козаки.

Въ то время, когда они подъѣзжали къ Лубнамъ, къ нимъ присоединилось еще нѣсколько отрядовъ, а у самаго города въ лѣсу ихъ, видимо, поджидало нѣсколько козацкихъ сотенъ.

— Что же будетъ? спрашивалъ Тимошъ.

— А вотъ увидишь, хлопче! отвѣчалъ, улыбаясь, Иванъ: Мы хотимъ пановъ пощипать немножко.

Вѣсть о появленіи козаковъ быстро разнеслась по окрестности. Отовсюду стекались хлопы, крестьяне, горожане,—кто съ оружіемъ, кто съ косой, кто съ ножемъ, а кто и просто съ заостреннымъ коломъ. Въ лѣсу, гдѣ хоронились козаки, образовался цѣлый таборъ. Туда нанесли всякихъ припасовъ изъ сосѣднихъ деревень и селъ, привели скотину, запаслись горѣлкой и пивомъ изъ разграбленныхъ по сосѣдству шинковъ. Мелкія шайки бродили по окрестности, выслѣживая ляховъ и жидовъ.

Разъ какъ то вечеромъ Тимошъ сидѣлъ въ вырытой въ землѣ ямѣ, служившей ему съ Опанасомъ спальнею, какъ вдругъ

онъ услышалъ необычайный шумъ и движеніе въ таборѣ. Онъ вылѣзъ изъ своего логовища и побѣжалъ смотрѣть, что случилось.

— Кизимъ пришелъ, молодой богатырь Кизимъ! кричали козаки. Съ нимъ много гайдамаковъ; сейчасъ идемъ всѣ на Лубны.

Морозная ночь искрилась миріадами звѣздъ, и блѣдные лучи мѣсяца освѣщали путь нѣсколькимъ тысячамъ козаковъ, двинувшимся къ укрѣпленному городу. Стража на городскихъ валахъ мирно спала; услужливые горожане, перешедшіе на сторону козаковъ, догадались подпоить ихъ съ вечера. Въ городѣ не чуяли бѣды, какъ вдругъ въ открытыя неизвѣстно кѣмъ ворота ворвались козаки, перебили полусонную стражу и разсыпались по улицамъ города. Прежде всего бросились къ княжескому замку; но тамъ не оказалось никого, кромѣ челяди и мелкой шляхты, проживавшей у князя Іереміи. Всѣхъ ихъ перерѣзали и разграбили замокъ.

— Теперь, братове, гайда на монаховъ! крикнулъ атаманъ.

Вся ватага бросилась къ доминиканскому монастырю. Стѣны монастыря были крѣпки, высоки и не боялись натиска.

— Сжечь ихъ! скомандовалъ атаманъ.

Вокругъ монастыря набросали всевозможнаго горючаго матеріала, устроили громадные костры, набросали на нихъ бочки съ дегтемъ и смолою, а подъ воротами сдѣлали подкопы и вкатили въ нихъ пороховыя бочки, захваченныя въ княжескомъ замкѣ. Всю ночь провели козаки въ этихъ приготовленіяхъ и только на разсвѣтѣ зажгли костры, подожгли фитили и отошли подальше отъ монастыря, издали любуясь, какъ съ громомъ и трескомъ взлетѣли взорванныя ворота, а длинные красные языки пламени со всѣхъ сторонъ охватили мрачное зданіе, истребляя сначала деревянныя части, а затѣмъ добираясь и до каменныхъ. Но козакамъ этого было мало: они подбѣжали къ горящему зданію и бросились на монаховъ, спасавшихся отъ пожара.

— Рубить ихъ, проклятыхъ католиковъ! кричали козаки.

Монахи въ ужасѣ метались, прося пощады; но пощады имъ не было; ихъ всѣхъ перебили, побросали въ огонь, и Тимошъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту кровавую расправу съ вы-

сокой башни княжескаго замка. Вдругъ онъ увидѣлъ, что толпа козаковъ схватила кого то, выбѣжавшаго изъ монастыря, и потащила къ замку.

— Иди сюда, Тимошъ! крикнулъ снизу Опанасъ, заглядывая на винтовую лѣстницу башни.—Смотри, паныча притащили!

Тимошъ сбѣжалъ внизъ и въ большой залѣ наткулся на нѣсколько козаковъ, тащившихъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, блѣднаго, испуганнаго, трепещущаго. На мальчикѣ была одежда простаго шляхтича, но на рукахъ его блестѣли дорогіе перстни.

— Признавайся, кто ты! приставали козаки.

Тимошъ заглянулъ въ лицо плѣнника и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія. Передъ нимъ былъ князь Дмитрій, тотъ самый, съ которымъ онъ два года тому назадъ посчитался на пиру у пана Конецпольскаго. Первымъ движеніемъ Тимоша было назвать плѣнника, но онъ тотчасъ-же удержался и только молча, пристально смотрѣлъ на паныча, трясшагося, какъ въ лихорадкѣ. Замѣтивъ пристальный взглядъ, князь Дмитрій тоже поднялъ глаза и узналъ Тимоша. Онъ слабо вскрикнулъ и попятился назадъ.

— Знаешь ты этого хлопца? обратились козаки къ Тимошу.

Тимошъ замялся. Одно его слово могло погубить молодаго князя. Стоило только сказать, что это племянникъ князя Еремы, котораго всѣ ненавидѣли, и Дмитрія разорвали бы въ клочки; но онъ былъ такой испуганный, такой жалкій, дрожащій, что у Тимоша сердце не повернулось его выдать. „Спасти его!“—промелькнуло у него въ умѣ, и онъ отвѣчалъ спокойно, твердо, съ разстановкою:

— Да, знаю! это сынъ шляхтича, знакомаго моему отцу.

Князь Дмитрій съ удивленіемъ взглянулъ на него. Онъ никакъ не ожидалъ такого великодушія отъ хлопа.

Козаки посовѣтовались между собою и рѣшили на время оставить молодаго паныча плѣнникомъ. На слѣдующій день вторично обыскали весь городъ, добили оставшихся въ живыхъ жидовъ и шляхтичей, попрятавшихся, гдѣ кто могъ; ихъ вытаскивали изъ погребовъ и подваловъ, гдѣ они притаились за боч-

ками и пустыми ящиками, вырывали изъ-подъ сѣна на сѣновалахъ, сталкивали съ чердаковъ, выгоняли изъ темныхъ городскихъ закоулковъ и приканчивали ихъ тутъ же на улицахъ, на дворахъ, на лѣстницахъ. По вечерамъ козаки собирались въ замкѣ и пировали до тѣхъ поръ, пока тутъ же не засыпали, свалившись кто на лавку, кто подъ столъ.

Вдругъ на третій день прискакало нѣсколько козаковъ съ правой стороны Днѣпра. Они принесли недобрыя вѣсти: Павлюкъ былъ разбитъ на голову: и онъ, и Томиленко выданы ляхамъ; убѣжалъ только одинъ Скиданъ. Польный гетманъ уже переправляется на лѣвый берегъ. Козаки призадумались. Бѣгство было невозможно,—всѣ пути были отрѣзаны. Оставалось одно: укрѣпиться и ждать польское войско. Тимошъ съ Опанасомъ не знали, что имъ дѣлать. „Гдѣ теперь отецъ?“ размышлялъ Тимошъ.

— Онъ теперь, навѣрное, съ паномъ польнымъ гетманомъ,— отвѣчалъ Опанасъ.—Только не можно намъ теперь отъ гайдамаковъ уйти. Они насъ не пустятъ.

— А если убѣжать?

— Трудное дѣло! проговорилъ Опанасъ. Городъ укрѣпили, вездѣ стража. Никакъ бѣжать не можно.

Тимошъ задумался.

— Знаешь что? сказалъ онъ нерѣшительно.—Я поговорю съ плѣннымъ панычемъ. Онъ тутъ жилъ въ городѣ, знаетъ всѣ ходы и выходы. Пусть укажетъ намъ путь, а мы его за то съ собою прихватимъ.

Опанасъ немного оторопѣлъ.

— Негожее дѣло ты затѣваешь! убѣжать да еще и плѣнника съ собой увести. А какъ поймаютъ, тогда намъ смерть неизбѣжная.

Тимошъ промолчалъ; но мысль спасти князя Дмитрія и самимъ убѣжать гвоздемъ засѣла у него въ головѣ, какъ выражался о немъ его отецъ. Князь Дмитрій сидѣлъ въ узкой полутемной каморкѣ подъ надзоромъ козака сторожа, смѣнявшагося два раза въ день. Тимошъ улучилъ минуту, когда на часахъ стоялъ знакомый ему запорожецъ:

— Диду Остапенко, а диду Остапенко! кликнулъ онъ его. Больно мнѣ ужъ охота поболтать съ панычемъ, что тамъ сидитъ.

Козаку не показалось это удивительнымъ, такъ какъ Тимошъ говорилъ, что это знакомый его отца.

— А що, хлопецъ? ласково проговорилъ Остапенко.—Чи зажурывся одынъ? Ну, иди, посиди съ панычемъ! И онъ отворилъ дверь каморки.

Князь Дмитрій сидѣлъ на кучѣ соломы и со страхомъ поднялъ распухшее отъ слезъ лице, спросивъ:

— Кто тутъ?

— Я, Тимошъ—отвѣчалъ мальчикъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою—прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ и присѣлъ на солому.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? недовѣрчиво спросилъ молодой князь, отодвигаясь.

Тимошъ заговорилъ шепотомъ, посматривая время отъ времени на дверь:

— Видишь ли, я бы не сталъ съ тобою связываться, потому что ты панъ, а я козакъ; паны всегда были нашими врагами. Но теперь мы оба въ бѣдѣ: ты плѣнникъ, да и я не лучше. Городъ укрѣпили; ни мнѣ, ни тебѣ не попасть въ польское войско.

— А оно близко? спросилъ живо князь. О, если бы они разбили этихъ презрѣнныхъ хлоповъ!

Тимошъ нахмурился.

— Ты не бранись!—сказалъ онъ сердито.—А то и сиди себѣ тутъ въ своемъ чуланѣ.

— Говори, говори дальше, торопилъ Дмитрій.

— То-то же! проговорилъ Тимошъ, успокаиваясь. Только не кричи,—тутъ за дверью козакъ ходитъ.

Остапенко просунулъ голову въ дверь.

— Чи наговорились, дѣтки? спросилъ онъ.

— Ни, еще диду! Отвѣчалъ Тимошъ.

— Да я боюсь, чтобы кто изъ козаковъ не заглянулъ; мнѣ за васъ достанется, проговорилъ Остапенко, притворяя дверь.

— Нельзя терять времени, прошепталъ Тимошъ. Есть у васъ въ замкѣ какой-нибудь выходъ за городъ? Мы тебя осво-

бодимъ; ты покажешь намъ дорогу—проговорилъ онъ, наклоняясь къ уху князя.

Дмитрій быстро взглянулъ на своего собесѣдника.

— А ты не обманываешь? спросилъ онъ тихо.

— Зачѣмъ мнѣ обманывать? Отецъ мой теперь въ польскомъ войскѣ писаремъ, мнѣ надо къ нему пробраться.

Дмитрій молчалъ, какъ будто что-то соображая.

— Отъ южной башни идетъ подземный ходъ,—проговорилъ онъ. Этимъ ходомъ можно выбраться на берегъ рѣки за городскою стѣною.

Тимошъ просіялъ.

— Добре, братику! Ей-ей добре! вскрикнулъ онъ на радости, хлопнувъ князя по плечу.

Князь Дмитрій гордо поднялъ голову и вспыхнулъ. Вся княжеская спесь поднялась въ немъ отъ хлопскаго прикосновенія.

— Я тебѣ не братъ! вскрикнулъ онъ. Слышишь ты? Никогда ты не можешь быть мнѣ ровней. Если я принимаю твои услуги, такъ только потому, что иначе нѣтъ спасенія.

Тимошъ тоже вспылилъ.

— Ишь панская кровь! проговорилъ онъ.—И я бы о тебя не сталъ рукъ марать, еслибъ иначе было можно.

Остапенко опять просунулъ голову:

— Вы не подеритесь, хлопцы! проговорилъ онъ, смѣясь.— Чего вы тутъ кричать зачали. Прысь-ка до дому, Тимошъ! А ты вотъ ѣшь свою похлебку! закончилъ онъ, ставя предъ узникомъ горшокъ съ похлебкой и сунувъ ему въ руки ломоть хлѣба.

Тимошъ вышелъ и всю ночь проворочался на постели, обдумывая, какъ бы высвободить узника и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ города.

Въ польскомъ лагерѣ все было тихо, только стража перекликалась въ цѣпи обоза, да въ палаткѣ польнаго гетмана свѣтился огонь. Панъ Потоцкій, плотный краснолицый мужчина, быстро шагалъ изъ угла въ уголъ, подходя время отъ времени къ столику и прихлебывая венгерское изъ большой серебряной

кружки. Толстая восковая свѣча, горѣвшая въ массивномъ шандалѣ, слабо освѣщала большую палатку, и свѣтъ ея разливался въ фантастическихъ образахъ по роскошной бухарской матеріи, широкими складками одѣвавшей палатку внутри. За столомъ сидѣли Богданъ въ нарядной одеждѣ войсковаго писаря: въ яркомъ аломъ кунтушѣ съ откидными рукавами, въ атласномъ кафтанѣ голубаго цвѣта, подпоясанномъ синимъ кушакомъ съ золотыми кистями. Другой былъ полковникъ Ильяшъ Караимовичъ, исполнявшій теперь должность старшаго надъ реестровыми. Передъ обоими стояли тоже кружки съ виномъ и всѣ трое вели оживленный разговоръ.

— Осмѣлюсь доложить еще разъ ясневельможному пану гетману, что теперь самый удобный моментъ разорить гнѣздо мятежниковъ. Если панъ гетманъ пропуститъ время и не двинется на югъ въ самое Запорожье, всѣ наши усилія кончатся ничѣмъ. Тамъ опять найдется предводитель, соберетъ около себя вольницу, и тогда придется начинать сначала.

Проницательный взоръ Богдана какъ то загадочно скользнулъ по лицу говорившаго и остановился на кружкѣ съ виномъ.

— Да, сказалъ онъ: съ козацкою вольницею не такъ то легко справиться. Панъ Ильяшъ забываетъ, что разгромить цѣлый край безъ особаго соизволенія его величества наияснѣйшаго короля значитъ поступить самовольно.

— И я тоже говорю, подхватилъ польный гетманъ. На что я не имѣю полномочія, того дѣлать я не могу. Да и къ чему? Павлюкъ у насъ въ рукахъ. Кизима старшаго забрали, младшаго заберемъ тоже, Скидана же намъ сами козаки приведутъ изъ боязни нашей опалы.

Въ эту минуту занавѣсъ палатки приподнялся, и на порогѣ появился сторожевой козакъ:

— Ясновельможный панъ гетманъ! проговорилъ онъ.—Изъ Лубенъ перебѣжчики: сынъ пана писаря и еще хлопецъ и съ ними козакъ.

Богданъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ, Тимошъ? Какое же лихо занесло его въ Лубны?

— Веди скорѣе сюда! поспѣшно проговорилъ гетманъ.

Черезъ пять минутъ всѣ трое были въ палаткѣ.

Увидя Дмитрія Вишневецкаго, и Богданъ, и Потоцкій остолбенѣли отъ удивленія.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ Богданъ.

Потоцкій первый пришелъ въ себя.

— Князь Дмитрій! проговорилъ онъ, смѣясь. Кто кого теперь прибилъ? Или ко мнѣ на судъ явились?

Дмитрій Вишневецкій потупился и молчалъ.

— Мы помирились! отвѣчалъ серьезно Тимошъ.

— А помирились, такъ чего же лучше! смѣясь сказалъ Потоцкій. Такимъ двумъ доблестнымъ воинамъ ссориться не приходится. Но какъ вы въ Лубнахъ очутились? и какъ васъ Богъ оттуда унесъ?

— Я поѣхалъ къ дядѣ Іереміи,—объяснилъ Дмитрій,—съ небольшимъ отрядомъ челяди и попалъ въ Лубны, какъ разъ въ то время, когда хлопы возстали, и семья дяди удалилась изъ города. Возвращаться назадъ было невозможно, и мнѣ пришлось искать пріюта въ монастырѣ.

Тимошъ же обстоятельно разсказалъ, какъ онъ составилъ планъ бѣгства и предложилъ князю Дмитрію участвовать въ немъ. Какъ онъ подговорилъ Опанаса подпоить сторожа, и когда тотъ захрапѣлъ, они вывели князя изъ его темницы. Князь провелъ ихъ подземнымъ ходомъ къ рѣкѣ; потомъ они долго бродили по лѣсу, пока не наткнулись на польскихъ развѣдчиковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

— Молодцы! одобрительно сказалъ польный гетманъ. А теперь панъ писарь позаботится, чтобы ихъ накормили; завтра же мы снимемъ съ нихъ подробный допросъ о городѣ. Ихъ показанія могутъ быть намъ очень полезны.

Оставшись наединѣ съ отцемъ, Тимошъ первымъ дѣломъ освѣдомился о Павлюкѣ и Ганжѣ.

— Ну, сынку! разъ я ихъ отъ петли спасъ—и сидѣть бы имъ дома; а теперь имъ плахи не миновать, и спасти ихъ никто не можетъ. Ты же держи языкъ за зубами и не слишкомъ толкуй, что былъ съ ними въ дружбѣ. Отецъ твой удостоился королевской милости, пожалованъ войсковымъ писаремъ, а какъ

пронюхаютъ что либо, живо смѣстятъ. Ну, да я тебя здѣсь не оставлю,—довольно ты съ козаками погайдамачилъ; какъ только немного поутихнетъ, самъ свезу тебя въ бурсу; а пока поѣдешь домой, поживешь въ Суботовѣ.

Дѣйствительно, на другой же день, какъ только гетманъ снялъ съ Тимоша допросъ, Богданъ послалъ его въ Суботово, не дозволивъ ему даже повидаться съ Павлюкомъ, находившимся въ качествѣ плѣнника при войскѣ.

О. Рогова.

(Конецъ первой части).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

155.

Пѣтухъ царикъ.

Пѣтухъ играетъ нынѣ большую роль въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ и обрядахъ и еще бо́льшую роль игралъ въ древности, какъ жертвенное животное и какъ символъ солнца, въ переносномъ значеніи всего свѣтлаго и добраго. Объ обрядовомъ употребленіи пѣтуха на свадьбахъ я уже говорилъ въ соч. „О свад. обр.“. Въ настоящей статьѣ я остановлюсь лишь на повѣрьяхъ о пѣтухѣ царикѣ. Уже въ одномъ названіи этого пѣтуха скрывается большое уваженіе къ нему народа. Въ чигиринскомъ у. существуетъ повѣрье, что пѣтуха царика можно узнать еще въ то время, когда онъ находится въ яйцѣ: онъ пищитъ въ яйцѣ. Когда онъ выростаетъ, то дѣлается сильнымъ и смѣлымъ, такъ что не только всѣ пѣтухи бо́ятся его, но даже дьяволъ боится его. Онъ первый поетъ въ полночь. Дьяволъ не смѣетъ войти во дворъ, гдѣ находится пѣтухъ царикъ, и потому рѣзать его неблагоразумно и грѣшно. Чумаки, отправляясь въ большую дорогу, всегда берутъ съ собою пѣтуха царика (*Podbereski*, въ Zbiór. wiadom., IV, 3).

Повидимому, этотъ чудесный пѣтухъ особенно близко стоитъ къ тому красному пѣтуху, который по народнымъ повѣрьямъ открываетъ клады. Такъ, въ чигиринскомъ уѣздѣ записанъ со словъ пастуха слѣдующій разсказъ: „Пасемъ овецъ въ степу; солнце только что выглянуло; въ золотистой дали показался маленькій паничикъ,

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 2.

въ красной одеждѣ и съ бѣлымъ, какъ снѣгъ лицомъ. Шелъ онъ по дорогѣ, схиливши головку, а при немъ пѣтушокъ весь красный, какъ огонь, идетъ около него и поетъ такъ звонко и хорошо, что и выразить нельзя". Пастухи хотѣли поймать ихъ; но они исчезли (ib. 5). Подобнаго рода разсказъ записанъ недавно вблизи г. Ахтырки харьк. губ. и обработанъ въ художественной формѣ Я. И. Щоголевымъ въ стихотвореніи „Климентовы хутора" (не издано). Здѣсь только нѣтъ паничика. Женщина шла полемъ и увидѣла краснаго пѣтуха; она побоялась взять его; это и былъ кладъ. Иногда пѣтухъ, хранитель кладовъ, отождествляется съ чортомъ. (*Чубинскій*, I, 71).

Въ параллель къ малорусскимъ повѣрьямъ о пѣтухѣ царикѣ можно поставить весьма сходное чешское народное повѣрье, что бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ (*Grohmann*, Abergl. aus Böhmen, 229).

Что касается до зооморфическихъ и антропоморфическихъ представленій кладовъ, то кромѣ пѣтуха царика часто въ малорусскихъ разсказахъ кладъ является подъ видомъ сопливаго старика или подъ видомъ овцы съ блестящими глазами (*Pober.*, 3, 4). Подобныя олицетворенія кладовъ обычны у многихъ другихъ народовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ (*Liebrecht*, Zur Folkskunde, 97). Сарапульскіе вотяки говорятъ, что клады являются въ видѣ зайца, быка, медвѣдя, женщины, и если правой рукой прикоснуться къ привидѣнію, то заяцъ разсыпется серебромъ, медвѣдь деньгами; кладъ въ образѣ женщины сводитъ съ ума, а въ видѣ быка губитъ всю родню (*Богаевскій*, въ Сбор. матер. по этн. III; 16).

156.

Происхожденіе зозули.

Существуютъ различныя сказанія о происхожденіи кукушки, именно:

1) Зозуля—вдова; потому она и гнѣзда не вьетъ (*Драгомановъ*, Малор. нар. пред., 8).

2) Зозуля—изъ дѣвушки, которая проклята своею матерью за то, что спряталась однажды за коминъ печи и стала кувать (*Лепкій*, въ „Зорѣ“, 1885, № 10).

3) Зозуля—изъ дѣвушки, которая вышла замужъ за ужа, нѣсколько разъ вызывала его возгласомъ „куку!“; когда она не захотѣла идти къ нему на свиданіе, то обращена была въ кукушку (*Драгомановъ*, 9).

4) Зозуля и чайка—изъ дѣвушекъ, которыя вздумали напугать Спасителя и были за то обращены въ птицъ (*Чубинскій*, I, 60; *Gustav.*, въ Zbiór wiadom., V, 143, *Лепкій*, ib.).

5) Зозуля—изъ женщины, убившей своего мужа (*Драгомановъ*, 8; *Gustav.*, V, 143), и

6) Зозуля—оборотень княжны дѣвицы, влюбившейся въ какого то господина и за то проклятой своимъ отцомъ. Говорятъ, что княжна, влюбившись въ молодаго человѣка, скрывала отъ отца любовь свою, такъ какъ любимый ею былъ ненавидимъ ея отцомъ. Однажды любовники сидѣли въ какомъ то мѣстѣ и княжна въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ проговорила своему любовнику: „ахъ ты, моя зозулька!“ Отецъ княжны услышалъ это и въ гнѣвѣ на нее проговорилъ: „будь же ты и сама зозуля“. Княжна тотчасъ превратилась въ кукушку. Разсказъ этотъ записанъ въ литинскомъ у. (*Чубинскій*, I, 61). Тождественный разсказъ записанъ въ Галиціи (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 10). Тамъ же въ Галиціи записанъ варіантъ этого сказанія, сильно передѣланный, по которому въ зозулю обращается княжна по проклятію своей матери за то, что не хотѣла выйти замужъ за богатаго князя (*Gustav.*, 142). Любопытно, что подобнаго рода сказаніе существовало у древнихъ грековъ въ приложеніи къ совѣ, въ которую будто бы обратилась дочь лесбосскаго царя Никтея. Она влюбилась въ своего отца и безъ его вѣдома вошла съ нимъ въ связь. Узнавъ о томъ, отецъ хотѣлъ убить ее; но Аѳина сжалилась надъ нею и обратила ее въ сову, которая потому избѣгаетъ свѣта, что помнитъ о своемъ преступленіи (*De Gubernat*, Die Thiere, 528). Можетъ быть малорусскій разсказъ о кукушкѣ княжнѣ представляетъ въ основѣ литературное заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ южной и восточной Малороссіи такого разсказа не было записано, что разумѣется, не

исключаетъ возможности существованія его и въ этихъ окраинахъ Малороссіи.

Сказанія о томъ, что кукушка—изъ человѣка, мужчины (у нѣмцевъ der Kuckuk—муж. рода) или изъ женщины, встрѣчается также въ западной Европѣ, напр., во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1888, V, 264).

Въ связи съ народными представленіями о превращеніи женщины въ кукушку стоятъ нѣкоторыя малорус. пѣсни, напр., у *Чубинскаго*, V, 748: несчастная въ замужествѣ женщина хочетъ обратиться въ кукушку и полетѣть къ родной матери.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ часто выступаютъ вмѣстѣ кукушка и соловей (*Потебня*, Объяс. малор. и сред. пѣс. I, 260—272). Такого рода соединенія встрѣчаются въ поэзіи персидской, старинной нѣмецкой, (*De Gubern.*, 520). Причина, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что птицы эти прилетаютъ и поютъ почти въ одно и то же время.

157.

Вѣщее значеніе кукушки.

У народа всѣ птицы вѣщія, начиная отъ могучаго орла и до мелкаго воробья и тихаго голубя. Въ особенности вѣщими являются воронъ, кукушка и сова. О воронѣ я предполагаю подробно говорить въ другомъ изданіи на основаніи этнографическихъ данныхъ разныхъ народовъ. Здѣсь остановимся лишь на повѣрьяхъ и пѣсняхъ о вѣщей кукушкѣ.

Первое и основное значеніе кукушки—значеніе простой вѣстницы, безъ квалификаціи приносимой ею вѣсти. Вѣсть можетъ быть хорошая или дурная. Въ простѣйшихъ случаяхъ кукушка играетъ роль почтоваго сообщенія или телеграфа, напр., въ галицко-русской пѣснѣ: „ой летила зозуленька зъ гаю до села“, и затѣмъ идетъ разсказъ о событіи безъ указанія на то, что кукушка прокувала. Иногда кукушка передаетъ вѣсть пѣвцу: „ковала ми зозуленька з-за хаты з-за хаты“, или „на моемъ току“, и далѣе содержаніе пѣсни касается автора (*Гол.*, III, 37). Пѣвецъ подчасъ является

лишь передаточной инстанціей: „ой, летила зозуленька тай стала коваты; зачекайте, добри люде, щось маю казаты".

Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, не чуждо славянской, въ частности малорусской, народной поэзіи, но оно весьма ограничено противоположнымъ значеніемъ кукушки, какъ зловѣщей птицы. Кукушка приноситъ добрую вѣсть въ колядкахъ и щедровкахъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 138). Мотивъ: зозуля будитъ хозяина, чтобы предсказать ему урожай, приплодъ скота и т. п., встрѣчается какъ въ галицко-русскихъ, такъ и польскихъ колядкахъ (*Потебня*, Колядки, 80). Въ западно-европейской поэзіи кукушка гораздо болѣе удержала за собою значеніе доброй вѣстницы, чѣмъ въ украинской и южно-славянской. Она часто является здѣсь вѣстникомъ свадьбы. Въ шведскихъ и датскихъ сказкахъ кукушка несетъ молодымъ людямъ добрую вѣсть о бракосочетаніи. Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, древнѣе зловѣщаго ея значенія, такъ какъ первое ея значеніе основывается на дѣйствительномъ природномъ фактѣ: предвѣстіи весны и лѣта, теплаго хорошаго времени въ году. Оттого въ древнихъ пѣсняхъ кукушка прославляется, какъ предвѣстница весны. Старинная нѣмецкая майская пѣсня прославляетъ кукушку за то, что „der Kuckuk mit seinem Sange macht Iedermann froh" (всякаго веселитъ своимъ пѣніемъ). Шотландская народная пѣсня хвалитъ кукушку за то, что „he brings us good tidings" (приноситъ намъ хорошія вѣсти) „he tells us no lies" (не обманываетъ) и „and when he sings cuckoo—the summer is near" (и когда она поетъ куку—близко лѣто). У Шекспира кукушка является также предвѣстницей весны. Въ средневѣковой эклогѣ на латинскомъ языкѣ смерть кукушки оплакивается и при этомъ высказывается надежда, что„ non pereat Cuculus, veniet sub tempore veris et nobis veniens carmina laeta ciet" (прилетитъ снова весной и запоетъ радостныя пѣсни). Оттого въ западныхъ народныхъ пѣсняхъ кукушка называется красивой птицей, въ шотландской пѣснѣ „fine bird"въ нѣмецкой „hubsch und fein" (*De Gubernat.*, 518, примѣч.).

Зловѣщее значеніе не чуждо и западно-европейской кукушкѣ; но оно встрѣчается рѣдко. Такъ, когда кукушка сѣла на мечъ

лонгобардскаго короля Луитпранда—въ этомъ случаѣ увидѣли знаменіе несчастія (ib., 519).

Въ славянскихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ и сказаніяхъ кукушка получила преобладающее значеніе вѣстника печали. „За немногими и позднѣйшими (?) исключеніями, говоритъ А. А. Потебня, кукушка—горюющая женщина, какъ уже въ словѣ о П. Иг.; во множествѣ мѣстъ куковать, малорус. куваты, лит. kukoti—плакать. И безъ явственнаго сравненія съ кукушкою серб. кукати—плакать, причитать, куковац—miser, кукавни—moestus" (*Потебня*, Колядки, 737). Въ малорусскихъ пѣсняхъ о смерти молодца плачущія его мать, сестра, милая прилетаютъ къ нему на могилу зозуленьками (ib., 724). Куkованіе зозули въ запѣвѣ указываетъ уже на печальное содержаніе пѣсни (напр., у *Чуб.*, V, 228). Въ гайдамацкой пѣснѣ объ убійствѣ Лебедонька гайдамаками:

Прилетила зозуленька къ старій Лебедыси,
Та упала зозуленька на хати, на стриси,
Тай почала зозуленька жалобно куваты
Якъ зачула Лебедыха, тай вышла изъ хаты... (*Чуб.*, V, 962).

Кукушка часто сообщаетъ о наступленіи рекрутскаго набора. Въ одномъ запѣвѣ встрѣчается осложненіе этого образа чертами, перенесенными по традиціи изъ другихъ пѣсенъ: Въ полѣ на высокомъ курганѣ растетъ три дерева: ясень, береза и калина; на первомъ соловей, на второмъ сорока, на третьемъ кукушка, которая и предвѣщаетъ солдатчину. Подобные запѣвы съ тремя птичками, которыя сидятъ и поютъ то-то, встрѣчаются и въ новогреческихъ пѣсняхъ (*Веселовскій*, въ Журн. М. Н. Пр. CCXXX, рец. на сбор. Икономова).

По малорусскимъ и польскимъ народнымъ повѣрьямъ крикъ кукушки въ саду предвѣщаетъ дурную погоду и троекратный надъ домомъ — смерть хозяина; продолжительное куkованіе знаменуетъ плохой годъ, болѣзни людей и скота (*Gustav.*, Zbiór wiadom. V, 144).

158.

Превращеніе кукушки въ ястреба. Крагулецъ.

Существуетъ пословица: „промѣнять кукушку на ястреба". Объясненіе этой пословицы я нахожу въ народномъ повѣрьѣ, что кукушка обращается въ ястреба, повѣрьѣ, записанномъ въ нѣсколькихъ варіантахъ среди галицкихъ русскихъ и поляковъ. Превращеніе происходитъ осенью, или черезъ 2, 3 года, или черезъ 7 лѣтъ. Кукушка превращается или въ ястреба, или въ крагульца, иначе называемаго кончикомъ, мисеромъ, или даже въ орла. Говорятъ, между прочимъ, что въ крагульца кукушка обращается черезъ годъ, черезъ 2 въ ястреба, черезъ 3 въ орла, такъ что птицы эти не родятся, а всѣ происходятъ отъ кукушки. По другому разсказу, кукушка на 7 году своей жизни дѣлается врагомъ человѣка, обращается въ крагульца, скрывается подъ стрѣхой хатъ и нападаетъ на домашнюю птицу. Въ видѣ крагульца кукушка проникаетъ въ гнѣзда ласточекъ и воробьевъ, и потому ласточки и воробьи, какъ только замѣтятъ зозулю, собираются въ стаю, летятъ за нею и мстятъ ей (*Лепкій*, въ „Зорѣ" 1885, № 10; *Gustaw.*, въ Zbiór wiadom., V, 145). Эти сказанія, несмотря на ихъ краткость, представляютъ большой научный интересъ. Дѣло въ томъ, что замѣчательно сходное повѣрье мы находимъ въ классической древности. У Плутарха (Vita Arati) кукушка спрашиваетъ другихъ птицъ, почему онѣ улетаютъ при одномъ ея появленіи, хотя она не хищная птица; птицы отвѣтили, что онѣ боятся въ ея лицѣ будущаго ястреба (*De Gubern.*, 519). Заслуживаетъ вниманія самое названіе крагульца или крегульца. Въ Ригъ-Ведѣ упоминается какое то ночное и зловѣщее существо khargala (Rigv., VII, 104, 17), которое Губернатисъ гадательно сближаетъ съ совой (*De Gubern.*, 526). Эта khargala стоитъ въ связи съ ночью и смертью. Галицко-русскій крагулецъ стоитъ въ очевидномъ фонетическомъ родствѣ съ ведическимъ каргалой, что предполагаетъ родство религіозно миѳическое. Въ малорусскихъ повѣрьяхъ о превращеніи кукушки въ ястреба и въ частности въ крагульцѣ я усматриваю обломки арійской древности.

Слово крагулецъ встрѣчается у южныхъ и западныхъ славянъ въ значеніи сокола или ястреба. Въ церк.-славянск. крагоуй, серб.

крагуй хорв. крагуй, крагули, крагуецъ, словац. крагулецъ, чеш. krahuj, верх.-луж. krahole, польск. krogulec. Отъ этого слова происходитъ названіе сербскаго города Крагуевацъ. Миклошичъ производитъ слово крагуй отъ тюркск. karaghu или монг. kirghui; но Маценауеръ сближаетъ его съ лит. krogti—crocitare и греч. κράζω. Къ этому мнѣнію склоняется и г. Будиловичъ (*Будил.*, Первоб. слав., I, 173).

157.

Сычъ и сова.

Сычи и совы—самыя зловѣщія птицы народной поэзіи, согласно съ чѣмъ и у Шевченка въ „Наймичкѣ"—„сычи въ ночи недобре вищують на комори", въ „Княжнѣ"—„сичъ въ лиси та на стриси недолю вищує". Крикъ филина или совы на хатѣ предвѣщаетъ, что кто нибудь изъ живущихъ въ ней умретъ (*Чуб*, I, 63). Если сова ударитъ ночью крыльями въ окно—сгоритъ домъ или умретъ его хозяинъ (*Лепкій*, „Зоря" 1885, № 11). По ночамъ она показываетъ чертямъ и упырямъ гнѣзда мелкихъ птицъ (ib.). У поляковъ считаютъ сову птицей демоническаго характера и ставятъ ее въ связь съ умершими (*Gustaw.*, Zbiór wiad., V, 165). Подобнаго рода воззрѣніе на сову существуетъ въ Венгріи (*De-Gubern.*, 526). У древнихъ писателей, Эліана, Апулея, сова также зловѣщая птица. По свидѣтельству Силія Италина сова предсказала римлянамъ пораженіе при Каннахъ: „obseditque frequens castrorum limina Bubo". Въ X кн. Метаморфозъ Овидія „ignavus Bubo dirum mortalibus omen; nam dirae mortis nuntius esse solet" (*De-Gubern.*, 529). Египтяне считали сову символомъ смерти. Въ Библіи она упоминается какъ нечистая птица. Средневѣковые физіологи, между прочимъ весьма древній (IV или V в.) армянскій физіологъ, упоминаютъ сову, отождествляя иногда ее съ дьяволомъ, который боится солнечнаго свѣта, т. е. Христа (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 40). Въ сицилійскихъ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ крикъ совы, карканье ворона и вой собаки

вблизи дома предвѣщаютъ больному скорую смерть. Подобнаго рода повѣрья о совѣ встрѣчаются также въ Германіи (*De-Gubern.*, 530).

Миѳическое объясненіе зловѣщей совы, какъ символа ночи и мѣсяца (*Gubern.*, 531 и др.), слишкомъ искусственно и произвольно. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр. въ приложеніи къ злой совѣ сна о правдѣ и кривдѣ въ Голубиной книгѣ болѣе идетъ литературное толкованіе, напр., указаніе на „физіологи“ и „бестіаріи“, въ которыхъ зловѣщая сова является образомъ дьявола—врага свѣта и отца лжи, на что указываетъ г. *Мочульскій* въ соч. о Голуб. книгѣ, 202.

Зловѣщее значеніе совы обусловлено главнымъ образомъ тѣмъ, что эта птица ночная, хищная, съ непріятнымъ голосомъ и страннымъ отталкивающимъ внѣшнимъ видомъ. Какъ ночная хищная птица съ кошачьимъ крикомъ и кошачьими глазами, сова естественно сдѣлалась символомъ всего темнаго, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслахъ.

Кое какія изъ малорусскихъ повѣрій о совѣ могли сложиться подъ вліяніемъ средневѣковыхъ физіологовъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, записанной И. И. Манжурой въ павлоград. у. екатериносл. губ. (не издана).

Ой ты сова, совушка,
Совиная вдовушка,
Руська барыня (?),
Зализна сударыня (?),
Де жъ ты бувала,
Де жъ ты пробувала?
У лиси лисищи
На чорнимъ дубищи.
Шо жъ ты робыла?
Гниздечко мостыла.
Нихто совы не узнае,
Нихто совы не пизнае;
Тилько взнали луги (?)—
Совины подруги.
Налетили совки
Совки маленьки,
Ножки довгеньки,
Носики гостреньки.
Стали сову быты,
Стали убиваты,
На клочья метаты.
Сова сполохнулась,
Назадъ обернулась,
Прилетила ко двору,
Садовыться на полу,
Росплакалася, разсупонылася...

(*Манж.*, Неизд. сб. пѣс. харьк. ист. фил. Общ.).

Лежащій въ основѣ этой испорченной пѣсеньки мотивъ о нападеніи совковъ на сову повторяется въ измѣненномъ видѣ въ физіологахъ въ приложеніи къ птицѣ пеликану: пеликанъ нѣжно

любитъ своихъ птенцовъ; но эти послѣдніе, прійдя въ возрастъ, бьютъ своего отца и мать. Тогда родители въ гнѣвѣ убиваютъ ихъ; но потомъ оплакиваютъ потерю своихъ дѣтей. На третій день отецъ, разодравъ свой бокъ, источаетъ кровь на своихъ птенцовъ и воскрешаетъ ихъ (*Мочульскій*, Происх. физіол., 39).

160.

Волове очко.

Въ Галиціи записанъ слѣдующій народный разсказъ про птичку „волове очко“: „Маленька тота птичка—кажутъ люде—зробылась зъ дитыны, що дуже любила свого ридного батька. Давно, дуже давно тому, напали на село татаре, спалили хаты, а людей позабивали. Убили батька дитыны, туловище вергли на выгинъ, а голову закопали десь пидъ корчи; тому то волове очко скаче по пидъ корчи, придывляется добре всюды шукаючи головы батька, щобы ей тамка де туловище закопати у землю. Але до сегодня якось не може знайты своеи страты; колысь однакожъ найде воно голову батька, похороне ей и стане чоловикомъ“. Крестьяне относятся потому съ любовью къ этой птичкѣ, не разоряютъ ея гнѣздъ, не ловятъ ее. Они думаютъ, что „волове очко“ понимаетъ рѣчь человѣка и въ случаѣ нанесенной ему обиды жестоко мститъ за то (*Лепкій*, „Зоря“ 1885, № 11). Повидимому, и въ этомъ разсказѣ о воловомъ очкѣ скрывается такой же обломокъ арійской старины, какой приведенъ нами ранѣе въ разсказѣ о крагульцѣ. Дѣло въ томъ, что уже Эліанъ приводитъ весьма сходную индійскую сказку: У одного царя было много сыновей; съ меньшимъ сыномъ родители дурно обращались; между тѣмъ только этотъ сынъ былъ добръ и ласковъ. Онъ одинъ остался при отцѣ, когда послѣдній понесъ пораженіе въ битвѣ и бѣжалъ; затѣмъ, когда родители его умерли отъ усталости, онъ заботливо похоронилъ ихъ. Солнце было тронуто такой сыновней любовью и обратило юношу въ прекрасную птицу съ гребнемъ (*De Gubern.*, 516). Въ древнемъ (V или IV ст.) армянскомъ физіологѣ, составленномъ по греческой рукописи, символомъ дѣтской любви является удодъ.

Когда птенцы увидятъ своихъ родителей состарѣвшимися и замѣтятъ, что взоръ ихъ притупился, они рвутъ для нихъ свои перья, лижутъ имъ глаза, покрываютъ и согрѣваютъ ихъ своими крыльями. Они сами ихъ кормятъ (*Мочульскій*, Происх. физіол. 43). Подобнаго рода разсказъ встрѣчается у Альберта Великаго (*De Gubern.*, 516). Отзвукомъ этихъ сказаній представляются современные французскіе народные разсказы о томъ, что у кукушки былъ отецъ—человѣкъ очень бѣдный; когда онъ отъ нужды рѣшилъ повѣситься, кукушка бросилась искать его, и потомъ, найдя его повѣсившимся, горевала и не поетъ теперь далѣе того времени, когда отецъ ея наложилъ на себя руки (*Revue* des trad. popul. 1888, V, 263—264).

Предположить во всѣхъ этихъ сказаніяхъ вліяніе физіологовъ довольно трудно, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы признать за этими литературными памятниками такое обширное распространеніе и такое проникновеніе въ народъ, какимъ они врядъ ли могли пользоваться. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что основа этихъ сказаній вынесена арійскими народами изъ древнѣйшаго ихъ отечества, средне-азіатскаго или восточно-европейскаго, и что по готовой канвѣ выводились затѣмъ различные узоры. Народныя сказанія и повѣрья о животныхъ проникли и въ письменность, въ частности въ физіологи и бестіаріи, которые въ свою очередь могли оказать обратное вліяніе на народную словесность при посредствѣ средневѣковыхъ ученыхъ, преимущественно проповѣдниковъ, пользовавшихся морализаціями и аналогіями физіологовъ при составленіи своихъ поученій.

161.

Ремезъ.

Ремезъ встрѣчается въ народныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ. Ремезовымъ гнѣздомъ подкуриваютъ больныхъ (*П. И.*, въ Харьк. Сбор. 1888)—въ купянскомъ у. харьк. губ. Обыкновеніе это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи. Въ юго-западной части томской губерніи ремезовымъ гнѣздомъ подкурива-

ютъ ловушки, рыболовныя снасти, скотъ, пчелъ (*Потанинъ*, Этн. Об., VI, 124). Гнѣздо ремеза хранится въ малорусскихъ хатахъ, какъ талисманъ, охраняющій хату. Въ малорусскихъ веснянкахъ и щедровкахъ къ ремезу обращаются съ такимъ совѣтомъ: „Ой ты ремезе, ремезоньку, та не вій гнизда на ледоньку, бо ся ледонько буде розбывати; твое гниздонько буде потопаты; вій си гниздонько на явороньку"... Этотъ поэтическій мотивъ подробно разсмотрѣнъ А. А. Потебней въ 1 т. „Объяс. малор. и сред. пѣсенъ". Ремезъ, родъ синицы (parus pendulinus, beutelmeuse), весьма искусно вьетъ гнѣздо яицемъ или кошелемъ, лишь съ небольшимъ отверстіемъ, въ очеретѣ или на деревѣ надъ водою. Совѣтъ пѣсни предполагаетъ, что ремезъ кладетъ гнѣздо именно на льду. А. А. Потебня предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ на ремеза и перенесено повѣрье о другой птицѣ, зимородкѣ, альціонѣ греческихъ и средневѣковыхъ сказаній. Аристотель говоритъ, что гнѣздо альціона похоже формой на колокольчикъ или баночку съ длинной шейкой и будто альціонъ высиживаетъ яйца въ серединѣ зимы. Въ русскихъ азбуковникахъ подобнаго рода сказанія прилагаются къ алконосту. Реальныя основанія этихъ сказаній могутъ состоять въ томъ, что зимородки кладутъ яйца въ норахъ, которыя выдалбливаютъ въ береговыхъ обрывахъ. Живутъ они парами, и зимой ихъ можно видѣть надъ прорубями (*Потебня*, I, 551—555).

162.

Божія коровка—солнышко.

Маленькій жучокъ Coccinella имѣетъ полукруглыя красныя съ бѣлыми или черными пятнышками крылышки, которыя плотно складываетъ на спинкѣ и представляется тогда кругленькимъ и красненькимъ. Весной и лѣтомъ эти жучки во множествѣ ползаютъ на освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ, преимущественно на старыхъ деревьяхъ и пняхъ. Называютъ ихъ божьими коровками, а въ Галиціи еще куколкой, зазулькой, седьмувкой. Въ харьковской губерніи называютъ ихъ также солнышкомъ. Повидимому, за этимъ названіемъ скрывается какое то повѣрье, можетъ быть религіозно-миѳи-

ческое. Во Львовѣ и Перемышлѣ дѣти, подбрасывая солнышко, спрашиваютъ: „чи до неба, чи до пекла?“, и если насѣкомое распуститъ крыльца и полетитъ—значитъ играющій попадетъ на небо, если оно упадетъ—пойдетъ играющій въ адъ. Подъ Рогатыномъ къ солнышку обращаются съ просьбой указать дорогу. Въ с. Козельникахъ подъ Львовомъ спрашиваютъ его, въ какой сторонѣ весело. Въ Кутахъ говорятъ: „Патронько, патронько (польск. biedronko), лець до Божего домку, пытайся отца, матки, чи будетъ на завтра погодка?“ Краковскіе поляки говорятъ: „Biedronko, biedronko, pójdź do Pana Jezusa po słonko“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи существуетъ повѣрье, что если кто раздавитъ ногой солнышко, то умретъ кто нибудь изъ родныхъ (*Gustav.*, Zbiór wiad., V, 107).

Coccinella называется солнышкомъ и ходитъ за солнышкомъ къ Господу Богу или узнаетъ о погодѣ у своего отца;—все это даетъ поводъ предполагать, что нѣкогда она имѣла болѣе крупное значеніе въ народныхъ повѣрьяхъ, по связи съ солнцемъ, обусловленной, вѣроятно, наружностью и образомъ жизни насѣкомаго, а быть можетъ стояло въ связи съ страной свѣта и тепла—выріемъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что малорусскому названію coccinella солнышко соотвѣтствуютъ чешское slunecko, slunecnice, нѣмец. Sonnenkäfer, Sonnenkalbel, Marienkäfer, Mariénvöglein, Frauenhenne, серб. Мара (т. е. Марія) [1]).

Въ параллель къ малорусскимъ дѣтскимъ обращеніямъ къ Божьей коровкѣ можно указать на словацкій обычай спрашивать у этого насѣкомаго, когда будетъ ясная погода. У чеховъ найти солнышко считается хорошей примѣтой. Посадивъ его на ладонь, спрашиваютъ „Веверунько, куда полетишь, на небо или въ адъ?“ или „Верунко, лети на небо, принеси мнѣ золотую корону или золотое солнышко“. Дѣвицы спрашиваютъ у него о своемъ замужествѣ. Въ Сербіи спрашиваютъ: „Скажи, Маро, откуда прійдутъ сваты?“ (*Потебня*, О мие. знач. нѣкот. обр. 224).

---

[1]) По мнѣнію Я. Гримма, Марія замѣнила солнечную богиню Фрею.

163.

Вырій.

Въ концѣ XI вѣка уже существовало повѣрье въ существованіе ирья, откуда прилетаютъ птицы. „И сему ся подивуемы, говоритъ Владиміръ Мономахъ, како птица небесныя изъ ирья идутъ, и первѣе наши руци и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣніемъ да наполнятся лѣси и поля". Въ черниг., полт., харьк. губ. и въ юго-западномъ краѣ записано народное повѣрье, что 14 сентября улетаютъ въ вырій птицы и лѣзутъ гадюки; изъ послѣднихъ только укусившія остаются въ наказаніе на лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи. Подъ выріемъ народъ разумѣетъ свѣтлую и теплую страну. Ранѣе всѣхъ птицъ и животныхъ улетаетъ въ вырій кукушка, у которой находятся и ключи отъ него; она же весной послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя три раза въ теченіе года начинаетъ летѣть въ вырій и все неудачно; первый разъ она летитъ, когда разцвѣтаетъ греча, второй—когда созрѣваютъ хлѣба и третій—когда упадетъ снѣгъ; въ первые два раза она принимаетъ бѣлѣющій цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ и спѣшитъ, но съ половины пути возвращается, желая узнать много ли она пролетѣла; въ третій разъ она не достигаетъ вырія по недостатку корма. Змѣи лѣзутъ въ вырій по деревьямъ. Вырій помѣщаютъ на западѣ, югѣ или юго-западѣ, называютъ его „теплычиной", вѣрятъ, что тамъ есть теплые колодцы, гдѣ купаются больные и получаютъ выздоровленіе (позднѣйшая черта) (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843, XI, 29; *Чубинскій*, I, 38; *Nawos.*, Ludukr., II, 127).

Удовлетворительное объясненіе повѣрій объ ирьѣ дано Аѳанасьевымъ въ Поэт. воззр. слав., II, 137—141 и Котляревскимъ въ соч. О погребальныхъ обрядахъ, стр. 198. „Рай, Ирій, Вырій, говоритъ Котляревскій, по преданіямъ чеховъ и хорутанъ, былъ жилищемъ солнца—Хорса; оно лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на островѣ (рус. Буянъ); сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе; здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и уле-

таютъ птицы; здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю; здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей еще не рожденныхъ".

164.

Кодло и кубло.

Въ словарѣ *Закревскаго* слово ко́дло имѣетъ значенія: родъ, фамилія, семейство, племя, поколѣніе (въ презрѣнномъ смыслѣ); слово кубло: гнѣздо, уменьш. кубелечко. Въ пѣснѣ: „навѣдала кубелечко, де утка несется". Въ другой пѣснѣ, свадебной: „Да чого ты, Марыся, безъ кубла". Пѣсню эту поютъ, когда везутъ приданое, и слово кубло — здѣсь означаетъ приданое. Въ польскомъ языкѣ слово godło получило значенія родоваго знака, эмблемы, девиза, залога, знака (словари *Линде*, *Бартошевича*). Слова кодло и кубло въ значеніи гнѣзда и въ переносномъ значеніи семьи весьма древни. Какъ въ санскритѣ кулая—гнѣздо, а кула—семья, такъ и на Руси въ старину, въ Малороссіи изрѣдка и нынѣ, слова гнѣздо, кодло, кубло употребляются въ значеніи семьи. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы". Тѣмъ же древнѣйшимъ бытомъ отзывается эпитетъ Всеволода Юрьевича „большое гнѣздо". При такомъ перенесеніи слова взглядъ охотника явствуетъ въ древнемъ выраженіи „гнѣздо стрѣлъ", т. е. пукъ, извѣстное число стрѣлъ (*Буслаевъ*, Истор. очер. I, 90). Связь гнѣзда съ жилищемъ вообще въ эпоху созданія эпическихъ сказаній явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи г. Гнѣзно: „Лѣхъ съ своими полками остановился въ лѣсистой мѣстности, усѣянной холмами, при его приближеніи со всѣхъ холмовъ приподнялись цѣлыя стаи бѣлыхъ орловъ, которые гнѣздились въ рощахъ. Въ этомъ случаѣ Лѣхъ увидѣлъ доброе предзнаменованіе и велѣлъ строить здѣсь городъ, который по орлинымъ гнѣздамъ и названъ былъ Гнѣзна или Гнѣздо" (*Буслаевъ*. ib., 369).

На сближеніи гнѣзда и жилища основаны народныя повѣрья въ счастливое значеніе для дома гнѣздъ аиста, ласточки и ремеза.

165.

Полозъ.

„Habent sua fata libelli"—сказано о книгахъ. Тоже можно сказать о вымершихъ животныхъ. Одни животныя исчезли съ лица земли и вышли изъ памяти народа, напр., тарпаны, или дикіе лошади (о тарпанахъ есть монографія г. Шатилова; были о нихъ замѣтки въ „Кіев. Стар."), Никто, кромѣ зоологовъ, не обратилъ на нихъ вниманія. Другихъ, напр., туровъ, облюбила народная пѣсня, и туры продолжаютъ жить въ народной словесности съ небольшой фантастической подкраской,—несмотря на то, что они давно, еще въ XVI столѣтіи, вымерли, между тѣмъ, какъ тарпановъ встрѣчали въ южно-русскихъ степяхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Также незамѣтно исчезли въ южной Россіи медвѣди, олени, бобры. Лучшая судьба выпала на долю полоза: онъ живетъ и, повидимому, долго еще будетъ жить въ сказаніяхъ народа. Полозомъ называлась нѣкогда большая змѣя изъ породы удавовъ, иначе „желтобрюхъ".

Говорятъ, изрѣдка, и теперь она попадается въ Новороссіи въ балкахъ. Змѣя эта, какъ всѣ удавы, не ядовита. Въ простомъ народѣ существуетъ много разсказовъ о полозахъ. Мѣстопребываніемъ полозовъ считаютъ недоступныя скалы надъ Днѣстромъ, гдѣ полозы живутъ вмѣстѣ съ черными и бѣлыми орлами. Охотиться за полозомъ нужно въ ясный солнечный день, и если онъ погонится за человѣкомъ, то уходить нужно противъ солнца, которое ослѣпляетъ змѣя своимъ блескомъ. Убить полоза можно только въ томъ случаѣ, если пуля попадетъ въ бѣлое пятнышко подъ горломъ. Въ Кишиневѣ жилъ одинъ калѣка нищій, ноги котораго были поломаны полозомъ. Онъ былъ пастухомъ. Однажды онъ сидѣлъ въ куренѣ около больной овцы, какъ вдругъ на него бросился полозъ, обвилъ его и задушилъ бы, если бы чебану не удалось убить змѣя гирлыгой (палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ). Издыхая, полозъ такъ билъ хвостомъ по землѣ, что на локоть выбилъ яму. Однажды полозъ схватилъ въ полѣ молдаванина, обмоталъ его хвостомъ и тащилъ за собой. По дорогѣ попался другой полозъ, который подавился рукой мертвеца, вылъ и старался освободить свое горло. Молдаванинъ

извлекъ руку изъ его горла. Полозъ снова затѣмъ потащилъ его, и бѣдный молдаванинъ уже готовился къ смерти. Полозъ притащилъ его въ пещеру, далъ ему мѣшокъ съ хлѣбомъ и мѣшочекъ съ деньгами и отпустилъ его, нужно думать, въ награду за медицинскую помощь, оказанную имъ другому полозу. Одинъ разсказъ—о томъ, какъ пастухъ, обернувшись травой тырсой, убилъ полоза, залегавшаго доступъ къ единственному въ степи озеру (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadom., III, 95)—представляетъ любопытный варіантъ сказанія о Кириллѣ Кожемякѣ; о немъ мы подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Къ полозу приложены старинныя фантастическія сказанія о змѣяхъ; въ этомъ отношеніи сказанія о полозѣ представляются любопытными, такъ какъ въ нихъ раскрывается отчасти процессъ и техника народнаго поэтическаго творчества.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОЖЖЕНІЕ УПЫРЕЙ ВЪ С. НАГУЕВИЧАХЪ ВЪ 1831 Г.

I.

Разсказы объ упыряхъ, помѣщенные на страницахъ „Кіевской Старины“ освѣжили въ моей памяти множество разсказовъ, слышанныхъ мною еще въ дѣтствѣ, объ ужасномъ событіи, которое случилось въ моемъ родномъ селѣ Нагуевичахъ, дрогобичскаго уѣзда въ Галиціи, въ памятномъ 1831 году. Разсказы эти, которые когда то производили потрясающее дѣйствіе на мое дѣтское воображеніе и заставляли меня при всякомъ малѣйшемъ шорохѣ вскрикивать и даже падать въ обморокъ, живутъ и до сихъ поръ, какъ это читатель увидитъ изъ помѣщаемыхъ ниже записокъ г-жи Ольги Франко, писанныхъ лѣтомъ 1889 г. Дѣло касается сожженія нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ громадою въ томъ, что они упыри и были причиной свирѣпствовавшей въ то время холеры.

Вѣра въ упырей въ нашемъ Подгорьѣ до сихъ поръ очень жива и распространена. По народному повѣрью упыри и упырицы бываютъ двоякаго рода: „родыми“ и „пороблени“. Родимые считаются болѣе опасными; кто и какъ превращаетъ обыкновенныхъ людей въ упырей—мнѣ не удалось узнать. Примѣты, по которымъ узнаютъ упырей, весьма разнообразны. Обыкновенно у нихъ лицо красное и глаза чрезвычайно яркіе и блестящіе—это оттого, что они сосутъ чужую кровь.

Г-жа О. Франко записала отъ Маріи Гаврылыковой слѣдующую любопытную примѣту: „Упырь якъ спыть, то все на лави, пидъ викномъ, але не такъ, якъ други люде. Винъ усе лягае

головою до дверей, а ногами до образивъ—по тимъ его и пизнаты можно. Якъ бы хто въ сни перевернувъ его такъ, що голову положывъ бы туды, де булы ноги, а ноги—туды, де була голова, то винъ уже не встане зъ лавы, а буде такъ лежаты, хоть бы й мисяць, покы его зновъ не обернуты такъ, якъ у передъ лежавъ. Упыръ може и въ худобыну обернутыся. То разъ у ясеныцького (Ясеныця Сольная—село, сосѣднее съ Нагуевичами) попа була слуга—пекъ бы ій—упырыця и якусь соби злисть піймыла на пастуха, та не мала якъ до него прыступыты. Ажъ разъ той пастухъ жене худобу, ажъ бачыть якась безрога суне на него, крычить та все наганяеся, щобъ укусыты. Винъ на неи крычыть—ба, не помагае. Винъ еи прогонюе—ба, суне безрога тай суне. Тогди винъ якъ ухопывъ бучокъ, якъ почне тоту безрогу быты, такъ бывъ, такъ бывъ, що тота ледво ногы поволокла, тай щезла десь межы плотамы. Прыходыть винъ вечеромъ до дому, дывыться до пекарни, а служныця лежыть на лави, головою до порога, та така збыта, таки сынци по пидъ очыма, по рукахъ, по ногахъ, що не дай Господы.—„Ага!—погадавъ винъ соби.—Отъ яка ты! Чекай же!“—Тай не много мыслячи, взявъ, тай обернувъ еи головою до образивъ, а потимъ пишовъ до попа тай каже: „Егомость, щось наша Марыська слаба, побыта така, тай не встае.“ Пишовъ пипъ до пекарни—правда е. Зачинае винъ термосыты еи, будыты—де тамъ, ани суды Боже! Отже лежала такъ цилый день не встаючы, покы той слуга не обернувъ еи зновъ такъ, якъ зразу лежала,—тогди вона збудылася“.

Упыри могутъ вредить людямъ и скоту не только по смерти, но и при жизни. Ночью они могутъ улетать въ отдаленныя мѣста, конечно, не тѣломъ, но душей, и дѣлать тамъ пакости, тѣло же ихъ остается на мѣстѣ со всѣми признаками жизни, и потому упырей называютъ тоже „дводушныками“, т. е. людьми, имѣющими двѣ души. Вредятъ они не всегда по своей собственной волѣ, но по указаніямъ или по крайней мѣрѣ съ соизволенія своихъ старшинъ—„старшихъ упыривъ“. Самые старшіе упыри въ нашей окрестности были, по народному преданію, въ с. Бусовищи самборскаго округа. Лѣтъ 15 назадъ я записалъ

отъ моей покойной матери слѣдующій разсказъ о самомъ старшемъ упырѣ изъ Бусовищъ: „Повидають, що оттутъ на Медвижи (село, смежное съ Нагуевичами) заслабъ бувъ разъ чоловикъ—першый богачъ у сели. Крычыть, тай крычыть, вьеся зъ болю, а що его болыть—не може сказаты. Що воны его до дохторивъ, до ворожбытивъ возылы; що людей перепытувалы, що ему раду давалы, яку хто радывъ—ничого не помагае. Ажъ дали наразвъ хтось: „идить, каже, до Бусовыщъ, до того й того господаря, у него е слипый отець, якъ вамъ той не поможе, то вже нихто не поможе". А у того богача два сыны булы, парубки вже доросли. Заразъ запряглы, поихалы. Прыизджають до хаты. „Слава Исусу Хрысту!" А той слипый изъ-за печи: „Ага, справывъ васъ мій ворогъ тяжкый до мене! Ну, ну, прыгадаю я ему тоту прыслугу". Ти ажъ одебелилы, дывляться, а винъ сыдыть на печи, слипый, сывый, а на лыци такій червоный, якъ катъ. Зачалы воны до него: „Будьте ласкавы, татусю, змылуйтеся! мы вамъ уже.." Та де тоби, той имъ и говорыты не дае. „Идить соби видъ мене, я не хочу черезъ васъ у биду впадаты! Вы гадаете, що я все можу, а то е й сылнійши видъ мене, а зъ тымъ, що до вашого таты вчепывся вже разъ мавъ прыгоду, бачыте, и очы черезъ него стратывъ, а теперъ, якъ другый разъ зъ нымъ задеруся, то певно знаю, що смерть моя буде". Ти бидни хлопци не знають уже, що робыты, а дали гадають: „все одно, нажене то нажене". Зачалы его ще дужше просыты; пообицялы пару воливъ, котри соби схоче выбраты. Прышовъ и сынъ того слипого, такожъ за нымы слово промовывъ: „Ну, ну, татуню, не перечтеся! Вы, каже, дасте ему раду". По троха, по троха, якось того слипого упросылы. „Йидьте жъ, каже, теперь соби до дому, а на нови мисяце прыизджайте". Добре, прыихалы на нови мисяце, прогостылыся тамъ до ночы, а пидъ ничъ слипый зибрався, на фиру тай идуть. „Везить же мене, каже, на граныцю вашого села, до того а того кипця!" А той конець гетьгеть видъ дорогы, на толоци, пидъ самымъ лисомъ. Прыихалы до кипця—питьма, хоть око выймы—сталы. Мій слипый скочывъ зъ воза, якъ хлопець, тай бухъ пластомъ на землю. „Стійте жъ вы тутъ, каже, а якъ крыкну на васъ, то прыходить до мене.

А рыскали (заступы) маете зъ собою?"—„Маемо". Прытулывъ винъ лыце до земли, нюхъ-нюхъ, якъ той песъ, тай полизъ дали. Лизъ, лизъ, нюхавъ, нюхавъ, ажъ дали крыкнувъ: „Сюда!" Хлопци прыбиглы зъ лихтарнямы. „Копайте тутъ!" Взялы копаты а той слипый, якъ песъ, обома рукамы землю розграбуе та ажъ зубамы скрегоче. Десь такъ зъ за годыну докопалыся до костей. „Ага, ось винъ!" крыкнувъ слипый, тай якъ почне надъ тымы кистьмы щось шептаты, якъ почне крычаты, нибы сварытыся, то парубкы мало зо страху не повмыралы. Такъ крычавъ ажъ до сходу сонця. „Ну, каже до парубкивъ, теперъ засыпте яму назадъ, уже винъ никому шкодыты не буде, але й я никому бильше не поможу. Везить мене до дому". Завезлы его—до трохъ днивъ винъ и померъ. А тата свого засталы дома здорового. Сынъ того слипого зъ Бусовыщъ прыйшовъ и що найлипшу пару воливъ узявъ".

Всего легче узнать упыря послѣ смерти. Когда его „наряжать на лави", онъ лежитъ точно живой, съ краской на лицѣ, не смыкая глазъ, хотя ихъ у него закрываютъ по нѣсколько разъ и даже прикладываютъ „галаганами" т. е. большими мѣдными монетами. Мнѣ разсказывали, что старый дьякъ нагуевскій Варенычка, читая однажды псалтырь при такомъ покойникѣ, ночью, когда никого не было въ избѣ кромѣ него и трупа, увидѣлъ, какъ покойникъ началъ медленно шевелить рукой, комкать и стягивать полотно, которымъ былъ накрытъ, и, наконецъ, поднимать голову. Но Варенычка не оробѣлъ и, грозно прикрикнувъ на него: „а не будешъ ты тыхо лежать, поганыне!" ударилъ его псалтырью по головѣ, послѣ чего покойникъ улегся и болѣе не вставалъ. Иногда у такого покойника въ самый день похоронъ, черезъ два дня послѣ смерти, начинаетъ изъ носа и устъ идти запекшаяся, черная кровь. Такихъ покойниковъ въ прежнее время не хоронили на освященномъ кладбищѣ, а погребали „на граныцѣ" вмѣстѣ съ самоубійцами. Упырь очень не любитъ лежать въ освященной землѣ, и поэтому, когда его несутъ на кладбище, дѣлаетъ разныя пакости. Обыкновенно въ то время бываетъ буря, вѣтеръ, слякоть или мятель; вѣтеръ ломаетъ древка церковныхъ хоругвей, носильщики, несущіе гробъ

на „марахъ“, внезапно заболѣваютъ или падаютъ, такъ что гробъ падаетъ въ грязь, и даже случается, что крышка сваливается и покойникъ выпадаетъ тоже въ грязь. О такомъ покойникѣ говорятъ: „Отъ, поганынъ, танцюе по смерти!“ Въ могилѣ упырь лежитъ точно живой, а ночью выходитъ и „потынае людей або худобу“. Что собственно значитъ это „потынанне“, съ точностью опредѣлить не могу. Бойки прилегающихъ къ Нагуевичамъ самборскаго и турчаскаго округовъ различаютъ нѣсколько видовъ „потынання“: „втне лекше, втне тяжше, а втне й смертельно“. Въ Нагуевичахъ объ этихъ различіяхъ я не слыхалъ. Изъ нѣкоторыхъ разсказовъ можно догадываться, что упыри высасываютъ кровь у людей, но самое слово „потынаты“ или „втынаты“, которымъ обозначаютъ зловредное дѣйствіе упырей, равно какъ и то обстоятельство, что ихъ въ 1831 г. да и послѣ могли считать виновниками холеры, заставляетъ догадываться, что народъ, кромѣ высасыванія крови, приписываетъ упырямъ еще какое то дѣйствіе, болѣе внезапное, какое нибудь пораженіе сердца или другое поврежденіе внутреннихъ органовъ.

Въ одной корреспонденціи изъ с. Завадки турчанскаго округа (Червоная Русь, 1890, № 28), гдѣ разсказывалось о дѣйствіяхъ мѣстнаго „ворожбыта“ Левицкаго, приведены были указываемыя этимъ ворожбитомъ слѣдующія лѣчебныя средства противъ „потынання“ упырей: когда „взявъ лекше“, слѣдуетъ взять земли съ могилы упыря, развести ее водой, умыть больного и дать ему напиться этой воды; если „втявъ тяжше“, нужно разрыть могилу, наскубть изъ трупа волосъ и подкурить ими больного; когда же „втявъ смертельно“, необходимо обернуть упыря въ гробу, оскубть у него всѣ волосы и кромѣ того изрубить трупъ въ куски. Въ корреспонденціи далѣе разсказано было о профанаціи мертвеца, произведенной по этому рецепту и о начатомъ по этому поводу судебномъ слѣдствіи. Подобныхъ случаевъ профанаціи мертвецовъ ежегодно случается по нѣскольку въ разныхъ округахъ Галиціи—неоспоримое доказательство того, что вѣра въ упырей сильно распространена и живуча среди галицко-русскаго населенія.

О ночномъ хожденіи упырей въ Нагуевичахъ существуетъ множество разсказовъ, и рѣдко вы встрѣтите мужика постарше, который бы ни разу не видалъ на своемъ вѣку какого нибудь „ходящаго“ покойника. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній упыря, жильцы той хаты, въ которую онъ „впронадытся“, должны осыпать свое хозяйство „святовечирнымъ хруставцемъ“; т. е. макомъ самосѣйкой, который въ сочельникъ лежалъ на столѣ, гдѣ ужинали. Черезъ кругъ этого „хруставця“ упырь не посмѣетъ переступить и будетъ нѣсколько ночей съ ужаснымъ воемъ и стономъ ходить кругомъ да около, пока совсѣмъ не уйдетъ.

Чтобы сдѣлать упыря совершенно безвреднымъ, нужно разрыть его могилу, открыть гробъ, отрубить мертвецу голову и положить ее у него между ногъ, тѣло же обернуть грудью внизъ и прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Мнѣ разсказывали, что въ Нагуевичахъ когда то разрыли могилу такого упыря и, открывши гробъ, нашли мертвеца, который лежалъ на боку, подперши голову рукой, и курилъ трубку. Обыкновенно вырытый трупъ упыря оказывается неразложившимся, съ отросшими волосами и ногтями.

Что упыри могутъ вредить не только людямъ, но и скоту, въ этомъ, кромѣ нижеслѣдующаго разсказа, убѣждаетъ насъ одно мѣсто изъ пастырскаго посланія буковинскаго православнаго епископа Даніила отъ декабря 1790 г. [1]), направленнаго противъ вѣрованія въ упырей. Вотъ что пишетъ благочестивый епископъ по этому поводу: „Съ великимъ жалѣніемъ уразумѣли (мы), яко обрѣтаются между вами таковіи люде безумніи и слабіи въ вѣрѣ христіанской, а найпаче совсѣмъ отвращенни отъ праваго ума и истины, которіи своимъ невѣжествомъ дерзаютъ разсуждать и говорить, яко тѣлеса нѣкоторыхъ людей мертвыхъ имѣютъ силу умертвлять скоты ваши, которимъ тѣлесамъ и имя выдумали, сі есть нарекли ихъ „видмы“ или „опирѣ“, о чемъ

[1]) Извлечено мною изъ рукописной книги курренд̀ъ деканата днѣпрянскаго 1786—1796 гг., принадлежащей ректору черновицкаго университета проф. Э. Калужняцкому.

мы весма трепещемъ, что до таковаго паденія вѣры и познанія истини достигли христіяне нашея (sic вм. наши) и еще во упрамствѣ пребиваютъ и истиннаго наученія священного писанія не послушаютъ, но внимаютъ баснямъ и стезямъ развратительнымъ". Слѣдуетъ поученіе о тѣлѣ человѣческомъ, какъ Божьемъ созданіи, послѣ чего говорится далѣе: „По смерти человѣка душа идетъ во дворы опредѣленнія отъ Бога, и тѣло положше въ землю безъ нечувственно остаетъ такожде до воскресенія мертвыхъ, то потомъ какъ утерпляютъ скоти ваша? Какъ не срамно? Какъ смѣютъ таковіи говорить и оставатися въ своемъ дурачествѣ, сіесть разсуждать, яко мертвіи суть видмы или просто рещи опирѣ и въ нощи исходятъ отъ гробовъ и умертвляютъ скоти вашия".

II.

Ужасная эпидемія—холера, которая постигла всю Европу въ 1831 и 1832 гг., не преминула навѣстить и Галицію. По правительственнымъ исчисленіямъ холера въ это время появилась въ 3608 мѣстностяхъ, съ населеніемъ въ 3,143,235 чел., изъ которыхъ заболѣло 255,774, а умерло 96,081. Мѣстностей, которыхъ не коснулась эпидемія, было 2807 съ 1,307,940 жителями. По этимъ же исчисленіямъ самый большій процентъ заболѣвшихъ холерой былъ въ округахъ стрыйскомъ и самборскомъ, гдѣ заболѣло 12% всѣхъ жителей, между тѣмъ какъ число заболѣвшихъ во всей Галиціи составляло 6% всѣхъ жителей. Процентъ смертности былъ еще болѣе значительный: во всей Галиціи среднимъ числомъ на 100 заболѣвшихъ холерой умирало 38, во Львовѣ 52, въ округѣ тарновскомъ 46, въ стрыйскомъ и самборскомъ, кажется, тоже не менѣе 40 [1]).

[1]) См. Gazeta Lwowska, 1848, 18 октября, № 123.

Неудивительно поэтому, что такое страшное бѣдствіе, постигшее нашъ народъ, должно было глубоко потрясти все его моральное существо и моментально пробудить къ жизни разныя темныя силы, дремлющія, но не исчезнувшія въ глубинѣ души народной. Суевѣрный страхъ передъ упырями безспорно принадлежалъ къ такимъ темнымъ силамъ, и вотъ въ самый разгаръ эпидеміи страхъ этотъ доводитъ народъ до ужасной расправы—сожженія нѣсколькихъ человѣкъ.

Объ этомъ фактѣ мы встрѣтили въ печати только одно упоминаніе, находящееся въ запискахъ іеромонаха Иліи-Эміліана Коссака, василіанина, напечатанныхъ въ „Словѣ“ 1880 г., № 106. И. Э. Коссакъ происходилъ изъ мѣщанской семьи города Дрогобыча, отстоящаго верстъ на 10 отъ Нагуевичъ, и лѣтомъ 1831 г. возвращался изъ Вѣны, гдѣ только что кончилъ курсъ богословія. Вотъ его разсказъ, въ которомъ я позволилъ себѣ только исправить языкъ. „Выѣзжая изъ Нагуевичъ, большаго казеннаго села, я увидѣлъ большое пожарище, покрытое пепломъ. Желая узнать причину этого необыкновеннаго явленія, я спросилъ человѣка, отворявшаго мнѣ ворота вблизи его хаты, что значитъ такое громадное пожарище среди села на выгонѣ. На это онъ совершенно хладнокровно отвѣтилъ мнѣ:

— Туткы упыривъ палылы.

— Якихъ упыривъ? спрашиваю.

— А що людей пидтыналы.

— Колы?

— А въ холеру.

Услышавъ это, я еще разъ взглянулъ на пожарище. Морозъ подралъ у меня по кожѣ, но не показывая вида, говорю ему далѣе:

— Що вы, чоловиче кажете? Чи то може буты?

— А таки було.

— Та якъ вы моглы пизнаты, хто упыръ?

— А бувъ тутъ у сели,—разсказываетъ съ наивнымъ суевѣріемъ человѣкъ,—такый хлопець; той ходывъ видъ хаты до хаты та по волоссю на грудяхъ пизнававъ упырив. Тыхъ заразъ бралы и тутъ на пастивныку терновымъ огнемъ палылы.

Дальше я разспрашивалъ, не запрещалъ ли имъ кто нибудь этого богомерзкаго дѣла, старшина или священникъ?

— Та ни,—отвѣчалъ мужикъ,—пипъ самъ померъ на холеру (это былъ о. Витошинскій), а війтъ хоть бы бувъ и хотивъ заборонты, то громада була бы не послухала.

— А тымъ, що пидпалювалы,—спрашиваю,—ничого за то не було?

— Та якъ бы не було? Заразъ зъихала зъ Самбора комысія, та килькадесять хлопивъ забрала до криминалу, божъ то не мало людей и то добрыхъ господаривъ, на стосахъ попалылы.

Поблагодаривъ его за пропускъ, я пустился дальше въ путь, размышляя съ неизреченнымъ ужасомъ о томъ, что я узналъ. Въ ближайшемъ селѣ—Ясеницѣ Сольной, я опять разспрашивалъ встрѣчнаго человѣка о томъ, что слышно, не сожигали ли и у нихъ упырей.

— А якъ же,—отвѣтилъ тотъ,—палылы, та тилько не у насъ, а по другыхъ селахъ, отъ въ Нагуевичахъ, Тустановичахъ и иншыхъ.

Между прочимъ узналъ я отъ него, что мужики изъ Нагуевичъ хотѣли еще сжечь и „найстаршого упыря“, о которомъ имъ разсказывалъ мальчикъ, что „винъ дуже червоный и живе въ Дрогобычи въ манастыри“, но никакъ не могли его захватить.

Погруженный въ печальныя мысли о несчастномъ суевѣріи народа, я уже поздно ночью пріѣхалъ въ Дрогобычъ и направился ночевать въ василіанскій монастырь. Монастырская дверь была еще не закрыта и я засталъ о. ректора Качановскаго еще занятымъ вечернею молитвою. Онъ искренно обрадовался мнѣ и принялъ меня очень радушно, какъ своего прежняго ученика изъ „нѣмецкихъ“ школъ. Я немедленно разсказалъ ему про все видѣнное и слышанное по пути, и онъ со слезами на глазахъ подтвердилъ мнѣ, что все это, къ сожалѣнію, дѣйствительная правда, и что этимъ „найстаршимъ упыремъ“ былъ не кто другой, какъ онъ самъ, и что онъ, зная навѣрно на какую смерть осудила его темнота мужиковъ, долгое время не могъ ни на шагъ выйти изъ стѣнъ монастыря“.

Разсказъ этотъ, несмотря на кажущуюся его обстоятельность и на нѣкоторыя цѣнныя подробности, касательно нагуевичскаго погрома не совсѣмъ вѣренъ. Нужно замѣтить, что покойный Коссакъ писалъ его почти 20 лѣтъ спустя послѣ самаго событія и включилъ его въ составленную имъ „Лѣтопись Креховскаго монастыря“ во время своего игуменства въ этомъ монастырѣ. О самомъ погромѣ уже въ 1831 г. онъ зналъ только по наслышкѣ, а то, что онъ говоритъ о видѣнномъ будто бы имъ пожарищѣ „среди села на выгонѣ“ мы должны считать не болѣе какъ дешевой декораціей. Утверждаю положительно, что если И. Э. Коссакъ въ 1831 г. ѣхалъ черезъ Нагуевичи такъ, какъ онъ разсказываетъ, т. е. „краевой дорогой“ изъ Перемышля въ Дрогобычъ, да такъ, что изъ Нагуевичъ поѣхалъ въ Ясеницу, то *пожарища*, гдѣ жгли упырей, онъ отъ громадскихъ воротъ или вообще *ни откуда не могъ видѣть*. Пожарище это дѣйствительно находилось на выгонѣ, прозываемомъ „Селомъ“, но совершенно пустомъ и расположенномъ не среди села, а за селомъ, между тѣмъ какъ дорога въ Ясеницу поворачиваетъ на югъ, не доѣзжая по крайней мѣрѣ полверсты до конца села. Это бы еще, конечно, ничего не значило, но важнѣе слѣдующее обстоятельство. Упырей жгли въ одномъ углу выгона, прозываемомъ „Базарыще“, лежащемъ на легкой покатости довольно широкаго холма; дорога въ Ясеницу тянется тоже по покатости этого холма, но съ противоположной стороны, такъ что, проѣзжая этой дорогой, „Базарыща“ ни откуда видѣть нельзя. Что И. Э. Коссакъ собственными глазами не видѣлъ „Базарыща“, въ томъ убѣждаетъ меня еще и то, что онъ говоритъ о „кострахъ“, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ только объ одномъ кострѣ и можетъ быть рѣчь. Въ чемъ еще не полонъ его разсказъ читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго разсказа, записаннаго г-жей Ольгой Франко изъ устъ очевидцевъ ужаснаго происшествія, стариковъ Артыма Лялюка и кузнеца Сеня (Семена) Буцяка, разсказа пополненнаго кое-гдѣ моими собственными воспоминаніями и записками.

Вотъ сводный разсказъ Сеня Буцяка:

„То якъ була, най ся пречъ каже, холера, то першый умеръ пипъ на тоту слабисть. Але люде ще не знали, що то за слабисть, тай поховали его на цвынтари. Гей, такъ десь за тыждень якъ зачнуть мерты люде! То зразу мерло по пятеро, шестеро, а дали по десятеро, по двадцятеро, а доходыло до того, що й по пятьдесятъ умерцивъ на день въ сели було. Страхъ такый на людей упавъ, що не суды Боже! Церковь замкнулы, безъ попа й безъ дяка ховають—обкопалы оттутъ на Базарыщи мисце тай тамъ закопують, и по два, по тры або й по бильше въ одну яму кладуть.

Слухайте жъ що ся за прыгода стала! Десь тамъ въ горишнимъ конци села бавылы ся диты, якъ то звычайно диты, говорять межe собою о тимъ самимъ, що й стари. А еденъ хлопець семилитокъ, Гаврыло назывався, каже до ныхъ:

— А знаете, видъ чого ти люде мруть?

— Ну, видъ чого?—диты пытають.

— Видъ упырывъ. То воны людей потынають.

— Ба, а ты видкы то знаешъ?

— Бо я й самъ упыръ. Я самъ свого тату й маму потявъ. И знаете, ничыя мни кровъ не була така солодка, якъ ихъ.

Розбиглыся диты по хатахъ, повидають одно татови, друге мами, що Гаврыло такъ и такъ говорыть. Заразъ люде до Гаврыла.

— Правду ты, хлопче, кажешъ?

— Правду.

— А мигъ бы ты пизнаты, хто упыръ?

— Можу.

— Ну, добре, памятай же, завтра будешъ пизнаваты.

На другый день була недиля. Въ церкви було набоженство—що другый тыждень правывъ пипъ зъ сусидного села. Зибралася вся громада—и третой части въ церкви не помистылося, пидъ церквою стоялы, покы пипъ не скинчывъ видправы та не поихавъ до дому.

Тямлю якъ нынi, въ тимъ роци дуже жъ то грыбы булы вродылы, то такъ уродылы, що бувало выйдешъ за въ лисъ, тай заразъ наберешъ мишокъ грыбивъ. Отже жъ тои недили я

пасъ у лиси худобу. Женемо на полудне до дому, кождый пастухъ михъ грыбивъ несе, самыхъ шапочекъ,—ажъ дывымося, иде старый Бурянныкъ, чоловикъ такый бувъ, оттутъ жывъ недалеко церквы, иде зъ лиса, такожъ грыбы несе. Прыходымо въ село, а тамъ присяжни, десятныки бигають по меже хаты, всихъ до церквы клычуть, старе й мале заразъ мае йты. Щось тамъ будуть голосыты—кажуть. Дывымося, а Бурянныкъ якъ нисъ мишокъ зъ грыбамы, такъ и пустывъ его середъ дорогы, а самъ ставъ блидый, якъ стина.

— Що вамъ, диду? пытаю его.

— Ой, сыноньку,—каже,—чую, що смерть моя буде.

— Пекъ, пекъ, оссына! кажу,—що вы за смерть загадуете? Отъ ходимъ до церквы, почуемо, що тамъ будуть голосыты.

Бурянныкъ тилько рукою махнувъ тай пишовъ ни живый, ни вмерлый. Позаганялы мы худобу тай соби побиглы. Дывымось, а коло церквы на цвинтари всихъ людей поставылы рядамы, одинъ узявъ на рукы того хлопца—Гаврыла—тай носыть его попередъ ти ряды.

— Пизнавай, кажуть, котри упыри.

— Оттой упырь, оттой упырь, оттой упырь,—каже Гаврыло. Симохъ чоловикивъ показавъ. И нашого Бурянныка такожъ. Заразъ ихъ узялы на бикъ. Обійшлы вси ряды—бильше нема.

— А по чимъ же ихъ пизнаты, що воны упыри? пытають люде Гаврыла.

— По тимъ пизнаты, що кождый мае сырывцёве полотно перевязане по пидъ колино.

Заразъ кинулыся до ныхъ, зревидувалы,—акуратъ такъ е, у кождого сыре полотно по пидъ колино перевязане. Заразъ ихъ звязалы, варту до ныхъ приставылы.

— А нема бильше упыривъ?—пытають ще Гаврыла.

— Е ще, але не до людей, а до коней, до худобы, до овець.

— Ну,—кажуть люде,—до тыхъ намъ байдуже. А отсимъ що маемо робыты?

— Ничого вы имъ не зробыте,—каже Гаврыло,—докы жыви, то все вамъ будуть шкодыты.

Зачалы люде радыты, що ту зробыты зъ тымы упырямы, и врадылы ихъ спалыты на огни. А Гаврыло каже:

— Ничого имъ вашъ огонь не зашкодыть. Тилько терновый та яливцёвый огонь може имъ допечы, а иншый ни.

А ну заразъ наказалы, хто тамъ бувъ, уси мають иты на Базарыще и кождый мае несты хоть одну тернину. Де яке тернье було въ плотахъ, у корчахъ—все повытягалы та повыломлювалы—купу наклалы таку, якъ хата. Привелы упырывъ.

— Прызнавайтеся!—кажуть—чы вы людей потынаете?

— Ни,—кажуть ти,—люде добры, майте Бога въ серци, мы ничого не выннн.

Взялы воны насамперед Вольчака,—першый богачъ бувъ, у горишнимъ конци села, скувалы ему рукы й ногы зализнымы путамы, що коней путають, прысылылы до ныхъ ланцюхъ довгый, тай бухъ его въ терновый огонь, а два хлопы тягнуть ланцюхомъ черезъ огныще на другый бикъ. Перебигъ винъ разъ, зновъ ему кажуть:

— Признавайся!

— Люде добры, пустить мене,—каже Вольчакъ—я упырь, але я не сюда належу.

— А куды жъ ты належышъ?—пытають.

— Мени прызначено до Фульштына [1]),—каже винъ.

— А хто жъ тебе тамъ прызначывъ?

— Нашъ старшый. Але его ту нема, винъ далеко.

— Де винъ?

— У Дрогобычи.

Зновъ зачавъ просыться, щобы его пустылы, вже бувъ дуже обпеченый, але воны не слухалы.

— Ты—кажуть—тамъ потынаешъ, а твои кумпаны у насъ потынають, а намъ усе одна бида. Такъ волышъ ты згынуты, колы тамтыхъ не можемо достаты въ свои рукы.

И пхнулы его другый разъ у огонь, и зновъ ланцюхомъ тягнуть. Винъ бигъ, щобы чымъ борше выхопытыся на другый бикъ, але на середыни огню зашпотався тай упавъ у саму грань.

[1]) Фульштынъ или Фельштынъ—небольшой городокъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Самбора, а отъ Нагуевичъ верстахъ въ 40.

Бильше вже не мигъ встаты. Такъ его за ланцюхъ перетяглы черезъ огонь ажъ до краю, а потому ще разъ, и видложылы на бикъ лишъ дрибку жывого. Отже що вы на то скажете? Здавалося, що все тило перегорило, ничого не було выдно, лышъ одну рану, а выходывся, выдужавъ, ще потому бильше якъ симъ литъ прожывъ!.

Разковалы Вольчака, взялыся до другого упыря,—Ступакомъ прозывався. Той, якъ тилько его пхнулы въ огонь, такъ и впавъ, и такымъ его перетяглы на другый бикъ огныща,—вже бувъ небожчикъ. Тогды воны до третего, Панька Саляка. Винъ бувъ лишъ у подягачци [1]), безъ гуни, бо була велыка спека. Скынулы зъ него подягачку и верглы на огонь—вона заразъ займылася.

— Прызнавайся,—кажуть,—чы ты упырь, чы ни?

— Ни люде добры, не упырь.

Знялы зъ него чоботы, сорочку и такожъ пометалы въ огонь, и зновъ ему кажуть:

— Прызнайся, бо и ты такъ будешъ гориты, якъ твое шматье.

— Люде добры,—каже винъ,—Богъ мою душу выдыть! я не упырь! А хочете, щобымъ горивъ, то най вамъ и такъ буде!.

Пидыймывъ рукы до неба, тай самъ кынувся въ огонь, лыцемъ у саму грань, такъ що видъ разу тило на немъ збиглося. А потому ще самъ на другый бикъ обернувся. Перетяглы его черезъ огонь и бильше вже не тягалы, такъ и положылы коло тамтыхъ двохъ.

Взялыся до четвертого, Ныколы Саляка, бачъ братъ бувъ Панькови. Перевелы его разъ босого черезъ огонь, а винъ тогды каже:

— Бійтеся Бога, громадо, не печить мене! я упырь, але я такъ зроблю, що бильше нихто въ сели не буде слабуваты.

А бувъ тамъ Левицькый, шляхтычъ зъ Горы [2]), на его фудаменти потому Гайгель засивъ, а теперъ шляхтычъ Дыдыньскый сыдыть. То той Левицькый каже:

— Добре, у мене теперъ донька хора. Пиды та зробы такъ, щобы була здорова, то ничого тоби не буде.

---

[1]) *Подягачкой* называютъ старую свитку, покрытую сверху бѣлымъ полотномъ.

[2]) Горой называется небольшая (9 хатъ) слобода или приселокъ Нагуевичъ.

— Добре,—каже Салякъ.

Взялы его пидъ пахы, килька хлопивъ довкола него, тай повелы его пастивныкомъ. А винъ наразъ якъ не вырвався видъ ныхъ, якъ не зачне втикаты, оттуды Тростовачкою до Родычова [1]). Люде за нымъ, оденъ навить на коня скочывъ—тамъ десь кони паслыся—але де тому край! А винъ бижыть, а ту зъ опеченыхъ нигъ мясо куснykамы рвеся, ажъ вышше него ти куснykы летять, кровю слиды значыть,—а таки добигъ до Родычова и сховався. Якъ винъ тамъ, бидный, ратувався того дня, Богъ его знае. Пообвывавъ соби раны якымысь лопухамы, потому вже й жынка до него навидувалася, и мы, пастухы, ему исты (носылы... Але щось за дви недили не смивъ до села показуватыся, все по лиси ходывъ. А потому вернувся до дому, выгоився и жывъ десь до недавна.

Якъ Салякъ утикъ, заразъ люде до Бурянныка взялыся, спеклы его и ще двохъ не тямлю вже, якъ называлыся, бо то, выдыте, не ныни ся діяло. Кождого по тры разы перетяглы черезъ огонь, а потому поклалы оттутъ на Базарыщу. Вольчака жинка заразъ узяла до дому, давала ему раду. А ти решта лежалы тамъ щось по дви добы, та все лышъ стыналы та пыщалы. Жинкы носылы имъ зъ дому молоко, та залывалы ихъ, такъ якъ дитей, ажъ покы не померлы. Потимъ ихъ на тимъ самимъ мисци й позакопувалы, де котрый умеръ".

Воспоминанія Артыма Лялюка объ этомъ ужасномъ происшествіи менѣе ярки и пластичны, но онъ разсказываетъ, что нѣкоторые изъ обожженныхъ упырей промучились еще болѣе двухъ недѣль, прежде чѣмъ умереть. О Гаврилѣ, который былъ причиною всего случившагося, Артымъ говоритъ, что тотъ послѣ этого происшествія жилъ еще долгое время, женился и имѣлъ дѣтей, изъ которыхъ одна дѣвушка во время холеры 1873 г. на нѣкоторое время опять была героиней дня, о чемъ я и разскажу, какъ очевидецъ, въ концѣ настоящей замѣтки.

О сожиганіи упырей въ другихъ селахъ у меня нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ Ясеницы Солной, о которой я въ

[1]) Названіе лѣса.

1880 г. записалъ слѣдующій разсказъ изъ устъ крестьянина Павла Кульчицкаго, который хотя не былъ очевидцемъ происшествія, но слышалъ рзсказы о немъ отъ стариковъ.

„То въ першу холеру, якъ зачалы люде дуже мерты, чують ясенычане, що въ Нагуевичахъ объявився такый хлопецъ, що упыривъ пизнае. Поихалы, прывезлы его, склыкалы громаду—пизнавай! Щось винъ пять чы шисть пизнавъ: „то, каже, упыри!“ Заразъ ихъ повязалы, розложылы терновый огонь, таку купу наклалы, яхъ хату. Ти люде кленуть духъ-тило, що воны невинни, божаться, плачуть.

— А по щожъ вы, сяки-таки, сырывцеве полотно пидъ колиномъ носыте?—пытають ихъ.

— Та мы, на жадни чари,—говорять ти,—намъ такъ казалы люде, що хто буде носыты сыре полотно пидъ колиномъ, того ся слабисть не чепыть.

А той хлопець говорыть:

— Не вирьте имъ! Воны то носять на знакъ, щобы ихъ чужосильни упыри пизналы.

А тогди, кажуть, велыкій страхъ ударывъ бувъ на людей. Всиляка погань по селахъ волочилася. Небижыкъ тато оповидавъ мени: „Власне, каже, булы жныва. Жинка зъ дитьмы пишла въ поле до роботы, а я самъ бувъ дома, мавъ зварыты обидъ и вынесты имъ, тай ще хлибъ спечы. Ще я хлиба не сажавъ у пичъ, а тилько пидпалку [1]) за грань кынувъ, ажъ чую, щось пидъ викномъ шкробоче. Обертаюся, а то величезный билый песъ у викно зазырае. Я весь застывъ, и хоть день бувъ, пидъ полудне сонце стояло, а чую. що мени волосье на голови въ гору иде. Николы я въ сели такого пса не выдивъ. А винъ стоить, та все въ викно зазырае, дали вступывся и почавъ до дверей шкроботаты. Взявъ я, отворывъ двери, винъ увійшовъ до хаты—ну такый вамъ, якъ лошакъ за велыкій, лышъ очыма блыскае. Оглянувся по хати, а дали сперся переднимы лапамы на прыпичокъ просто огню, нибы гритыся хоче, а все на тоту пидпалку позырае. Вынявъ я пидпалку зъ печы, розломывъ ее

[1]) „Пидпалка“—коржъ изъ кислаго тѣста.

на четверо, поставывъ на викно, що бы выстыла, а той несъ усе за нею очыма пасе. Выстыла пидпалка, взявъ я одну четвертыну, кынувъ ему, винъ лышъ разъ хавкнувъ—иззивъ; кынувъ я ему другу — ззивъ, кынувъ третю — ззивъ, кынувъ четверту—винъ уже тои не ивъ, а тилько взявъ у нысокъ тай до дверей—пишовъ. И такъ мени тогди якось легко стало на души, якъ колы бымъся на свитъ народывъ. Отже давъ Богъ, въ нашій хати нихто на тоту слабисть не вмеръ, а ни хорувавъ".

Отже не слухалы люде, що ти упыри говорылы, а взялы одного тай кынулы въ огонь—тамъ винъ и душу давъ. Хотилы вже до другого братыся, ажъ ту пипъ надійшовъ. Старый Чайковській у насъ тогди попомъ бувъ—не пипъ, а отець у громади. Дуже вси его любылы. Прыбигъ, та до людей:

— Що вы робыте? Та чы маете вы Бога въ серци?

Заразъ тыхъ порозтручувавъ, що упыривъ стереглы, упыривъ самыхъ порозвязувавъ: „тикайте!"—каже. Люде почалы до него ставытыся, а винъ рукы розхрестывъ:

— Нате мя!—каже.—Хочете палыты, то насамперед мене спалить!

Мусылы люде розыйтыся, лышъ той оденъ погыбъ".

Но возвратимся опять къ разсказу Сеня Буцяка. На вопросъ, умирали ли еще люди и послѣ сожженія упырей, онъ отвѣчалъ:

„Ще й якъ умыралы. Килька день потому було по 45, по 50 мерцивъ у сели. Але потому якось пересталы. А за килька днивъ прыихала зъ Самбора комысія, арештувалы війта и всихъ тыхъ, що давалы прывидъ, тай повезлы ихъ до Самбора. Отже щось довго ихъ не було. Казалы, що мають ихъ усихъ тратыты, але прыихавъ бискупъ зъ Перемышля тай такъ имъ выробывъ що ихъ позасужувалы на 12 недиль".

О судѣ надъ виновными въ этомъ дѣлѣ у меня есть еще слѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ нѣсколькихъ нагуевицкихъ старыковъ:

„Зъ разу хотилы ихъ судыты на смерть, але хтось имъ порадывъ, щобы сказалы передъ судомъ, що то не воны перши таку кару выгадалы, але що за давнихъ часивъ усе такый судъ

бувавъ. Зачалы паны шукаты въ давнихъ паперахъ, чы то правда? Шукалы, шукалы—не моглы найты. Ажъ дали дойшлы до такыхъ старыхъ паперивъ, що вже зовсимъ булы збутнилы, такъ що якъ узяты карту въ пальци, то вона й розлиталася, то мусылы карту за картою ножемъ перевертаты. И въ тыхъ паперахъ вычыталы, що справди за давнихъ часивъ такъ судылы. И то имъ помогло".

Артымъ Лялюкъ разсказываетъ о томъ господинѣ, который посовѣтовалъ мужикамъ сослаться на древній обычай сожиганія колдуновъ, слѣдующій сказочный эпизодъ, вѣроятно приплетенный сюда совсѣмъ не кстати изъ какой нибудь бродячей новеллы.

„А якъ позабыралы тыхъ людей до Самбора, то ихъ роды (родня) верглыся туды-сюды за адукатамы, щобы ихъ боронылы. Грошей зложылы щось дуже велыку суму, але жаденъ адукатъ не хотивъ имъ ничого порадыты. Ажъ дали допыталыся до якогось старого чоловичка.

— Що,—каже,—люде добры, я бы вамъ порадывъ, але то дуже небезпечна ричъ. Мусыте мени заплатыты и купыты доброго коня, бо я мушу геть утикаты зъ Самбора.

Зложылы воны ему грошы, купылы коня. Взявъ винъ его и казавъ пидкуваты навыворотъ, такъ щобы пидковы булы грыфамы напередъ, а шпонамы назадъ. Тогди каже тымъ людямъ:

— Идите жъ теперъ до суду и скажить панамъ, най пошукають у старыхъ паперахъ, якъ то давно упыривъ судылы.

Пишлы воны до суду тай сказалы. А тамъ заразъ до ныхъ:

— А хто васъ на тото нарадывъ?

— Той и той,—кажуть.

Та вже ихъ тамъ дальше не слухалы, тилько пислалы за тымъ чоловикомъ, щобы его зловыты. Але той уже бувъ далеко. То воны на вси дорогы повысылалы гинцивъ на коняхъ, щобы его зловыты. А то була осинь, слиды по болоти выдно. Та що, слиды все до миста ведуть, а зъ миста нема. Такъ воны й вернулыся, а тымъ людямъ его рада дуже велыко помогла".

Послѣдній разсказъ ярче всего показываетъ, что фактъ сожженія упырей въ 1831 г. глубоко затронулъ фантазію народную, которая не приминула сгруппировать вокругъ него разныя

сказочныя подробности. Сколько такихъ подробностей есть и въ вышеприведенныхъ разсказахъ Буцяка и другихъ, это возможно будетъ оцѣнить только тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность подлинные акты судебнаго разбирательства по этому дѣлу.

Я окончу эти замѣтки разсказомъ о послѣдней холерѣ 1873 года. Лѣто этого года я провелъ среди мужиковъ въ тѣхъ же самыхъ Нагуевичахъ. Холера свирѣпствовала въ селѣ двѣ или три недѣли; съ разу умирало по нѣскольку человѣкъ, но было два или три дня такихъ, когда умирало по 15—18 человѣкъ. Въ самый разгаръ эпидеміи случилось слѣдующее. Дѣвушка-сирота, по имени Зоська, кажется дочь или какая то ближайшая родственница Гаврила, извѣстнаго изъ предыдущихъ разсказовъ, вдругъ какъ будто сошла съ ума. Она сбросила съ себя все платье и въ одной рубашкѣ пошла бродить по полямъ. Пора была горячая, жнецы работали въ полѣ при уборкѣ жита. Наталкиваясь на людей, Зоська начинала ломать руки надъ головой и отчаяннымъ голосомъ кричать:

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Особенно вечеромъ крикъ этотъ, какъ будто отъ нестерпимой боли, раздавался далеко и наполнялъ все село ужасомъ. Нѣсколько вечеровъ сряду я слышалъ этотъ крикъ, но Зоськи самой не видалъ. Въ село она заходила только ночью; свѣтъ, падавшій изъ оконъ, манилъ ее къ себѣ и она, подкравшись неслышно, становилась подъ окномъ и, прижавъ къ стеклу свое блѣдное, даже позеленѣвшее лицо, смотрѣла въ избу. Не нужно добавлять, что это ужасное лицо, смотрящее сквозь окно въ такую пору, наводило ужасъ на тѣхъ, кто былъ въ избѣ, и въ нѣсколькихъ случаяхъ въ такихъ избахъ люди заболѣвали холерой или даже умирали. Иногда, бродя по полямъ, Зоська наталкивалась на верхнее платье, юбки и платки, которые оставляли возлѣ сноповъ жницы, работавшія на солнечномъ припекѣ. Она надѣвала на себя эти вещи и начинала съ визгомъ плясать въ нихъ по полю; въ одномъ или двухъ случаяхъ женщины, которымъ принадлежали вещи, тутъ же на мѣстѣ заболѣли холерой, а одна, кажется, умерла прежде чѣмъ ее принесли въ

село. Неудивительно послѣ этого, что Зоська стала пугаломъ всей деревни. Всѣ увѣряли, что она „упырыця“, что она „потынае“, а нѣкоторые даже начали поговаривать шопотомъ о томъ, что не худо бы ее схватить и проучить такъ же, какъ учили ихъ отцы упырей на „терновимъ огни“. Къ счастью, Зоська черезъ нѣсколько дней пошла бродить по другимъ селамъ, ее видѣли въ Медвежѣ, Бронницѣ, Мокрянахъ, Ступницѣ, и повсюду ея ужасный вой производилъ потрясающее впечатлѣніе. Какъ и чѣмъ она кормилась все это время, я не знаю, потому что въ людскія жилища она совсѣмъ не входила; разсказывали, что она иногда забирала и поѣдала пищу, какую ей удавалось найти въ полѣ у жнецовъ. Когда и какъ она возвратилась домой—я тоже не знаю. Когда эпидемія уже приходила къ концу, я заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько недѣль безъ памяти. Послѣ моего выздоровленія, мнѣ сказали, что Зоська уже дома и работаетъ по прежнему, здорова и, что всего интереснѣе, о томъ, что дѣлалось съ нею во время холеры, ничего не помнитъ. Такъ ли это—я не могу утверждать положительно, потому что съ ней самой никогда не говорилъ. Но она жива и до сихъ поръ.

Миронъ.

ОТГОЛОСОКЪ ЛИРНИЦКАГО ЯЗЫКА.

(*Къ статьѣ Валеріана Боржковскаго: „Лирники“. Кіевская Старина, 1889 года, сентябрь*).

Многіе, вѣроятно, съ интересомъ прочли въ прошлогодней сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ статью г. Валеріана Боржковскаго о лирникахъ въ Подоліи: масса бытовыхъ подробностей, взятыхъ непосредственно и не спѣша, представляетъ въ значительной мѣрѣ новый и потому цѣнный матеріалъ, а живое и теплое участіе автора къ жизни описываемой среды оставляетъ въ читателѣ хорошее впечатлѣніе.

Читавшіе статью, безъ сомнѣнія, обратили вниманіе на то мѣсто ея, гдѣ говорится объ особомъ лирницкомъ языкѣ; въ концѣ статьи приложенъ и словарь этого языка, съ большимъ трудомъ собранный авторомъ.

„Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ, говоритъ г. Боржковскій, относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ крестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ „жебрущаго“ дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же,

чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

„Относительно лирницкаго языка (называютъ его „лебійскимъ“ [1]), „лобурською мовою“) нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

„О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть, и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ „Зоря“, въ статьѣ „Дѣдôвска (жебрацка) мова“ г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „походить она, якъ каже Павло (бывшій поводырь, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часôвъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебирались и здорови селяне, що втѣкали одъ панôвъ, щобъ бути вôльными“. Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. „Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы упевнитися, щобы ихъ хто не пôдслухавъ, або пôдслухавши, бодай не заразъ поразумѣвъ усе. Одъ того певно пôшло, що попридумували богато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самимъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чинили ей неразумѣлою сумѣшкою“ [2].

„Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, не знаю. Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи“ (стр. 659—660).

Прочитавъ это мѣсто въ статьѣ г. Боржковскаго, и я заинтересовался языкомъ лирниковъ. Приведенное авторомъ объясненіе поводыря Павла о происхожденіи этого языка очевидно неудовлетворительно. Не дочитывая статьи, я открылъ словарчикъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ тамъ словъ я сразу узналъ знакомыя мнѣ съ дѣтства слова шаповаловъ мѣстечка Новаго Ропска новозыбковскаго

---

[1]) „Лебійскій“—отъ слова „лебій“ дѣдъ.

[2]) „Дѣдôвска (жебрацка) мова“. „Зоря“, Линня, 1886, число 13 и 14, стр. 237.

уѣзда, черниговской губерніи, мѣста моей родины. У меня въ памяти оставалось десятка два этихъ словъ и я почти всѣ ихъ нашелъ въ лирницкомъ лексиконѣ. Сейчасъ же написалъ я на родину, чтобы сообщили мнѣ по возможности больше шаповальскихъ словъ и навели обстоятельныя справки: не ходятъ ли ропскіе шаповалы на заработки въ подольскую губернію? Зная болѣе или менѣе ихъ бытъ, я не зналъ въ точности района ихъ дѣятельности.

Теперь мнѣ сообщили болѣе 120 шаповальскихъ словъ и отрицательный отвѣтъ на вопросъ о подольской губерніи.

У шаповаловъ въ Новомъ Ропскѣ до сихъ поръ есть свой цехъ „шаповальскій“, какъ у портныхъ—„кравецкій“, у сапожниковъ—„шевскій“, у гребенщиковъ—„гребенницкій“, у торговцовъ и торговокъ хлѣбомъ—„перепечайскій“. Не берусь судить о цеховыхъ порядкахъ шаповаловъ въ настоящее время; они и лѣтъ пятнадцать назадъ доживали свой вѣкъ. Теперь, кажется, мало кто связанъ корпоративной совѣстью и регулой; каждый работаетъ на свой страхъ.

Новоропскіе шаповалы дѣлаютъ войлоки („лямцы“ и „повсти“), войлочныя шляпы [1]) („брыли“ и „магéрки“, т. е. бѣлыя и черныя шапки, имѣющія видъ усѣченнаго конуса), валенки, рукавицы и проч. Издѣлія эти дѣлаются изъ „шерсти“ (собственно съ рогатаго скота) и „вовны“ (съ овецъ). Кромѣ домашняго производства шаповалы ходятъ и въ отхожіе заработки. По словамъ самихъ шаповаловъ они дальше не ходятъ какъ по черниговской, полтавской, отчасти по могилевской и орловской губерніямъ; въ подольскую никогда не заходили. Ходятъ они для единственнаго занятія —„бить вовну“, берутъ съ собою единственный инструментъ —„лукъ“; инструментъ этотъ похожъ на огромный смычекъ, аршина два съ половиной длины, въ которомъ вмѣсто волоса натянута толстая струна. Лукъ привѣшиваютъ къ стѣнѣ въ горизонтальномъ положеніи, подстилаютъ подъ него рѣшетку изъ лучины, которая по минованіи надобности свертывается въ трубку вокругъ лука. На рѣшетку накладывается

[1]) *Шаповалъ* валяльщикъ шляпъ.

„вовна", лукъ поддерживается одной рукой такъ, чтобы струна касалась „вовны"; другой рукой струну, при помощи деревянной зацѣпки, оттягиваютъ; отъ сотрясенія спущенной струны шерсть разбивается, а струна издаетъ при сотрясеніи бренчащій звукъ.

Въ мѣстахъ своихъ странствованій и на родинѣ шаповалы пріобрѣли репутацію довольно ловкихъ воришекъ и обманщиковъ. Украсть у „лóха" (мужика) не только вовны, но и любую вещь, по мнѣнію большинства шаповаловъ, нисколько не предосудительно. Бабы по деревнямъ знаютъ ихъ натуру и стерегутъ вовну пуще глаза. По разсказамъ шаповаловъ, баба сидитъ надъ душой все время. Чтобы отдѣлаться отъ нея, прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ. Въ этихъ случаяхъ изобрѣтательность шаповала неистощима: иногда вдругъ животъ у него заболитъ такъ, что рѣшительно сидѣть невозможно, даже молчать не въ моготу; шаповалъ катается по полу, кричитъ, всполошитъ весь домъ; хозяйка бѣжитъ къ сосѣдямъ за помощью, а шаповалъ тѣмъ временемъ моментально свернетъ „манёкъ" фунтовъ въ пять[1]) и спрячетъ такъ, что всѣ поиски будутъ напрасны. Падучую болѣзнь они тоже изображаютъ очень удачно. Иногда, чтобы отдѣлаться отъ назойливой хозяйки, шаповалъ прибѣгаетъ къ варварскому средству: онъ незамѣтно надрѣзываетъ струну у лука, которая обыкновенно очень туго натянута; принявъ затѣмъ безопасное для себя и опасное для сидящей тутъ же бабы положеніе, онъ дергаетъ струну сильнѣе обыкновеннаго, и струна лопается такъ, что разсѣкаетъ бабѣ лицо до крови.

Но чаще шаповалы употребляютъ болѣе невинныя хитрости. Сидитъ напр. шаповалъ у лука и подъ акомпаниментъ струны нарочито усердно горланитъ пѣсню. „Котъ" у него уже свернутъ, припрятано и еще кое-что, надо только убраться по добру по здорову. Въ это время вбѣгаетъ въ хату другой шаповалъ и начинаетъ бранить земляка на чемъ свѣтъ стоитъ, тотъ дѣлаетъ видъ, что опѣшилъ, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и

---

[1]) „Манекъ" по шаповальски—котъ. Этимъ терминомъ обозначается у нихъ очень туго свернутый комъ „вовны".

тутъ оказывается, что товарищъ принесъ ему печальное извѣстіе о смерти жены, отца, брата. Шаповалъ въ неистовомъ горѣ бросаетъ вовну, отказывается отъ платы, хватаетъ сумку и убѣгаетъ, предоставляя товарищу окончить работу. А то вдругъ шаповалъ, посмотрѣвъ въ окно, начинаетъ креститься.

— И коли ето у васъ церкву такую хорошую поставили?

— Де?

— А во́, подивись!

— Се жъ витрякъ!

А „котъ“ уже въ „кайстрѣ“ (сумкѣ). Сушится бѣлье на дворѣ. Шаповалъ выходитъ изъ хаты нѣсколько чаще обыкновеннаго. До вечера онъ и улучитъ время надѣть штуки три рубахъ одна на другую; только потолстѣетъ едва замѣтно.

Бывали нерѣдко случаи, что шаповалы занимались мелкими кражами по ярмаркамъ, за что бывали и биты нещадно. Въ Ропскѣ даже убѣждены, что ни одинъ шаповалъ не доживаетъ вѣку оттого, что у него непремѣнно печенки отбиты. Дѣйствительно, шаповалы какъ то скоро начинаютъ хирѣть и умираютъ лѣтъ въ сорокъ, рѣдко въ пятьдесятъ, а то и въ тридцать. Но, разумѣется, ранняя смерть ихъ должна быть объяснена той нездоровой обстановкой, въ которой они работаютъ: тутъ къ спертому воздуху хаты присоединяется ѣдкая шерстяная пыль, дѣйствующая весьма разрушительно на легкія.

Въ противоположность подольскимъ лирникамъ, черниговскіе шаповалы не дѣлаютъ особеннаго секрета изъ своего языка. Они употребляютъ его тамъ, гдѣ желаютъ быть не понятыми. Каждый житель нашего мѣстечка знаетъ десятка два-три шаповальскихъ словъ, хотя всѣмъ лексическимъ запасомъ обладаютъ весьма немногіе. Часто случается, что и торговцы ропскіе предъ чужими употребляютъ шаповальскія слова. Но достойно вниманія то обстоятельство, что этимъ же ропскимъ торговцамъ случалось слышать шаповальскія выраженія отъ покупщиковъ, пріѣхавшихъ изъ Бѣлоруссіи. Разсказываютъ, напр., такой случай. Разъ продавали ропчане въ Гомлѣ махорку. Покупщики, пріѣхавшіе „откуда то изъ минской или витебской губерніи“ долго тягались съ ними за цѣну; наконецъ, думая, что ропскіе табачники ихъ

не поймутъ, говорятъ между собою по-шапольски, что ничего дескать не подѣлаешь, придется дать, сколько требуютъ. Ропчане уже готовы были уступить, но благодаря признанію покупщиковъ, воздержались. При разсчетѣ они и благодарятъ купцовъ за признаніе. Тѣ были, говорятъ, очень удивлены и долго не вѣрили, что гдѣ то въ Ропскѣ употребляютъ такой же, какъ у нихъ, секретный языкъ.

Жаль очень, что этотъ разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ и сообщенный мнѣ теперь, передается въ Ропскѣ въ видѣ преданія, потерявшаго точность. Во всякомъ случаѣ онъ весьма интересенъ, такъ какъ указываетъ, хотя и глухо, на широкую область распространенія этого загадочнаго языка.

Такъ какъ корреспонденты мои въ Н. Ропскѣ записывали шаповальскія слова самостоятельно, не видѣвъ словарчика г. Боржковскаго, то изъ присланныхъ ими 126 обыденныхъ словъ 26 оказалось такихъ, которыхъ въ этомъ словарчикѣ не находится. Изъ остальныхъ 100 словъ 53 тѣ же самыя, что и у лирниковъ; разница только въ произношеніи: у ново-ропскихъ шаповаловъ фонетика бѣлорусская, а у подольскихъ лирниковъ малорусская. Такимъ образомъ для удобства сопоставленія шаповальскихъ словъ съ лирницкими первыя естественно дѣлятся ниже на три категоріи: 1) слова, тожественныя съ лирницкими, 2) расходящіяся съ ними и 3) не имѣющіяся въ словарчикѣ г. Боржковскаго.

1.

Алы́да—коровья шерсть (авлы́да—корова) [1]).

Ахвéсъ—Богъ, церковь, иконы (Хвесь — Богъ; клю́са—церковь, барай—иконы).

Вандзы́рить—везти (вандзо́ры—водить).

Варна́чка—курица (варна́га).

Вислаки́—яблоки (ве́слюка).

Вихро́—сѣно (вихро́).

Во́ксикъ—лѣсъ (о́ксымъ).

Во́лотъ—конь (во́лотъ).

Впу́лить—купить (опу́лыты).

Га́ласть—соль (га́лусть).

Гальмо́—молоко (альмо́).

Гарда, гардыманъ—водка (гертыха).

Гомерля́съ—сахаръ и медъ (оме-

[1]) Въ скобкахъ лирницкія слова.

ля́сныкъ—сахаръ, ми́лясъ—медъ).
Де́канъ—десять (ди́кона).
Дуля́сникъ — самоваръ (дуля́сныкъ—огонь, дуля́сыты—палить, горѣть, дуля́сный—теплый).
Закаплу́нить—запереть (закапло́ныты).
Іо́рый—старый (іо́рый).
Кавре́й—панъ (кавріі́).
Ка́ня—шинокъ (ка́ня).
Кара́бка—ложка (карабе́лька).
Кгудъ—жидъ (гудзь).
Ке́рить—пить (кы́рыты).
Ки́рха—свинья (кы́рха).
Ковтырь—горшокъ (ко́втуръ).
Кре́со кре́синное—мясо.
Кре́со пле́ное—сало (кри́со—мясо, пли́ный—бѣлый).
Куло́мникъ — колоколъ (кудовныкъ).
Кулы́га — торговая лавка (кулы́га—комора).
Кухте́ча—бѣдный, бѣднота (кухті́й).
Матло́ха—табакъ (мутла́ха).
Махи́ль—ножъ (махлы́чъ).
Ме́рхля—овца (ме́хля).
Пле́нить—мыть (пли́нчыты).
Пле́ный—бѣлый (пли́ный).
Поха́зникъ — хозяинъ (поха́зныкъ).
Иса́лка—рыба (иса́лка).
Пухта́лка — подушка (пухта́вка—„памушка“).
Ра́ха—женщина (ра́ха).
Скицъ—собака (скицъ).
Скрипцы́—ворота (скрипота́).
Скума́ть — знать (скуми́ты—умѣть).
Сте́пня—печь (сте́пуръ).
Сто́дный—богатый (сто́тень).
Стыга—задъ (стызъ, стылъ).
Сты́чить—стоять (сты́чыты).
Хазъ—дворъ, домъ (хаза́—хата, дворъ—хвиртъ).
Хира́ни—люди (хера́пе).
Ховбы́—деньги (хобни́).
Хо́рье—село (хо́ры).
Шмурны́й—глупый (шмурны́й).
Шу́сто—базаръ, ярмарка (шу́сто—мѣстечко).
Якро́—окно (зикро́).
Яперить—брать (яперыты).

2.

Акру́ша—хлѣбъ (ку́псо).
Артю́хъ—волъ (явлы́дъ; см. авлы́да—корова).
Ати́ра—земля (теры́га).
Ашо́ха—каша (ле́кша).
Баса́ть—рѣзать (махлы́чыты; см. махлы́чъ—ножъ).
Бо́тузъ—солдатъ (бецакъ).
Бурда́сы—штаны (на́сикы).
Е́рчить—ѣхать (гардува́ты).
Канавка—пенька (кадро́).
Катру́ха—шапка (каму́ха).

Клю́жить — красть (кли́маты; клю́житы—класть).
Ко́четъ—попъ (корхъ).
Ку́ганъ—цыганъ (шандра́къ).
Лапухи́—сапоги (о́бокы).
Лащо́га—дорога (восто́рка).
Лепки́—глаза (зикра́, отъ зикро́—окно; но у лирниковъ *влипа́ты* — смотрѣть, *влипу́шный*—зрячій, *ка́липный*—слѣпой).
Лупи́ха — картофель (терыжныкъ).
Манёкъ—котъ (мо́тень).
Мараxо́нька—дождь (рахтій).
Матра́ть—кушать (тро́иты).
Ненашкребень—нѣтъ (не́мить).
Отгу́рить—дать (дя́хныты).
Пару́та—хата (хаза́).
Питерень — мѣшокъ (захарба́ныкъ).
Пле́нный—рубль (ските́лныкъ).
Прота́рить—продать (пропу́лыты; см. опу́лыты).
Сморщъ—борщъ (бо́тень).
Стрелье—дрова (о́брутки).
Стыченый — становый (гальо́мый накачы́тель — дословно: великій начальникъ).
Суга́—вода (де́лька).
Сужни́къ — колодезь (си́ваныця).
Тахти́ть—нести (тага́ныты).
Хи́рка—рука (рута́вка).
Ходы́рка—нога (ходу́ха).
Ху́сый—плохой (некле́вый).
Чекула—капуста (лепу́ха).
Чукать—бить (ку́латы, ко́псаты).
Шпинський — хорошій (трепе́лый — добрый, кле́вый—добрый).

Числительныя.

Сковди́нъ—одинъ (ію́нъ).
Ба́крыхъ—два (двеня́).
Стро́мухъ—три (скера́).
Буты́рихъ—четыре (си́сара).
Повде́кана—пять (пе́нтза).
Букше́нъ—шесть (ша́ндра).
Семжа́—семь (ти́мара).
Восемжа́—восемь (вити́мара, виситы́ня).
Девянжа́—девять (ди́вора).
Де́канъ—десять (ди́кона).
Ба́крыхъ де́кановъ — двадцать (двеня́ ди́конъ) и т. д.

3.

Говырда́ть—говорить.
Калуверный—черный.
Калузька—гумно.
Катрушникъ—шаповалъ.
Ке́пель—„бриль“, шляпа.
Кима́ть—спать.
Клащебка—коробка.
Ку́везно—тяжело.
Лами́ный—молодой.
Лохъ—мужикъ.
Махлованникъ—писарь.
Махлованье—бумага.

Немкинья—полушубокъ.
Ника́раго—ничего.
Па́руха—„вовна“,овечья шерсть.
Перха—мука.
Питрусъ—камень.
Плеха́—баня.
Саповка—утка.
Свисло—масло и „олѣй“ (конопляное масло).
Скельницы—„комнаты“, хоромы.
Трепезъ—столъ.
Тропа—борода.
Уби́рить—взять.
Штакетъ—картузъ.
Шуплей—овесъ.

Итакъ изъ 100 словъ, записанныхъ отъ шаповаловъ и совпадающихъ съ записанными отъ лирниковъ, болѣе половины тожественныхъ. Въ остальной половинѣ можно выдѣлить нѣсколько словъ такихъ, которыя, очевидно, новѣйшаго происхожденія и созданы лирниками и шаповалами отдѣльно, каждой стороной на свой ладъ. Характерный образчикъ такихъ словъ представляютъ термины для обозначенія понятія *становой приставъ*. Къ предмету, обозначаемому этимъ понятіемъ, шаповалы и лирники относятся весьма различно. Для шаповаловъ становой—лицо, мало ихъ занимающее; его можно обозначить, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ иронiи, причастіемъ отъ глагола *стоять, сты́чить—сты́ченый*. Для лирниковъ же, которыхъ и урядникъ, даже простой десятскій, часто отправляетъ въ кутузку, становой—„великій начальникъ“, *гальо́мый накачы́тель*. Къ такого же рода словамъ можно отнести и обозначенія *рубля, картофеля*. Есть, далѣе, слова другого рода, которыя расходятся у шаповаловъ и у лирниковъ, но такъ, что или у первыхъ сохранились въ древнѣйшей формѣ, а у вторыхъ замѣнены переносными, или наоборотъ. Напр. *глаза* по-шаповальски *лепки́*, очевидно древнѣйшая форма; у лирниковъ—*зикра́*, что значитъ *окна*; но у нихъ есть глаголъ *влипа́ты—смотрѣть*, прилагат. *влипу́шный*—зрячій и проч. По-шаповальски *волъ, артюхъ*—можно думать, древнѣйшее слово, чѣмъ лирницкое *явлыдъ*. Наоборотъ, *красть* по-лирницки *кли́маты*, причемъ есть слово *кли́житы*, что значитъ *класть;* у шаповаловъ слово *кли́жить* вытѣснило непріятное для нихъ *кли́маты* и деликатно заняло его мѣсто.

Несомнѣнно, что если бы шаповаламъ прочесть словарчикъ г. Боржковскаго, то онъ много напомнилъ бы имъ такого, что они стали забывать. Можетъ быть и лирники признали бы за свои нѣкоторыя шаповальскія слова. Я надѣюсь довести до свѣдѣнія ново-ропскихъ шаповаловъ словарчикъ г. Боржковскаго и подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ. А теперь, не откладывая, сообщаю то, что есть. Откуда такое сходство? Что это за языкъ? Не имѣетъ ли онъ сходства съ такъ называемымъ офеньскимъ нарѣчіемъ, о которомъ мнѣ ничего неизвѣстно? Гдѣ кроется корень общенія черниговцевъ-сѣверянъ съ подолянами, общенія въ чемъ то секретномъ, доступномъ только для посвященныхъ?

Θ. Николайчикъ.

ОПИСАНІЕ АТЛАСА XVIII СТ., ПОДАРЕННАГО ЧЕРНИГОВСКОЙ ГИМНАЗІИ КН. Н. П. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

Въ библіотекѣ черниговской гимназіи есть атласъ Малороссіи съ картами и планами городовъ, составленный въ 1778 году, по приказанію малороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Румянцева, потомъ доставшійся князю Н. П. Голицыну, а послѣднимъ подаренный гимназической библіотекѣ.

На заглавномъ листѣ этого замѣчательнаго географическаго памятника надписано карандашемъ: „Книга собранныхъ картъ и разнымъ Малороссійскимъ городамъ плановъ, сочиненная Генваря дня 1778 года".

Въ атласѣ всѣхъ чертежей 16; изъ нихъ—картъ 3, плановъ 13.

Величина каждаго чертежа вообще: въ длину 1 арш., въ ширину 12 вершк., исключая генеральной карты кіевской губерніи и, такъ называемаго, проспекта Глухова, изъ которыхъ первая имѣетъ 20 вершк. длины и 16 шир., а второй—въ длину 35 вершк., въ шир. 14.

При каждомъ чертежѣ приложенъ масштабъ.

Объясненіе плановъ (въ подлинникѣ—экспликація) находится не при всякомъ чертежѣ. Такъ, оно не составлено къ планамъ Кролевца, Стародуба и Полтавы.

Атласъ, отлично переплетенный предпослѣднимъ его владѣльцемъ, сохраненъ до сихъ поръ въ наилучшемъ видѣ; только первая карта немного повреждена—вырванъ одинъ ея уголъ съ масштабомъ, при этомъ пострадало изображеніе части миргородскго полка и граничащей съ нимъ новороссійской губерніи.

Внѣшняя отдѣлка картъ и плановъ превосходна; но внутреннимъ достоинствомъ атласъ не можетъ похвалиться, особенно относительно названій неглавныхъ мѣстностей и ихъ положенія. Такъ напр., дѣйствительное положеніе села Тарандинецъ лубенскаго полка на СЗ отъ Лубенъ, здѣсь означено на ЮЗ и названо Таврадицами; тамъ же село Хорошки поставлено на р. Оржисѣ (Оржицѣ), между тѣмъ какъ оно дѣйствительно находится на р. Слѣпородѣ; сотенный городъ Лукомье названъ Лукама; Брусиловъ названъ Ерусиловъ; Лохвица—Холвицей и проч. Тѣмъ не менѣе надобно отдать справедливость составителю, что онъ въ иныхъ случаяхъ былъ болѣе точенъ, нежели нынѣшніе составители картъ. Можетъ быть, этого нельзя сказать относительно плановъ.

При описаніи атласа имѣлось въ виду, во первыхъ, указать любителямъ старины на существованіе его и, во вторыхъ, болѣе или менѣе отчетливымъ описаніемъ плановъ представить тѣмъ, которые не будутъ имѣть возможности его видѣть, прежнее состояніе городовъ, для сравненія съ настоящимъ, чтобы судить о степени вліянія на нихъ времени и совершившихся событій. Слова и выраженія, взятыя изъ подлинника въ представляемомъ описаніи, не измѣнены и написаны курсивомъ.

1) *Генеральная карта Кіевскои губерніи разделенная на 10 полковъ* представляетъ всю великорусскую Малороссію съ раздѣленіемъ ея на 10 полковъ, означеніемъ главныхъ дорогъ и весьма подробнымъ описаніемъ, которое, однакожъ, не отличается особенною вѣрностью. Прилежащая часть могилевской губерніи описана съ такою же подробностью. Правый уголъ карты, представляющій миргородскій полкъ, отчасти вырванъ и подклеенъ чистою бумагой.

2) *Карта Малороссіи, раздѣленная на 15 полковъ, въ числѣ ихъ 5 слободскихъ.* Здѣсь же означены Новая Сербія, екатерининская провинція, образовавшіяся еще при Елисаветѣ и Екатеринѣ II-й; къ югу отъ нихъ—*жилище запорожскихъ козаковъ* и далѣе—устье Днѣпра и часть Азовскаго моря.

3) *Генеральная карта Малороссійской губерніи* съ раздѣленіемъ ея на 5 провинцій, а каждой провинціи на 4 округа, съ

частью екатерининской провинціи по рѣку Орель, вдоль праваго берега которой проходила украинская линія. Эта карта съ наименьшими подробностями.

4) *Планъ города Глухова споказаніемъ воономъ какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строению.* Рѣка Есмань входила въ городъ съ СЗ на ЮВ и, при поворотѣ ея на югъ, заграждалась плотиною, отчего, разлившись широко, при самой плотинѣ на 170 саженъ, образовала озеро *Черничья Гребля.* Изгибъ рѣки охватывалъ полуостровъ, въ видѣ мыса, на которомъ, въ самомъ углу, былъ небольшой круглый прудъ съ примыкающимъ къ нему впереди садомъ и дворцомъ *его высокографскаго сиятельства Петра Александровича Румянцова.* Нѣсколько выше упомянутаго полуострова, Есмань, называвшаяся вокругъ него, какъ сказано, Черничьей греблей, соединяла протокомъ свой лѣвый берегъ съ озеромъ Есманью, находившимся на сѣверовосточномъ краю города.—Это озеро отдѣлялось отъ рукава плотиной, при которой были мельницы; а при соединеніи протока съ рѣкою была другая плотина. При входѣ рѣки Есмани въ городъ находилась также плотина съ мельницами.

Выше сей послѣдней плотины, съ запада, вливался въ Есмань ручей, составлявшій недалеко отъ соединенія довольно обширный бассейнъ, кажется, посредствомъ искусственныхъ преградъ.

Къ лѣвому берегу Есмани, у поворота ея на югъ, примыкало укрѣпленіе, состоявшее изъ землянаго вала; наибольшая длина укрѣпленія 360 саж., ширина до 260 саж.

Отъ дворца Румянцева, чрезъ Есмань, вела длинная плотина, упомянутая въ началѣ описанія, къ западнымъ крѣпостнымъ воротамъ, называемымъ Кіевскими, отъ которыхъ шла къ восточнымъ воротамъ, Московскимъ, прямая улица, раздѣлявшая укрѣпленіе почти пополамъ. Въ самомъ концѣ этой улицы, на правой ея сторонѣ, находилось огромное зданіе—Малороссійская Коллегія, въ видѣ буквы П; налѣво, противъ нея купеческія лавки. Въ одной линіи съ нею находились также купеческія лавки, къ которымъ съ юга примыкала церковь Живоначальныя Троицы; за нею въ томъ же направленіи—соборная церковь Ни-

колая Чудотворца; далѣе, по линіи улицы, обывательскіе каменные погреба и сотенная канцелярія; за нею, на ЮЗ, находился дѣвичій монастырь съ церквами Успенія и Вознесенія, примыкавшій къ крѣпостному валу. Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ упомянутой улицы, находился образцовый домъ, построенный казною для обывателей. — Въ юго-восточномъ углу крѣпости, между Московскими воротами и Путивльскими, западными, находилась церковь св. Анастасіи. Были еще четвертыя ворота — Бѣлополовскія, на сѣверѣ. Въ углу, между этими воротами и Московскими, помѣщался острогъ, обнесенный палисадомъ; къ з. отъ него — каменные обывательскіе погреба, а еще западнѣе, у самаго вала,—церковь Архангела Михаила.

Остальной городъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Есмани. Незаселена была только широкая низменность, прилегавшая къ юго-западной сторонѣ вала и тянувшаяся вдоль Есмани. Впрочемъ, и здѣсь было нѣсколько построекъ, у самаго вала, въ томъ числѣ—печи для сженія извести и торговыя бани.

Городъ раздѣлялся Есманью и соединявшимъ ее съ оз. Есманью рукавомъ на 3 части.

Главная часть окружала крѣпость. Въ ней находились: купеческія лавки—у Московскихъ воротъ; отъ нихъ вели за городъ двѣ улицы, на Ю. и С. Налѣво отъ сѣверной дороги, за городомъ, была церковь Вознесенія Господня и при ней кладбище; между нею и лавками, почти на равномъ отъ нихъ разстояніи, находились кузницы справа и слѣва упомянутой улицы. Къ кузницамъ, находившимся на правой сторонѣ дороги, примыкало озеро или прудъ въ 80 саж. длиною и 15 шириною. На лѣвой сторонѣ южной улицы находились у самыхъ лавокъ: церковь Преображенія Господня и при ней каменная богадѣльня и артиллерійскій дворъ съ принадлежащими къ нему строеніями, на самомъ краю города.

У Бѣлополовскихъ воротъ помѣщались торговыя бани; къ СЗ. отъ нихъ противъ Румянцевскаго дворца,—церковь Сошествія св. Духа; а у озера Есмани въ концѣ города, противъ кладбищенской церкви—баталіонная школа.

Вторая часть города находилась за протокомъ, соединявшимъ оз. Есмань съ рѣкою. Въ ней была церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на берегу р. Есмани, въ самомъ углу, образуемомъ соединеніемъ рѣки съ протокомъ, и два пруда—1-й—противъ устья ручья, вливавшагося справа въ Есмань, и 2-й—ближе къ плотинѣ, находившейся на р. Есмани при входѣ ея въ городъ.

Третья часть города занимала правый берегъ рѣки. Здѣсь, между впаденіемъ въ Есмань ручья и дворцомъ Румянцева, на равномъ отъ нихъ разстояніи, противъ узкаго, но длиннаго залива Есмани, находился довольно пространный водный бассейнъ, до 45 саж. въ ширину и гораздо болѣе въ длину. Естественный онъ или искусственный—этого изъ плана не видно; далѣе, на обширной площади, съ юго-запада примыкавшей къ озеру, находились еще 4 бассейна, вѣроятно, искусственныхъ, что можно предположить по ихъ однообразной квадратной формѣ. Всѣ они отъ 100 до 400 кв. саж. Въ центрѣ этой площади была церковь Захарія и Елисаветы, а за нею, къ югу, зданіе старой Малороссійской Коллегіи и, къ западу, провіантскій магазинъ, а къ СЗ, на краю города—церковь Всѣхъ Святыхъ и при ней кладбище, одною стороною примыкавшее къ городу. У Румянцевскаго дворца справа была церковь Рождества Богородицы.

Всѣхъ церквей было 11, кромѣ 2-хъ при дѣвичьемъ монастырѣ.

5) *Проспектъ городу Глухову*, т. е. перспективный видъ Глухова со стороны оз. Есмани, или съ сѣверовосточной стороны города. Этотъ планъ, вмѣстѣ съ предъидущимъ, даетъ весьма ясное понятіе о тогдашнемъ Глуховѣ относительно населенности, формы и размѣра построекъ не только общественныхъ, но и частныхъ.

Между зданіями первое мѣсто по громадности и архитектурѣ принадлежитъ новой коллегіи, потомъ дворцу Румянцева.

Коллегія построена была въ 2 этажа; въ срединѣ же, надъ главнымъ входомъ, зданіе имѣло 4 яруса. Въ немъ съ главной улицы было 33 окна; въ боковыхъ частяхъ—по 15; во дворѣ былъ флигель также въ 15 оконъ.

Дворецъ Румянцева состоялъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ въ 1 и 2 этажа.

Церкви были, большею частію, объ одной главѣ, но были и о трехъ; а дѣвичій монастырь имѣлъ ихъ 4.

Частныя зданія не обширны и почти всѣ одноэтажныя; встрѣчаются, однакожъ, дома съ мезонинами. Болѣе обширныя постройки имѣли форму буквы П.

Видно, что многіе дворы были окружены рѣшетками. Кажется, на такого рода заборы была тогда мода.

Полей подъ огородами и садовъ было много, особенно далѣе отъ крѣпости.

Вообще проспектъ Глухова составленъ весьма подробно и отчетливо: въ каждомъ дворѣ означены даже незначительныя постройки. Жаль, что экспликація этого плана не подробна; она кратче приложенной къ плану Глухова и состоитъ въ указаніи 21 мѣста изъ числа 35, поименованныхъ на планѣ.

6) *Планъ города Королевца споказаніемъ воономъ какъ вгороде такъ и вне города казенному и обывательскому строенію.* Экспликація не составлена; но названіе рѣки и впадающихъ въ нее ручьевъ означены на самомъ планѣ. Не показано даже, какъ въ другихъ планахъ, направленіе теченія водъ.

По положенію плотинъ видно, что рѣка Свидня втекала въ городъ съ ЮВ; въ нее, съ ЮЗ, вливалась какая то рѣчка, на которой была плотина. Отъ этого притока начинался городъ. Саженяхъ въ 50, по прямому направленію, отъ сліянія притока съ Свиднею начиналось озеро въ 140 саж. длины и столько же ширины, составленное рѣкою посредствомъ плотины. За озеромъ Свидня течетъ въ томъ же направленіи и, по принятіи рѣки Добрыхъ Водъ, перемѣняетъ его на восточное. Эта послѣдняя рѣка течетъ у самаго города съ Ю., потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на В. и сливается съ Свиднею. Въ мѣстѣ поворота Добрыя Воды образуютъ небольшое озеро вслѣдствіе запруды плотиною; между этимъ озеромъ и устьемъ, почти посрединѣ, находилось другое озеро, происшедшее отъ той же причины.

Отъ устья Добрыхъ Водъ Свидня протекала на востокъ саженей 60 и потомъ дугою поворачивала на С. Въ этомъ направленіи она выходила за городъ. Саженяхъ въ 190 отъ поворота внизъ, рѣка, задержанная плотиною, превращалась въ довольно значительное озеро, наибольшая длина котораго около 320 саж., ширина 220. Оно раздѣлялось косою, входившею въ озеро съ ЮВ, на двѣ неравныя части: юго-западную—большую и сѣверо-восточную—меньшую. На разстояніи 150 саж. отъ плотины у этого озера, рѣка отдѣляла протокъ, составлявшій съ нею островъ въ 90 саж. длины и 60 ширины. Саженей 25 ниже острова начиналось снова озеро съ плотиной на нижней его сторонѣ; восточное продолженіе этой плотины составляла дорога на Глуховъ. Длина его 220 саж., ширина не менѣе 60. Вышедши изъ этого озера, рѣка протекала въ городѣ еще около 1 версты и снова составляла озеро въ 170 саж. длиною и 150 шириною. Въ это озеро Свидня вливалась и выходила двумя рукавами. Западный изъ вливавшихся рукавовъ соединялся 2-мя ручьями съ небольшимъ озеромъ, находившимся въ чертѣ города и имѣвшимъ плотину.

Итакъ, рѣка Свидня составляла 4 озера. Въ 35 саженяхъ отъ 2-го изъ нихъ вверхъ (считая озера сверху внизъ, по теченію) въ Свидню вливается съ запада ручей Рутка. Въ 3-е озеро, съ ЮВ., также впадалъ ручей и съ СВ—другой, не выходившій изъ города.

Рѣками и ручьями городъ раздѣлялся на 4 части: первая заключалась между Свиднею и Добрыми Водами; вторая—между Добрыми Водами и Руткою; третья—между Руткою и Свиднею съ одной стороны, дорогою въ Кіевъ и въ село Подолово—съ другой. 4-я часть начиналась у маленькаго ручья, изливавшагося въ 3-е озеро и тянулась вдоль Свидни до 4-го озера. Эта часть была на правой сторонѣ; всѣ прочія—на лѣвой. 5-я часть, самая малая, примыкала къ восточной сторонѣ 2-го озера и ограничивалась на противоположной сторонѣ дорогой въ Мутихъ, которая была продолженіемъ плотины у озера.

Въ 3-й части города была крѣпость, имѣвшая видъ трапеціи. Восточная и западная ея стороны—параллельны; первая—

190 саж., вторая 140 саж., сѣверная сторона 235 саж., а южная, нѣсколько искривленная, 250 саж. Юго-восточнымъ угломъ крѣпость примыкала къ сѣверному берегу 2-го озера и находилась отъ Свидни въ 180 саженяхъ.

Въ крѣпости находились двѣ церкви; одна почти въ центрѣ, на площади, и при ней что то, въ родѣ лавокъ; другая—при сѣверномъ валѣ, саженяхъ въ 45 отъ точки соединенія его съ восточнымъ.

Внѣ крѣпости было 4 церкви: первая—надъ сѣверо-западнымъ берегомъ 2-го озера; вторая на срединѣ, между 3-мъ озеромъ и сѣверо-восточнымъ угломъ крѣпости; третья—надъ правымъ берегомъ Рутки во 2-й части города и четвертая въ центрѣ 1-й части города.

7) *Планъ Шостенскому артиллерійскому пороховому заводу.* Заводъ расположенъ на р. Шосткѣ, которая сначала имѣетъ сѣверное теченіе, потомъ юго-восточное, наконецъ юго-западное. Въ послѣдній изгибъ впадаетъ рѣка Крупецъ, вытекающая за версту отсюда изъ озера, на сѣверо-восточной сторонѣ котораго расположенъ Крупецкій хуторъ.

Сѣвернѣе перваго изгиба Шостка пересѣкается прямой дорогой, идущей съ СВ. на СЗ. Въ мѣстѣ пересѣченія устроены 2 шлюза и 5 водяныхъ машинъ для выдѣлки пороха. Вдоль сѣверо-западной части дороги устроена большая часть заводскихъ зданій, которыя расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная отъ рѣки: покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ, харчевая лавка, квартира для житья мастеровыхъ. На лѣвомъ берегу сѣвернаго теченія Шостки были: сушильня, къ западу отъ нея, противъ офицерскихъ квартиръ—магазины для сѣры и матеріаловъ, далѣе по рѣкѣ розымка машиною и сухопутная машина для выдѣлки пороха, а къ западу, съ нею рядомъ, еще 3; возлѣ нихъ къ сѣверу—магазины для сѣры и матеріаловъ и на содержаніе мастерскихъ матеріаловъ.

На лѣвой сторонѣ той же сѣверо-западной части улицы были, ближе къ рѣкѣ,—покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ; далѣе—конюшенный дворъ и казармы.

Къ ЮЗ. отъ офицерскихъ покоевъ—кузница и мастерскія, а за ними—лѣкарскій домъ и лазаретъ.

Прочія зданія находились въ углу, образуемомъ сѣвернымъ и юго-восточнымъ теченіемъ Шостки. Направо отъ дороги, у рѣки, крутильня машиною, далѣе, почти противъ сухопутныхъ машинъ для выдѣлки пороха, магазинъ для сѣры и матеріаловъ; къ востоку отъ послѣдняго—пороховой магазинъ и селитряные амбары. Между лѣвою стороною дороги и Шосткою, противъ острова, составленнаго ея протокомъ находились: сараи для поклажи бочекъ, селитроварница, селитрянный амбаръ и селитрянная сушильня.

8) *Планъ поселеннымъ на Беловеяжской степи пяти деревнямъ.* Степь, занимаемая ими ограничивается съ В. рѣкою (названіе не показано), при которой находятся деревни: Большіе и Малые Вердеры, и рѣкою Уткою, въ которую съ Ю. на этой же степи впадаетъ рѣка (названіе не показано). По рѣкѣ Уткѣ и ея притоку простирается широкая луговая полоса, на правой сторонѣ которой расположены въ рядъ 3 деревни: Рундевизе—сѣверная, Калчиновка—средняя и Бѣлыя Вежи—южная. На ЮЗ. отъ сей послѣдней деревни, по дорогѣ изъ Вердеръ и Бѣлыхъ Вежъ въ Дмитровку, за притокомъ Утки, находился старый городокъ Бѣлыя Вежи; а южнѣе Бѣлыхъ Вежъ—домъ и земля пастора.

За рѣкою, при которой Вердеры, находился хуторъ Марковича съ землею.

Съ юга, отъ Вердеровской рѣчки до верхняго теченія притока Утки граничили со степью земли подкоморнаго Василія Кочубея и села Гавронецъ, принадлежавшаго маіору Якову Скуропатскому. На пространствѣ между Уткою и ея притокомъ граничили земли деревни Рубенки графа К. Г. Разумовскаго и села Мартиновки, отъ которой степь отдѣлялась дорогой; за рѣкою Уткою—также земли Мартиновки. Съ сѣвера, между Уткою и Вердеревской рѣчкой, прилегали земли: села Хвастовцовъ, Печерскаго монастыря, на которой находился монастырскій хуторъ, и земли хутора Зарукавнаго, принадлежавшаго графу К. Г. Разумовскому.

Къ западу отъ Калчиновки, на луговомъ возвышеніи находился хуторъ калчиновскій съ домомъ для коммиссара. Въ этотъ хуторъ шла прямая дорога изъ Большихъ Вердеръ чрезъ Калчиновку. Между Рундевизе и Калчиновкой, ближе къ послѣдней, была отведена земля для коммиссара.

9) *Планъ полковому городу Миргороду съ ближнею ситуаціею.* Рѣка Хороль полуокружностію огибала городъ съ сѣвера, и на западѣ отдѣляла отъ себя протокъ, въ мѣстѣ сообщенія котораго съ рѣкою устроена плотина въ 65 саж. длины, для удержанія къ мельницамъ воды.

Черезъ Хороль шла дорога къ Лубнамъ. Направо, у дороги,—предмѣстье, а нѣсколько далѣе, у озера,—часть села Медвѣдевки; налѣво, между дорогой и протокомъ,—поселеніе, называемое Прилипки; между протокомъ и рѣкою—островъ съ поселеніемъ Харкивкою.

Городъ занималъ полукругъ, образуемый Хоролемъ. Восточная часть его, при рѣкѣ, окружена валомъ съ 4-мя въ немъ воротами: Сорочинскими—на Ю., Мескими (городскими)—на З. Звонишными—на СЗ. и Малыми—на СВ. Были прежде ворота и на востокъ, къ рѣкѣ, и хотя они не существовали во время составленія плана, однакожъ означены на немъ.

На западъ отъ вала, выдѣляя къ рѣкѣ сѣверную часть полукруга, простирался до другаго края рѣчной дуги *ретранжаментъ, которой селитренными заводчиками изрытъ такъ, что по набережной стороны ретранжаманта мало што осталось, а близъ плотины къ мельницамъ великія бугры навожены земли, а въ другихъ мѣстахъ по всему ретранжементу прокопы.*

Изъ ретраншамента шли двѣ дороги: на западъ—хорольская, на югъ—въ Богачку и Густивицы.

Въ крѣпости находилась соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ ретраншаментѣ: церковь Воскресенія Христова и торговыя лавки—возлѣ крѣпости. Обывательскія строенія находились внутри укрѣпленій и внѣ ихъ.

Городъ былъ заселенъ весьма неправильно и не густо: между кварталами, крайне неровными, находились обширные

пустыри, такъ что совершенно вѣрно можно сказать о всей площади, занимаемой Миргородомъ, что половина ея занята строеніями и огородами, другая же лежала впустѣ.

Величина крѣпости: 210 саж. длины, 90 саж. шир., ретраншамента—335 саж. дл. и 160 ширины.

10) *Планъ города Нова Городка споказаніемъ воономъ какъ въ городе, такъ и вне города казенному и обывательскому строенію.* Новгородокъ былъ расположенъ на правомъ берегу Десны, которая вдается въ городъ лукою, въ видѣ буквы П. Къ сѣверу отъ луки идетъ низменность съ двумя вѣтвями на В. и З. По главной низменности текъ въ Десну ручей, съ которымъ сливались другіе два съ вѣтвей низменности. Къ восточному углу луки примыкала также низменность съ ручьемъ. Отъ нея на югъ шла дорога въ Стародубъ. Отъ другаго угла протягивалась возвышенность, по прямой линіи, въ западномъ направленіи, выдѣляя къ Деснѣ довольно широкій лугъ. Эта возвышенность, не выходя изъ города, круто поворачиваетъ на югъ къ самой рѣкѣ. Здѣсь, надъ лугомъ и надъ рѣкой, расположенъ былъ Новоспасскій монастырь, къ которому съ З. примыкало нѣсколько обывательскихъ строеній.

Вдоль этой возвышенности была расположена значительная часть города, который у самаго угла луки былъ обнесенъ земляннымъ валомъ и заселенъ чрезвычайно густо. Въ укрѣпленіи находились: соборная церковь Успенія, Воскресенія Христова—близь западнаго вала, къ внѣшней сторонѣ котораго примыкали кузницы, мимо которыхъ изъ крѣпости выходила дорога въ Глуховъ; церковь Рождества Христова—также недалеко отъ сѣвернаго вала, сотенная канцелярія и торговыя лавки—возлѣ соборной церкви.

Въ этой же части города, внѣ укрѣпленій, находилась церковь Воздвиженія Креста Господня и возлѣ монастыря—церковь Живоначальныя Троицы.

Остальной городъ лежалъ, большею частію, на упомянутыхъ низменностяхъ и только отчасти на возвышеніяхъ, заключающихся между первыми. Здѣсь означены слѣдующія мѣста: между крѣпостнымъ валомъ и сѣвернымъ ручьемъ—церковь св. Николая;

на возвышенности, противъ восточнаго угла луки—церковь Покрова Богородицы; въ углу, образуемомъ главнымъ ручьемъ и лѣвымъ его притокомъ—церковь Благовѣщенія Богородицы.

Величина крѣпости—280 рутъ длины и 215 рутъ ширины.

11) *Планъ города Нежина споказаніемъ крѣпостнаго казеннаго и обывательскаго строенія.* Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Остра.

На лѣвомъ находился замокъ длиною до 150 саж., шириною—до 90 саж. съ нѣсколькими обмоинами и обвалами насыпей. Изъ замка, въ разныхъ мѣстахъ, выходили тропы чрезъ крѣпость и ровъ. Половина замка, обращенная къ рѣкѣ была почти не застроена. У вала, обращеннаго къ рѣкѣ, находились: ниже—провіантскій магазинъ, выше—комендантскій домъ, между ними—пороховые погреба; въ центрѣ замка: церковь Богоявленія Господня и пороховые погреба. Комендантскій домъ огибала гауптвахта. Между упомянутыми мѣстами на планѣ не означено никакихъ строеній.

Другая половина замка, юго-западная, доходившая до небольшого озера, была занята обывателями.

Продолженіе въ обѣ стороны прирѣчнаго вала замка составляло земляной валъ крѣпости, огибавшей, въ видѣ параллелограма, замокъ. Ширина ея 235 сажень, длина до 400 саж. Внѣ крѣпости были обывательскія строенія и при сѣверо-западномъ ея углѣ, недалеко отъ рѣки, мясной рядъ.

Между прибрежнымъ валомъ и рѣкою находились городскія постройки.

Изъ крѣпости былъ переѣздъ рѣки чрезъ три моста: къ первому вела дорога изъ крѣпости мимо с.-зап. насыпи замка, къ 3-му изъ с.-зап. края крѣпости; средній находился въ равномъ разстояніи отъ обоихъ и проходилъ чрезъ островъ. На лѣвой сторонѣ этого моста находились мельницы водяныя.

Внутри крѣпости были слѣдующія общественныя зданія: вокругъ замка, начиная съ юго-восточной его стороны,—церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, полковой острогъ—у южнаго берега упомянутаго озера, купеческія лавки, отъ которыхъ шла дорога мимо замка къ мосту. Налѣво отъ дороги—церковь Жи-

вотворящей Троицы, по сосѣдству, лѣвѣе,—греческій монастырь; рядомъ съ нимъ, за лавками,—церковь св. Николая, еще далѣе, также за лавками, ближе къ нимъ церковь Космы и Даміана, а нѣсколько далѣе—церковь Успенія Богородицы.

Въ незначительномъ разстояніи отъ греческаго монастыря и Николаевской церкви, въ с.-зап. углу крѣпости, находился монастырь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; далѣе, въ этомъ же направленіи,—церковь св. Іоанна Богослова.

Городъ занималъ и другую сторону рѣки; часть его была обнесена ретраншаментомъ, который начинался у рѣки, противъ ю.-вост. края замка и который на планѣ означенъ только отчасти. Планъ имѣетъ въ виду представить укрѣпленія; поэтому показаны на немъ только прилегающія къ нимъ обывательскія строенія.

12) *Планъ города Ирилукъ споказаніемъ воономъ казеннаго и обывательскаго строенія.* Весь городъ обнесенъ былъ земляннымъ валомъ. Средина сѣверной стороны его была вмѣстѣ съ тѣмъ насыпью замка, который отсюда простирался внутрь города. На каждой изъ 4 сторонъ крѣпостнаго вала находилось по одной башнѣ. Онѣ назывались: южная—Пирятинскою, сѣверная—Млиновою, восточная—Скутовскою и западная—Кіевскою. Ширина крѣпости, отъ Пирятинской до Млиновой башни, 177 сажень; длина, отъ Скутовской до Кіевской, 255 саж. На западной сторонѣ замковой насыпи находилась Кіевская башня, направо—пороховой погребъ—возлѣ самой башни, нѣсколько далѣе—полковой магистратъ, еще далѣе, при насыпи, общей съ крѣпостью—счетная коммиссія; налѣво отъ башни—острогъ, далѣе, на самомъ югѣ замка,—церковь св. Николая. Противъ нея валъ прерывался. Всѣ эти мѣста находились у самыхъ насыпей. Въ центрѣ помѣщались: погребъ для содержанія денежной казны, южнѣе — кордегардія, восточнѣе—полковая канцелярія. Кромѣ этихъ, на планѣ еще означены 8 мѣстъ, но не поименованы.

Къ южной сторонѣ замка примыкала площадь, занятая лавками, одинъ рядъ которыхъ находился у самого замковаго вала, между перерывомъ его у Николаевской церкви и Кіевскою башней, въ 25-саженномъ разстояніи отъ которой онъ прекра-

щался. На восточной сторонѣ той же площади, почти противъ перерыва вала, находилась церковь Преображенія Господня. Тамъ же, между лавками и Пирятинскою башней, находились церкви: Рождества Богородицы—ближе къ лавкамъ и далѣе—св. великомуч. Варвары.

13) *Планъ города Стародуба споказаніемъ воономъ какъ вгороде, такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Описаніе плана не приложено. Городъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ р. Бобынца, который входилъ въ него съ С., потомъ поворачивалъ на В. и далѣе—снова на сѣверъ. Такимъ образомъ Бобынецъ составлялъ два колѣна—восточное и западное. Въ первое изъ нихъ впадала, съ Ю., рѣка Бычокъ съ плотиной въ мѣстѣ соединенія.

Между Бобынцемъ и Бычкомъ заключалась часть города съ церковью посреди. Внѣ этой части города было озеро, недалеко отъ Бычка. Отсюда чрезъ Бобынецъ шла плотина съ мельницей при ней. Въ западное колѣно Бобынца вливалась въ западномъ направленіи р. Ланковка съ южнымъ своимъ притокомъ р. Митяевымъ. Ланковка также пересѣкалась двумя плотинами съ мельницами при нихъ.

Главная часть города лежала на лѣвомъ берегу Бобынца и Ланковки. Чрезъ эту часть протекалъ ручей (названіе не показано) съ З., поворачивалъ на Ю. и вливался въ Ланковку недалеко отъ соединенія ея съ Бобынцемъ. Въ срединѣ города, близко къ рѣкѣ, былъ квадратный замокъ, одна сторона котораго составляла 380 саж. Замокъ раздѣлялся насыпью пополамъ. Въ южной половинѣ находились 4 церкви; въ сѣверной—2 церкви. Внѣ замка, у юго-восточнаго его угла была церковь, у западной стороны—другая. Вокругъ замка, почти на равномъ отъ него разстояніи, именно 225 саж., находились еще 4 церкви. Первая—противъ ю.-вост. угла, вторая—противъ ю.-зап., третья—тамъ же и четвертая—противъ с.-вост. угла замка.

На правомъ берегу Бобынца, противъ замка, расположена была другая часть города, менѣе значительная. Она соединялась съ замкомъ плотиною, при которой были мельницы, и другою плотиною, также съ мельницами, сообщались сѣверныя края

обѣихъ частей. Въ этой части города были только 2 церкви: первая—противъ плотины, идущей къ замку, вторая—далѣе отъ нея къ С. Такимъ образомъ въ городѣ было 15 церквей и 6 плотинъ.

14) *Планъ города Лубенъ споказаніемъ вооном какъ вгороде такъ ивне оного города казенному и обывательскому строенію.* Лубны расположены были на высокомъ правомъ берегу Сулы, изрѣзанномъ ярами внутри и внѣ города.

Внутренняя часть города была обнесена земляным валомъ самой неправильной формы. Наибольшая длина этой крѣпости 470 саж., ширина до 200 саж. Здѣсь наиболѣе было зданій, изъ которыхъ на планѣ поименованы: на юго-восточномъ краю—острогъ, отдѣленный валомъ; въ восточной половинѣ крѣпости—въ центрѣ ея—церковь Рожд. Богородицы и при ней торговыя лавки; между нею и восточнымъ валомъ, почти посрединѣ,—канцеляріи 1-й, 2-й, и 3-й сотенъ, къ С. отъ сихъ послѣднихъ, у самого вала—полковая канцелярія.

Отъ Рождество-богородичной церкви на З. шла улица, на лѣвой сторонѣ которой находилась аптека; къ ней съ Ю. примыкала церковь Живоначальныя Троицы, отъ которой саженяхъ въ 30, къ ЮЗ., была церковь великомученицы Варвары. Къ З. отъ крѣпости—кузницы, еще далѣе, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости—кордегардія, мимо которой къ З. шла дорога въ разныя села.

Къ Ю. отъ упомянутаго острога, внѣ крѣпости, въ 30 саж. отъ нея, находилась церковь св. Николая. На ЮВ. отъ нея на берегу—кордегардія, отъ которой—мостъ чрезъ рѣку; а на ЮЗ., почти въ такомъ же разстояніи—старый артиллерійскій дворъ. На рѣкѣ, ниже моста, почти противъ Троицкой церкви, находилась плавучая водяная мельница. У сѣверо-западнаго угла крѣпости была площадь, отъ которой шла большая дорога на Кіевъ.

15) *Планъ города Гадича споказаніемъ вооном какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Гадячъ занималъ правый берегъ Псла, который течетъ здѣсь съ С. на Ю., и противъ замка, примыкавшаго къ нему, образуетъ довольно значительный островъ, въ 87 саж. длины и 40 саж.

шир. Ниже, возлѣ него, плотина съ мельницами. Оба берега низки, и къ рѣкѣ примыкали только постройки крѣпости, которая съ этой стороны не имѣла вала. Въ прочихъ мѣстахъ городъ былъ значительно удаленъ отъ рѣки.

Средина его обнесена валомъ, въ видѣ четырехугольника, юго-западная сторона котораго вогнута внутрь, а сѣверо-восточная выдалась угломъ въ городъ. Длиннѣйшая сторона крѣпости—284 саж., шир. 230 саж.

Въ юго-восточномъ углу крѣпости находился замокъ сажень 60 длиною, до 30 шириною. Южная сторона его была общая съ крѣпостью, а между восточною его стороною и юго-восточною крѣпости было 18 саж. разстоянія. Къ сѣверо-западному углу замка примыкала площадь съ торговыми лавками; на западной сторонѣ ея находилась полковая канцелярія, къ которой съ С. примыкалъ острогъ. Въ юго-западномъ углу крѣпости были, смежно одна съ другою, канцеляріи 1-й и 3-й сотенъ. Противъ юго-восточнаго угла площади, въ которомъ церковь Успенія Богородицы, находилась, недалеко отъ рѣки, церковь Архангела Михаила. Сѣверо-западный уголъ площади выходилъ рукавомъ на сѣверъ, внутрь крѣпости; въ концѣ его—церковь Богоявленія Господня. Далѣе отъ нея, къ сѣверу же,—двѣ церкви: Петра и Павла и св. Николая; первая—ближе къ западному валу, а вторая—къ рѣкѣ.

При внѣшней сѣверной сторонѣ крѣпости, гдѣ она выдается угломъ внутрь города, находились: печь для обжиганія кирпича и кирпичный заводъ. При западной внѣшней сторонѣ вала, у входа въ крѣпость, находились кузницы и при нихъ—мясной рядъ, на площади, примыкавшей къ юго-западной сторонѣ вала. Къ югу отъ площади, саженяхъ въ 50, была церковь Преображенія, а далѣе, въ томъ же направленіи, вела за городъ улица, въ концѣ которой, на правой сторонѣ, находился старый артиллерійскій дворъ. Мѣстность, занимаемая Гадячемъ, весьма похожа на лубенскую—она также прорѣзывается ярами, также изобилуетъ садами.

16) *Планъ города Полтавы съ показаніемъ вооном какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.*

Экспликація не приложена. Центръ города обнесенъ валомъ, имѣвшимъ видъ окружности. Длина крѣпости 320 саж., шир. 250. Отъ западнаго вала начинался узкою полосою яръ, который далѣе къ В. постепенно расширялся и, вышедши изъ крѣпости, образовалъ обширную низменную равнину, огибавшую восточную и сѣверную часть крѣпости. Въ этомъ яру, внутри крѣпости, начинался ручей изъ маленькаго озера и текъ сначала съ запада на востокъ, потомъ, по выходѣ изъ крѣпости, дугою поворачивалъ на С. и въ концѣ города—снова на В.

Внутри крѣпости находились: направо отъ ручья, немного ниже его начала, на горѣ, церковь; налѣво, нѣсколько выше начала ручья—другая церковь, а лѣвѣе—третья; къ В. отъ нихъ, на краю лѣваго возвышенія, надъ ручьемъ—четвертая церковь.

Внѣ крѣпости означена на планѣ только одна церковь—на правомъ берегу ручья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на сѣверъ. Въ западной же части города, довольно густо заселенной и сравнительно съ прочими обширнѣйшей, не означено ни одной церкви. Эта часть города была защищена съ запада валомъ, который обоими концами упирался въ низменности, окружавшія городъ.

Въ городѣ было довольно садовъ и мѣстъ незаселенныхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. На этотъ разъ печатаемъ: три письма гр. П. В. Завадовскаго (род. 1738 † 1812), четыре письма Дм. Пр. Трощинскаго (род. 1749 † 1829) и одно письмо дюка де-Ришелье († 1822 г.). Изъ этихъ писемъ наиболѣе интересно четвертое письмо Трощинскаго, гдѣ онъ говоритъ о малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Лобановѣ-Ростовскомъ (Яковъ Ивановичъ, 1808—1816), который въ «его неукротимой ненависти и злобѣ ко всему краю, не престаетъ угнетать жителей края самовластными своими поступками».... Этотъ рѣшительный отзывъ о генералъ-губернаторствѣ кн. Лобанова человѣка такой осторожности какимъ былъ Трощинскій возбуждаетъ желаніе собрать побольше фактическаго матеріала о дѣятельности генералъ-губернаторовъ первой четверти настоящаго вѣка, кн. Ал. Б. Куракина (1802—1808), кн. Лобанова-Ростовскаго и наконецъ кн. Н. Г. Репнина. Тутъ первымъ шагомъ должно быть разъясненіе вопроса: сохранились ли архивныя бумаги объ административной дѣятельности названныхъ лицъ и если да, то гдѣ таковыя находятся?—*Ред.*

III. Письма графа П. В. Завадовскаго.

1) Милостивый государь мой Михаилъ Павловичъ!

Писмомъ вашимъ изъ Багмута, вы мнѣ препоручаете старатся о дѣлѣ г. Депераловича. Я то здѣлаю, и буду очень радъ, естли успѣю въ моемъ ходатайствѣ.

Милиціоннымъ другомъ (?) правитъ та судебина, что хотящего ведетъ, нехотящего тащитъ. Ратовати не новое дѣло для васъ. Желаю да возгремятъ ваши подвиги, посѣкая и прободая Луну оружіемъ нашихъ предковъ.

Я не знаю въ которую сторону ваша дорога лежитъ, но на всякомъ мѣстѣ будте здоровы и продолжайте любить пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ вашего пр-ва покор. слуг. Г. Петръ Завадовскій.

С. П.-бургъ. Апреля 22. 1807 г.

2) Августа 10-го. П.-градъ.

Очень признателенъ и весьма вамъ благодарю, любезный братецъ М. П., за бѣлье столовое, которое получилъ отъ Харламова. Не дорого и доволно хорошо: но ежели еще лучше достать ровной случай имѣете, то одолжите меня и болше. Доброта сего товара тѣмъ лутче, чемъ тоньше и гуще. При продажѣ, лоскъ скрадываетъ сію статья, а мытье первое открываетъ. Вы здраво судите: что завеличину (?) лишнее деньги плотимъ, когда замѣнить оную можно нѣсколькими гарнитурами тойже доброты дешевле покупаемими. И пространство, и сокращеніе предаю въ вашу волю только бы сложность была одинакого разбора. За все плату требуйте отъ брата Ильи Васильевича, которую вамъ доставлять я его просилъ. Мое дѣло расточать, а его платить. Не менше благодаренъ вамъ и за пищу моей страсти къ собакамъ. Хочется погонять ..... [1]) въ свою волю стародубовскихъ зайцевъ. Но уже тѣмъ не льщуся, чтобъ купно съ вами объѣздить понуровскія поля; вмѣсто сего удовольствія хотя то будетъ, ежели вашъ подарокъ возметъ первенство надъ моими резвѣйшими. Я не знаю польскихъ собакъ, опричъ гладкихъ хортѣхъ, которые на видъ только хороши, а ногами тупицы, но могу по малой въ томъ практикѣ ошибаться. Есть порода старинныхъ хортовъ польскихъ у *г. Курдмановскаго*, брудастая; изъ таковыхъ онъ мнѣ подарилъ кобеля прекрасного и пререзвого. Крѣпость и резвость вмѣстѣ такъ сказать невѣроятныя. Пощитись отъ его псарни и не другой какъ сей породы; ибо у его только одного ведется оная. Я не могу отвести щенковъ, понеже выходятъ по сукамъ, а не въ породу кобеля; суки же единоплеменной не имѣю, и достать опричъ его не у кого. Помѣщикъ сей и славный коноводъ, и въ Аравіи не лутчіе какъ у его аргамаки.

Прощай, будь здоровъ. Прими мою привязанность купно съ усерднымъ почтеніемъ.

Вашъ покор. братъ и слуга Г. П. Завадовскій.

---

[1]) Неразобрано слово.

3) Октября 20-го.

Я очень радъ, любезный М. П., твоему богатырскому подвигу, съ которымъ и съ наградою за оный тебя поздравляю искренне.

Увѣдомь меня пожалуй какъ себя Степанъ Ширай ведетъ. Всю ли Солову на карты проставилъ, или еще какая нибудь кроха осталася? О его мотовствѣ слухомъ полны мои уши. Воюй всегда щастливо. Сего тебѣ желаетъ отъ всего сердца пребывающій съ почтеніемъ и усердіемъ вашимъ покор. брат. и слугою. П. Завадовскій.

Изъ добытыхъ въ турецкомъ лагерѣ борзыхъ сбереги и для меня сворю (sic) лихихъ.

IV. Письма Дм. Пр. Трощинскаго, 1798—1813 г.

1) Милостивый государь мой Михайла Павловичъ! Вашему превосходительству, конечно, не безъ извѣстно, въ какомъ расстроенномъ состояніи покойный Лука Михайловичъ Лукашевичъ оставилъ имѣніе свое и дѣтей. Теперь, проѣзжая чрезъ Борисполь, тронутъ я былъ безмѣрно жребіемъ бѣдной сироты, дочери его, въ отческомъ домѣ живущей, тогда когда два ея братья, находясь на службѣ, не могутъ подать ей никакого пособія. Они упросили одного знакомаго имъ офицера вступиться въ распоряженіе разореннаго ихъ имѣнія и сего то офицера г. Ремерса, который будетъ имѣть честь вамъ сіе представить, нашолъ я достойно занимающагося всѣмъ тѣмъ, что хотя мало можетъ облегчить тяготу сиротскаго состоянія. Человѣколюбивому сердцу вашего превосходителства препоручаю я защиту бѣдныхъ сиротъ и вспоможеніе имъ въ тѣхъ дѣлахъ, съ коими они къ вамъ черезъ посредство г. Ремерса прибѣгать будутъ. Я просилъ о томъ же и Александра Андреевича (Безбородка) и увѣренъ, что ни онъ, ни вы не откажите жалостному семейству вашего покровителства. Имѣю честь пребыть всегда съ отличнымъ, совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходителства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 6, 1798.

2) Милостивый государь мой М. П. Вчера только возвратился я сюда изъ польскихъ моихъ деревень, и по встрѣтившимся въ оныхъ обстоятельствамъ, необходимо долженъ буду дождаться здѣсь Александра Андреевича, который изъ объѣзда губерній будетъ сюда 28 нынѣшнаго мѣсяца. Перваго же октября я полагаю, растав-шись съ святыми мѣстами, заѣхать еще разъ въ малороссійскую мою деревню и оттуда, ни мало не мѣшкавъ, отправиться уже въ Петер-

бургъ, неся съ собою пріятнѣйшее воспоминаніе того дружескаго обращенія и множества знаковъ благосклонности, кои я видѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и между которыми ваши я щитаю для себя наиобязательнѣйшими. Между тѣмъ и еще одного опыта дружбы вашей испрашиваю, позволить г. городничему нѣжинскому Вольховскому, хотя подъ какимъ ни есть видомъ, начальничьяго препорученія увидѣться со мною на кратчайшее время, въ деревнѣ моей Кибинцахъ и поспѣшить снабдить его на то вашимъ предписаніемъ. Впрочемъ будьте увѣрены объ отличномъ моемъ почтеніи и искренней преданности, съ коими навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 24. 1798.

3) Милостивый государь мой М. П. Я не могу оставить здѣшнихъ мѣстъ, чтобъ не поблагодарить ваше превесходительство еще разъ за тѣ выгоды, какія я по предписаніямъ вашимъ имѣлъ во всѣхъ случаяхъ, проѣзжая губернію вашего начальства, а равномѣрно не могу обойтися, чтобъ не утрудить васъ новыми просьбами, изъ коихъ *первая*, чтобъ къ старинным друзьямъ моимъ г-дамъ Базилевскимъ были вы милостивы и въ дѣлахъ ихъ, какіе до васъ доходить будутъ, не отказали имъ вашего покровительства; *вторая*, о равномѣрномъ покровительствѣ и защитѣ бѣдныхъ сиротъ Левенцевыхъ; *третья* же, и самая прилѣжнѣйшая, чтобъ вы продолжали ко мнѣ вашу дружбу, коей я всегда и вездѣ искренно соотвѣтствовать обязуюсь, за удовольствіе поставляя сохранить къ вамъ то совершенное почтеніе, съ коимъ навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорн. слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

4) Милостивый государь мой М. П. Вы не повѣрите, мой почтеннѣйшій другъ, сколь прискорбно мнѣ было лишиться того удовольствія, которое вы мнѣ обѣщали доставить посѣщеніемъ на возвратномъ вашемъ пути изъ Полтавы; но когда сіе не исполнилось, я не смѣю винить васъ, а сѣтую на судьбу, которая всѣми образами противъ меня ожесточилась. Главнѣйшія же удары ея чувствую въ неукротимой ненависти и злобѣ ко мнѣ и ко всему здѣшнему краю кн. Лабанова, не престающаго угнѣтать насъ самовластными своими поступками. Онъ повидимому, узнавъ о моей на его жалобѣ, а можетъ быть удостовѣрясь, что оная въ комитетѣ министровъ оставлена безъ вниманія, усилилъ къ отягощенію несчастной сей губерніи и ко мщенію мнѣ явно клонящіяся своевольныя и беззаконныя дѣйствія, и я вынужденъ былъ объ оныхъ новыя здѣлать представле-

нія офиціальнымъ отношеніемъ моимъ къ его высокопревосх-ву Сергѣю Кузмичу (Вязмитинову), яко занимающему мѣсто министра полиціи, отъ коего всѣ дворянскія сословія зависятъ, и партикулярнымъ письмомъ къ его сіятельству графу Николаю Ивановичу (Новосильцеву), какъ предсѣдательствующему въ комитетѣ министровъ. Вы, любезнѣйшій другъ, позволяете мнѣ поручать вамъ коммиссіи свои: можетъ ли же быть важнѣйшая той, чтобъ споспѣшествовать избавленію насъ отъ ига несносно обременительнаго? и для того всеубѣдительнѣйше прошу васъ принять къ сострадательному сердцу общія несчастія наши, и быть за насъ прилѣжнымъ ходатаемъ.— Жалобы мои какъ прежнія, такъ и нынѣшнія, подкрѣплены столь ясными доводами, что разсматривающимъ оные безпристрастно, не дозволятъ ни малѣйшаго сумнѣнія. Такъ неужель и послѣ сего захотятъ еще оставить милiонъ людей, удручаемыхъ единымъ самоволіемъ начальника, поставившаго себя выше всякаго закона и всѣ преграды онаго опровергнуть дерзнувшаго.—Еще разъ прошу и заклинаю васъ всѣмъ что для васъ свято, употребите гдѣ слѣдуетъ дѣятельное ваше настоянiе, и поспѣшите дружески увѣдомить меня о послѣдствіяхъ сего дѣла, не одного меня, но весь край здѣшній чрезвычайно много интересующаго. Чтобъ не обременять васъ болѣе своей іереміадою, заключаю сіе увѣреніемъ непоколебимыхъ чувствъ совершеннѣйшаго къ вамъ почтенія и искреннѣйшей преданности, съ коими по конецъ дней моихъ пребуду. М. г. мой в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Кибинцы. Ноября 13. 1813.

V. Письмо дюка де-Ришелье, 1817 г.

Милостивый государь Михаилъ Павловичъ!

Трудно мнѣ выразить съ какимъ удовольствіемъ получилъ я почтеннѣйшее письмо вашего пр-ва, изъ Стародуба, отъ 20-го іюля, и сколько былъ чувствителенъ къ тому, что вы меня помните, и сохраняете прежнее ко мнѣ благорасположеніе. Прошу васъ принять удостовереніе какъ въ искреннѣйшей моей благодарности, такъ и въ нелестной и всегдашней приверженности.

Сохраняя прежнія чувства мои къ Одессѣ и всему Новороссійскому краю, я не могу не радоваться намѣренію вашего пр-ва поселиться на берегахъ Чернаго моря. Учрежденіе въ Одессѣ лицея открываетъ всѣ способы къ воспитанію любезныхъ дѣтей вашихъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя мнѣ достоинства директора, почтеннаго аббата Николя, совершенною служатъ порукою въ будущихъ успѣ-

хахъ сего учебнаго заведенія, и обѣщаютъ неисчислимыя выгоды состороны наукъ и просвѣщенія не только для новороссійскихъ губерній, но для всей южной Россіи, и даже для окружныхъ чужихъ земель. Ваше пр-во повѣрите сколько я сожалѣю, что, удаленъ будучи обстоятельствами, не могу пріобщить слабыхъ трудовъ моихъ къ образованію сего заведенія, и наслаждаться вблизи постепенными успѣхами оного; но возрастающее ежедневно благоденствіе Одессы, и здѣсь доставляетъ мнѣ пріятнѣйшія минуты. Чтеніе письма вашего, и описаніе того, что вы нашли въ семъ городѣ, послѣ долговременнаго отсудствія, доставило мнѣ одну изъ таковыхъ минутъ. Ничего не можетъ быть лестнѣе для меня, какъ слышать одобреніе трудовъ моихъ изъ устъ того, кто былъ однимъ изъ первыхъ основателей благоденствія и образованности Новороссійскаго края.

Съ чувствами совершеннаго почтенія и истинной преданности имѣю честь пребыть навсегда, м. г., в. пр ва покорнѣйшій слуга Е. дюкъ де-Ришелье [1]).

Въ Парижѣ $^{10}/_{22}$ октября 1817.

Бѣгуны отъ науки. Въ произведеніяхъ писателей-украинцевъ процвѣталъ и пріобрѣлъ право гражданства типъ старинnаго академиста или бурсака, какъ неразборчиво они его называли, великовозрастнаго, лѣниваго, охотника до выпивки и неохотника до науки, къ которому эта наука, да еще схоластическая, шла также, какъ сѣдло къ коровѣ. Неувядаемые по комизму образцы этого типа представилъ Гоголь въ «Віѣ», особенно въ лицѣ Хомы Брута. Герои Нарѣжнаго, domine Галушкинскій-Квитки принадлежатъ къ той же блистательной ученой когортѣ. Комизмъ этихъ лицъ состоитъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи ихъ первобытныхъ, жизнерадостныхъ натуръ съ тою суровою, напыщенною и сухою школьною мудростью, которою они должны быть проникнуты. Академическая латынь и простодушный, хуторской складъ ея адептовъ, классическіе клички и термины и козацкіе ухватки и нравы — все вмѣстѣ представляетъ единственный въ своемъ родѣ, забавный контрастъ, на фонѣ котораго свободно разгулялось воображеніе писателей-юмористовъ. Созданныя ими лица безъ сомнѣнья нѣсколько утрированы, но они не выдуманы нашими авторами и сущность ихъ въ основѣ исторически вѣрна. При сужде-

[1]) Въ этомъ письмѣ только подпись собственноручная.

нiи о вѣрности изображенiй тѣхъ или иныхъ явленiй былого у нашихъ старыхъ писателей,—вѣрности, которой мы уже не можемъ провѣрить личнымъ наблюденiемъ,—слѣдуетъ принимать въ разсчетъ близость этихъ авторовъ къ изображаемому времени, преемственность преданiй и непосредственную связь ихъ съ той эпохой. Нарѣжный и Квитка прямо выросли среди людей прошлаго вѣка и многое изъ той старины видѣли еще своими глазами. Не мало видѣлъ и Гоголь, для великаго дарованiя котораго, при его способности историческаго проникновенiя, достаточно было и современныхъ ему аналогiй съ явленiями прошлаго и типичныхъ особенностей, еще живыхъ въ его время въ малороссiйской толпѣ. Пресловутые ученые «богословы» въ началѣ вѣка еще держали въ своихъ десницахъ бразды первоначальнаго образованiя, а они были плотью отъ плоти и костью отъ костей извѣстной части питомцевъ и академiи, и коллегiумовъ. Историческое существованiе этого типа встрѣчаетъ и документальныя подтвержденiя. Вотъ, вычитанный нами въ «Указной книгѣ» одной захолустной церкви прилукскаго уѣзда полтавской губернiи, указъ Рафаила Заборовскаго, направленный прямо противъ Хомы Брута, Халявы, Галушкинскаго и ихъ достойныхъ сподвижниковъ:

«Рафаилъ Заборовскiй, Божiею милостью православный архiепископъ кiевскiй, галицкый и малiя Россiи.

Вамъ, всечеснымъ протопопамъ, пречеснымъ iгуменамъ и всему причту духовному, Божiе благословенiе и наше архiерейское препославше, предлагаемъ: донеслъ намъ пастыревѣ пречесний префектъ академiи кiевской Iеронимъ Михневичъ, что многiе студенты, цѣлорочному ученiю своему окончанiя прежде времени, безъ письменихъ свѣдителствъ и патентовъ пречеснаго префекта нашего академiи кiевской, в Малороссiи в мѣста за Днѣпръ отходятъ самоволне. Того ради вамъ, симъ нашимъ архiерейскимъ указомъ, накрѣпко приказуемъ, буде гдѣ являтся студенти безъ пашпортовъ пречеснаго префекта академiи нашой кiевской, таковимъ, не токмо чинить угожденiя, но онихъ яко подозрителнихъ, непостоянихъ, словивъ, отсилать подъ арештомъ в Академiю нашу Кiевскую для учиненiя имъ за такое самоволство надлежащаго наказанiя, ибо за такими бездѣлниками, безъ пашпортовъ волочащимися, разныя неблагообразiя происходятъ. О семъ вамъ вѣдать и чинить и по обiкновенiю репортовать пастырски деклярuемъ з катедри нашой кiевской 1734 года iюня 24, вишеiменованiй Рафаилъ Архiепископъ».

Пользуемся случаемъ, чтобъ сказать два слова объ *указныхъ книгахъ*, въ одной изъ коихъ найденъ и приведенный документъ. Книги эти попадаются въ старинныхъ церквяхъ, гдѣ счастливая случайность или вниманіе настоятеля не окончательно истребили слѣды прошедшаго. Въ нихъ, помимо указовъ и распоряженій центральной власти, тексты которыхъ сохраняются и въ Собраніи Законовъ и въ архивахъ правительственныхъ учрежденій, встрѣчается множество распоряженій, указовъ и циркуляровъ мѣстнаго духовнаго управленія, драгоцѣнныхъ для будущаго историка южнорусскихъ духовныхъ дѣлъ и интересныхъ вообще по обилію бытовыхъ явленій, ими затрогиваемыхъ. Встрѣчаются здѣсь и гетманскіе универсалы, можетъ быть не сохранившіеся инымъ путемъ. Между тѣмъ не слышно что то, чтобъ было начато даже собираніе такихъ книгъ, число которыхъ годъ отъ году конечно уменьшается. Кое что по этой части видѣли мы въ маленькомъ, только что начатомъ, собраніи церковной рукописной и книжной старины при полтавской семинаріи. Гдѣ хранятся подлинники распоряженій кіевскихъ митрополитовъ и архіепископовъ? Съ какого времени заведены указныя книги при южнорусскихъ церквяхъ и можетъ ли быть достигнутъ систематическій и правильный ихъ подборъ? Вотъ вопросы, на которые хотѣлось бы обратить вниманіе заинтересованныхъ и свѣдущихъ людей и услышать необходимыя разъясненія. Г.

Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в.» (Кіевская Старина, 1890 г., книга I). Пересматривая названную статью и весьма любопытное къ ней приложеніе и зная хорошо, что для выясненія источника нашихъ старинныхъ лѣчебниковъ, какъ и всякихъ другихъ книгъ, служившихъ умственною пищею нашихъ предковъ, весьма нелишне приводить какъ можно болѣе однородныхъ явленій и примѣровъ изъ другихъ литературъ, особенно инославянскихъ, я счелъ нужнымъ сдѣлать къ вышеуказанной статьѣ нѣсколько, на мой взглядъ, довольно любопытныхъ прибавленій и сообщеній, которыя, быть можетъ, позволятъ расширить кругъ нашихъ историко-литературныхъ сближеній и сопоставленій.

Уже заранѣе можно предположить, что извѣстная близость нарѣчій другъ къ другу либо существованіе общаго книжнаго языка у разныхъ народовъ неизбѣжно должны содѣйствовать взаимному обмѣну ихъ литературныхъ произведеній и перенесенію тѣхъ или другихъ

явленій словесности часто на далекія пространства, сообразно, конечно, ихъ большей или меньшей внутренней цѣнности либо просто занимательности для читающаго круга. Латинскій и древне-церковно-славянскій языки были, какъ извѣстно, въ средніе вѣка главными, даже, можно сказать, почти единственными книжными языками, объединявшими народы: первый — романскіе и германскіе, 2 — славянскіе (за исключеніемъ чеховъ и поляковъ). Вотъ почему эти два языка и были главными распространителями по Европѣ всевозможныхъ произведеній словесности, значительная часть которыхъ и доселѣ еще таится на днѣ народной массы, составляя теперь такъ называемую простонародную литературу, если не во всѣмъ ея объемѣ, то во всякомъ случаѣ представляя очень замѣтный процентъ ея. Это и было главною причиною того любопытнаго явленія, что въ средніе вѣка во всей Европѣ отъ Атлантическаго океана, и до Уральскихъ горъ, можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, господствовалъ почти одинъ и тотъ же составъ литературныхъ произведеній, обращавшихся среди массы читающаго люда, съ незначительными, конечно, исключеніями и измѣненіями по мѣстностямъ.

И эта бродящая литература состояла не изъ однихъ только, такъ сказать, беллетристическихъ произведеній, питавшихъ присущую человѣку потребность художественнаго чтенія (каковы, напр., сказанія о семи мудрецахъ, всякія Александреиды, Римскія дѣянія, повѣсть о Петрѣ Золотыхъ Ключахъ и Бовѣ королевичѣ): напротивъ значительная часть ея представляла изъ себя отдѣлъ научный (для насъ конечно, псевдонаучный, каковы всѣ эти «Астрологи», Бестіаріи, Луцидаріи, Зелейники (иначе Травники, Цвѣтники и Лѣчебники), Аристотелевы врата, и пр., удовлетворявшій не менѣе важной и сильной потребности знать. Если первыя произведенія, представлявшія собою область, до извѣстной степени соотвѣтствовавшую теперешней «изящной словесности» служили пищей для воображенія, то вторыя старались давать посильный отвѣтъ на запросы ума либо требованія повседневной дѣйствительности, домашняго обихода тогдашнихъ людей. Нѣтъ нужды разъяснять, что всякіе лѣчебники, гербаріи («былинаріи» чеховъ) и др. должны были имѣть особенно значительное распространеніе въ виду важности ихъ практическаго примѣненія: это и понятно, ибо они давали посильные совѣты въ вопросахъ здоровья, всегда занимающихъ первое мѣсто среди вопросовъ и заботъ человѣчества.

Занимаясь въ Бѣлградскомъ «Народномъ» книгохранилищѣ, я обратилъ вниманіе между прочимъ на одну любопытную книгу «Славено—сербскій магазинъ, то есть Собраніе разныхъ сочиненій и преводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ. Въ Венеціи 1768 г., въ типографіи Димитрія Ѳеодосіева». Книга эта, изданная извѣстнымъ въ свое время Орфелиномъ Захаріею, состоитъ изъ статей довольно разнообразнаго содержанія; такъ, напримѣръ, на ряду со статьею «мнѣніе преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставляти въ Христіанскомъ Законѣ» въ ней помѣщена статейка совершенно иного рода, а именно: «Добродѣтели смоквы», гдѣ излагаются разныя почтенныя свойства смоквъ, или винныхъ ягодъ, полезныя при разныхъ болѣзняхъ. Вотъ эта то статейка и любопытна въ данномъ случаѣ, потому что совѣты, предлагаемые въ ней, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти совершенно тожественны, и не только по существу, но даже часто по словесному выраженію, съ совѣтами, находящимися въ вышеуказанномъ «Врачебникѣ», помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ». Сходство иногда до того поразительно, что невольно приводитъ къ мысли не только о возможности общаго источника этихъ двухъ книгъ, но даже о томъ, что или русская рукопись могла быть извѣстна въ Сербіи и послужить источникомъ свѣдѣній, заключающихся въ вышеупомянутомъ «Славено-сербскомъ магазинѣ», или же наоборотъ: сербская книга, попавши на Русь, могла доставить составителю южнорусскаго разношерстнаго «Врачебника» свѣдѣнія о лѣчебныхъ свойствахъ смоквы, какъ другія свѣдѣнія были заимствованы изъ другихъ источниковъ, восходящихъ, какъ замѣтилъ г. Потебня, къ XVII и даже (посредственно) къ XVI в. И то, и другое, въ виду существовавшаго тогда у русскихъ и сербовъ, можно сказать, литературнаго единства, одинаково возможно; слѣдуетъ только замѣтить, что русская книга въ то время была болѣе извѣстна въ Сербіи и проникала туда легче, чѣмъ сербская въ Россію...

Приведемъ выдержки изъ сербской статьи «Добродѣтели смоквы» и сопоставимъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами южнорусскаго «Врачебника», чтобы читатель имѣлъ возможность самъ судить о замѣчательной близости этихъ двухъ источниковъ, даже, повторяю, въ языкѣ и слогѣ, а не только по содержанію. Конечно, о полной тожественности въ языкѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и тогда, даже при существованіи у русскихъ и сербовъ общей книжной основы — древне-церковно-славянскаго языка — все же приходилось сербу под-

правлять нѣсколько языкъ русскихъ книгъ и статей, и наоборотъ, и особенно въ словарномъ отношеніи, что и естественно [1]).

Изъ «Врачебника».

1) Паки от каменнои болѣзни: По вся утра по три смокви, перцемъ *посипавши*, исти, такожъ и женою солью. *Хто* потолко-жъ смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменной болѣзни не боится, то к'то посля того два или три ножевихъ *вострей* той же женой соли особливо с'есть.

2) Паки от кашлю:

... нѣсколко смоквей положить въ крепкое *судно* и до них *насипати* сахару и, дополня крепкою *водкою* зажечь и *до тыхъ мѣстъ* горѣла бъ, *пока* самая *стухнеть*, и того оставшогось сока рано и вечер по *ложки* принимать.

3) О грудной болѣзни и одишки:

Взять нѣсколко смоквей и в анисной албо в простой чистой *водѣ* настоять и *по вся ранки* по двѣ смокве исти.

4) От болячокъ и пухлинъ:

Взять сирую или испекти смокву и столко жъ до нея приложити печеноѣ *цибулѣ* и оное истолочь, прикладати на болячки, пухлину и всякіе вреди.

Изъ «Славеносербскаго магазина».

1) *Тко* (=кто) свакогъ (=всякого) утра двѣ или три смокве, *посувше* женомъ солью, будетъ ѣсти, тому не треба боятися каменной болѣзни и худогъ воздуха. Токмо послѣ того надобно два или три ножева *верха* упоменуте жжене соли особливо изѣсти.

2) Тко великій кашель има, нека (=пусть) метне у едну *чинію* (=чашу) или другій каковъ крѣпкій сосудъ смокве и на нихъ треба *насути* сахара, пакъ дополнити жестокомъ *ракіомъ* (=водка), зажжечи ю (=ее) и оставити, нека *дотѣлѣ* горитъ, докълѣ сама *угаситсе*, а потомъ оставшій сокъ утромъ и вечеромъ по едну *кашику* (=ложка) принимати.

3) Кому перси больны и одышка, или весьма влажанъ, тому надобно нѣколико смокви у анизовой *розоліи* или простой ракіи намочити и *свакоѣ утра* по две смокве ѣсти.

4) Печена или сырова смоква съ толико печенымъ *лукомъ* смѣшана и истучена, кадъ се на сваку болячку, вредъ, отекъ и чирь поставитъ, одмах (=сразу) оное отеченое мѣсто умалива.

---

[1]) Въ печатаемыхъ выдержкахъ нѣкоторыя изъ такихъ словарныхъ различій отмѣчены курсивомъ.

5) На зубовъ болепьне: к тому жъ половину сирой или печеной смокви на болное мѣсто положить.	5) Отъ зубне болѣзни...., вземши половину печене или сырове смокве, положити *на болящее* мѣсто .....

Можно было бы еще увеличить количество примѣровъ (напр. «Въ родинахъ женамъ печоние смокви исти» во «Врачебникѣ» и «Печене смокве труждающимся у порожденію женамъ скорую къ освобожденію помощь даютъ» въ «Славеносербскомъ магазинѣ»); но, кажется, и вышеприведенныхъ достаточно для обосновки высказанныхъ нами мыслей. Въ настоящей замѣткѣ мы не беремся рѣшать вопросъ, чѣмъ объяснить вышеуказанное замѣчательное сходство русской и сербской статьи о смоквѣ: общимъ ли источникомъ обѣихъ или непосредственнымъ заимствованіемъ одной изъ другой. Мы только хотѣли, располагая подходящимъ матеріаломъ, привести его во всеобщее свѣдѣніе, авось либо и онъ принесетъ свою долю пользы кому нибудь изъ дальнѣйшихъ изслѣдователей.

А. Степовичъ.

Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. Первый изъ этихъ документовъ заключаетъ въ себѣ поданное императрицѣ Екатеринѣ эксъ-гетманомъ прошеніе объ утвержденіи акта, которымъ «малороссійское имѣніе» гр. Разумовскаго было имъ «записано» старшему его сыну гр. Алексѣю Разумовскому. Мы не знаемъ въ чемъ заключалась эта запись, но изъ отказа императрицы въ ея утвержденіи, полагать можно, что эксъ-гетманъ хотѣлъ малороссійскія свои имѣнія обратить въ майоратъ... Прошеніе гр. К. Разумовскаго печатаемъ съ подлинника, имѣющагося въ нашей б-кѣ.—Другой документъ составляетъ чью то замѣтку по поводу разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ прошенія старшаго сына эксъ-гетмана, гр. Ал. К. Разумовскаго—о пожалованіи его воспитанникамъ Перовскимъ дворянскаго достоинства [1]). Къ этой любопытной замѣткѣ присоединяемъ и особое мнѣніе, поданное гр. С. П. Румянцевымъ при разсмотрѣніи означеннаго ходатайства въ Государственномъ Совѣтѣ. Приводимую замѣтку и «мнѣніе» мы встрѣтили въ одномъ сборникѣ всякаго рода бумагъ (silva rerum) конца XVШ—нач. XIX в.

А. Л.

---

[1]) О Перовскихъ см. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, II, 112.

1) Всемилостивѣйшая государыня!

Безпредѣльною благодарностію къ щедротамъ вашего императорскаго величества побужденный на чистѣйшее желаніе оставить на вѣки въ отечествѣ и въ родѣ Разумовскихъ не поколебимый монументъ благодѣяній, излiянныхъ на меня ея императорскимъ величествомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государынею Елисаветъ Петровною и вашимъ императорскимъ величествомъ всемилостивѣйше утвержденныхъ, записалъ я старшему сыну моему графу Алексѣю Разумовскому малороссійское мое имѣніе. Таковое мое распоряженіе дерзаю при семъ представить предъ высокомонаршіе очи ваши, всеподданнѣйше прося вашего императорскаго величества, удостоить запечатлѣнія всевысочайшей конфирмаціи: да видятъ вину предъ собою роды родовъ моихъ великое и славное имя ваше изображенное на семъ памятникѣ матернею вашею милостію и благодѣяніями, да изыдетъ вѣщаніе ихъ въ позднѣйшее потомство мое, и сынове сыновъ моихъ возвѣстятъ щедроты ваши съ таковыми же чувствіями благодарности усердія и ревности, съ каковыми я всегда былъ безпредѣльно, и есмь непреложно до скончанія дней моихъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій графъ Кирила Разумовскій.

На этомъ прошеніи находится собственноручная гр. Разумовскаго надпись: «сіе писмо и записъ пріставлены были черезъ графа Безбородку ея величеству, но не угодно было конфирмовать».

2) «По вступившей въ Государственный Совѣтъ прозбѣ графа Разумовскаго, просившаго воспытанниковъ и воспытанницъ его Перовскихъ съ матерью ихъ утвердить въ дворянскомъ достоинствѣ и обѣщавшаго въ знакъ благодарности, для пользы общественной, знатныя пожертвованія: сто тысячь рублей, Государственный Совѣтъ судитъ въ минувшемъ году, что прошеніе графа Разумовскаго, достойно всемилостивѣйшаго соизволенія, но чтобъ въ указѣ о дворянствѣ Перовскихъ, не включать мать ихъ.

О таковомъ положеніи Государственнаго Совѣта графъ Разумовскій будучи увѣдомленъ, отъ предложеній своихъ на общую ползу отрекся, и Совѣтъ возвращается къ новому сужденію по сему предмѣту». Къ этому извѣстію присоединено слѣдующее: «мнѣніе графа Сергія Петровича Румянцова»:

Кто пріобыкъ къ человѣческимъ дѣяніямъ испытывать причины и предчувствовать послѣдствія тому не трудно заключить: 1-е), что

власть законодательная есть не иное что, какъ власть держать подданныхъ въ нравственности и правотѣ; что законы, не что иное суть, какъ объявленные къ тому правила, и можетъ ли законодательная власть, изъ уваженія къ деньгамъ, отойти отъ своего коренного начала? 2-е) Есть ли Совѣтъ, которому теперь стало извѣстно, что во подвигѣ графа Разумовскаго нѣтъ безкорыстной жертвы отечеству, будетъ домогаться у монарха въ пользу женщины, въ порокѣ по гражданскому закону, и въ слабости по общежитію погруженной, какой примѣръ укоренится въ сердца младости, когда силою избытка, пороки въ благовидное достоинство властію правительства облекаемы будутъ? Предположить теперь, что супруга графа Разумовскаго [1]), сама будучи крайне богата, свѣдавъ о сей прозбѣ, въздумаетъ въ помраченіе блистательной судьбы соперницы своей ..... выновницы, продолжительныхъ ея огорченій, пожертвовать на ..... пользу въ-двое противъ того приношенія, какое нынѣ во уваженіе пріемлется, и будетъ просить противнаго тому, чего нынѣ ..... супругъ ея. Въ какое странное положеніе поставила бы ..... и можно ли тогда безъ явной несправедливости ..... прозьбу невинной предъ закономъ и и предпочесть ..... своевольной страсти, ищетъ себѣ отли..... [2]).

Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». (Культурныя переживанія профес. Н. Ѳ. Сумцова. («Кіевск. Стар.» 90 г., № 2). Повѣрья малоросса объ «ужакѣ», сосущемъ корову, довольно разнообразны. Такъ, одни разсказываютъ, что это обыкновенный большой ужъ, живетъ онъ въ хатѣ, гдѣ-нибудь «пидъ прыцичкомъ». Когда дѣтямъ дадутъ молока, вылѣзаетъ и онъ, добиваясь къ мискѣ. Дѣти его прогоняютъ, бьютъ ложками по головѣ, но ужъ только пищитъ и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ напиться молока. Другіе говорятъ, что ужъ этотъ въ руку толщины и куцый, какъ бы обрубленный въ родѣ полѣна, съ большой круглой, какъ бы дѣтской, головой. Живетъ онъ на дворѣ и когда сосетъ корову—то обвивается вокругъ одной изъ ея заднихъ ногъ. Если такую, любимую ужемъ корову продать, за ней уходитъ и ужъ, предварительно свиснувъ оглушительнымъ образомъ. Кто этотъ свистъ услышитъ—то непремѣнно оглохнетъ. Наконецъ,—по словамъ третьихъ,—ужъ этотъ—

---

[1]) Графиня Варвара Петровна Шереметева.

[2]) Точками обозначены мѣста, истлѣвшія въ рукописи.

нѣчто четвероногое, въ родѣ кошки, покрытое, какъ и всякая гадина, «лустою», притомъ съ длиннымъ, какъ у ящерицы, хвостомъ и опять таки какъ бы съ дѣтскою головою. Живетъ онъ гдѣ нибудь въ гнощѣ вблизи любимой коровы и когда не сосетъ ее, то спитъ. Корова, которую любитъ ужъ—всегда необычайно добротна и даетъ вдвое, а то и болѣе, молока. Если такого ужа убить, то издыхаетъ и корова, такъ какъ она любитъ его и скучаетъ по немъ сильнѣе нежели по теленкѣ.

Профес. Сумцовъ, говоря, что вѣрованія объ ужѣ, сосущемъ корову,—лишено всякаго реальнаго основанія, приводитъ наблюденія естествоиспытателей Линка и Ленца, изъ которыхъ видно, что ужъ не только не терпитъ молока, но не принимаетъ никакого и другаго питья.—А между тѣмъ въ обыденной крестьянской жизни нерѣдко находятъ ужей не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ, но даже и въ самыхъ такихъ кувшинахъ. Въ поднѣпровьи екатеринославской губ., да, кажется, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, въ самомъ темномъ и прохладномъ углу сѣней, гдѣ нибудь за «дымаремъ»—устраивается небольшая въ 1—1½ кв. аршина крытая клѣтушка—молочникъ, такъ называемый здѣсь—*катухъ*. Земляной полъ такого катуха въ 1 или 2 четверти выбранъ и сюда въ лѣтнее жаркое время хозяйка прячетъ молоко, масло и другіе молочные продукты, чтобы имѣть ихъ всегда подъ рукою—«на похвати» и не лазить за ними часто въ погребъ. Въ послѣднее время такіе катухи стали въ крестьянскомъ хозяйствѣ выводиться, какъ говорятъ, оттого, что въ нихъ стали все чаще и чаще находить ужей и жабъ не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ но и въ самихъ кувшинахъ.—«Отце—одчинешъ дверчата—дывысь—ажъ зъ глека така гадына на ликоть высыть!—Обипьеться тварюка, та такъ въ глеку и захлынется».—Изъ любви ли къ молоку, или случайно ужи попадаютъ въ кувшины, неизвѣстно, но легко можетъ быть, что подобныя находки и породили въ народѣ вѣрованіе въ «ужаку», не только любящаго готовое уже молоко, но и способнаго самостоятельно добыть его отъ коровы. Представленіе же о немъ, какъ о четвероногомъ—могло возникнуть изъ общаго вѣрованія о змѣяхъ, по которому—всякая гадина имѣетъ скрытыя ноги и выпускаетъ ихъ, только уходя отъ опасности. Ногъ этихъ никому не доставалось видѣть, но если бросить змѣю въ огонь то она ихъ покажетъ. Поэтому то ребятишки, найдя змѣю, стараются обложить ее огнемъ въ надеждѣ, что она, спасаясь, покажетъ имъ свои таинственныя ноги.

Ив. М—ра.

Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». «Року 1683, мѣсяця февруарія 28 дня. Я Василь Вовъкъ, житель диканскій, вѣдомо явъно чиню симъ урядовимъ писмомъ: поневажъ я, панове маестрате полтавскій, за допущеніемъ бѣсовскимъ, викрочилъ былъ Яковови Гусакови, товаришови сотънѣ Иванининой козаковъ запорожскихъ, и то зъ подпилости зъ наважденія бѣсовского, а до того зъ запалчивости гнѣву, оному члонекъ ухо зубами откусилъ и зъ суду вашего врядового ведле наказаного декърету по дѣлу статуту права, въ роздѣлу первонадцать написанного, артикулу двадцать семого, повиненъ еднати поколь змогу, а що болша, абы Яковъ отъ товариства войска запорожского безъчестия и наруганія и въ потомние часи не поносивъ, видайте писмо ему Якову отъ уряду полтавскаго. Теди мы врядъ мѣский полтавский, видячи склонность и помѣрковане межи оними сторонами, видаемъ сие писмо врядовое презъ виступокъ Василевъ Вовковъ Гусакови Яковови для умовѣрности, бы оному такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко на полѣхъ и где колвекъ въ станехъ козацкихъ, нагани на честь и доброй славѣ его неиарѣкано, але і овшемъ при стародавной братерской любвѣ, яко зацного товариша, ховано, нащо для лѣпшой вѣри и певности, видаемъ сие писмо съ подписомъ именъ нашихъ. Дѣялось въ Полтавѣ, въ дому судовомъ, предо мною Тимошемъ Кгаефскимъ, полковникомъ наказнимъ, Филипомъ Остаповичомъ, судею наказнимъ, Ивана Красноперича, атамана городового, Максима Петровича, войта, Максима Павловича, бурмистра и при многомъ значномъ товариству Иванина, сотънина товариства войска запорожского, Миска Брижахи, Грицка Мовчаненка, Матѣя, писара куреня Щербинина, Ивана Шуги, Петрика Васюрина куреня и многихъ на тотъ часъ вѣри годнихъ персонъ туехмо (?) и на потомние часи велѣли въ книги мѣские полтавские вписать що и есть вписано, року и дня вишмененного дѣялося въ Полтавѣ». (Изъ «Книгъ мѣскихъ полтавскихъ», наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго).

Универсалъ Гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ [1]). Приводимый нами ниже универсалъ гетмана Разумовскаго касается порядка избранія сотниковъ и данъ имъ черниговскому полковнику Божичу вскорѣ по занятіи Разумовскимъ гетманскаго уряда

[1]) № 3405 южно-русскаго архива, при харьковскомъ университетѣ состоящаго.

(1751 г.) и возстановленіи Елизаветой Петровной всѣхъ малороссійскихъ правъ и вольностей. Изъ текста этого замѣчательнаго, на нашъ взглядъ, приказа интересующійся читатель увидитъ, что права и вольности малороссійскія, подтвержденныя Елизаветой Петровной на томъ основаніи, какъ то было при Б. Хмельницкомъ, въ сущности весьма измѣнились, а иныя и, при томъ важныя, намѣренно забывались, такъ что о фактическомъ, а не мнимомъ, бумажномъ возстановленіи ихъ приходилось заботиться самому гетману.

Таковъ, напримѣръ, сообщаемый нами случай, когда гетманъ, вслѣдствіе непорядковъ и злоупотребленій, обнаружившихся при избраніи сотника въ бѣлоусскую сотню, принужденъ былъ указать черниговскому полковнику истинный порядокъ избранія старшинъ и разъяснить ему, гдѣ кончаются его и начинаются козацкія права и дѣйствіе ихъ народныхъ обычаевъ.

Разъясненіе, сдѣланное Божичу, слѣдуетъ считать далеко не лишнимъ: изъ имѣющихся въ приказѣ Разумовскаго данныхъ о злоупотребленіяхъ при выборѣ сотника въ бѣлоусскую сотню видно, что въ порядкахъ избранія старшинъ замѣчались большіе, сравнительно съ старивой, недостатки. Вмѣсто избранія начальниковъ «вольными голосами» на открытой козацкой радѣ въ жизнь успѣлъ проникнуть совершенно другой бюрократическій принципъ—назначенія на вакантныя должности по представленіямъ и протекціи начальства, при чемъ, такъ какъ полковникъ въ своемъ полку занималъ наиболѣе вліятельное положеніе, то и роль его при распредѣленіи урядовъ была самая выдающаяся.

Изъ сообщаемаго примѣра полковника Божича усматривается, что къ половинѣ 18 вѣка власть полковника настолько расширилась, а козацкія права, оберегающія народныя гарантіи, настолько съузились, что вмѣсто избранія сотника вольными голосами всей сотни п. Божичъ представлялъ къ этой должности, по личному своему усмотрѣнію, нѣкоего Ярошевича, а дѣйствительные выборы совершенно игнорировалъ и даже о существованіи ихъ не доносилъ гетману, хотя на нихъ и были избраны, согласно обычаю, три кандидата.

Противъ этого злоупотребленія и направленъ былъ приказъ гетмана нижеслѣдующаго содержанія:

Графъ Кириллъ Разумовскій, Гетманъ и Кавалеръ.

Полковнику Черниговскому Господину Божичу.

Изшедшаго августа 28-го дня присланнымъ къ намъ доношеніемъ рекомендовали вы для произвожденія въ вакансовую бѣлоусскую

сотню настоящимъ сотникомъ Ивана Ярошевича у правленія той сотни имѣючагося, при чем и прошеніе за руками нѣсколькихъ человѣкъ козаковъ тамошней сотни, желающихъ его, Ярошевича, приложили: А той бѣлоуской сотни сотенная старшина съ многимъ числом козаковъ, поданнимъ намъ прошеніемъ представляли, что оны на мѣсто лишеннаго вовсе сотничего чина Малѣйскаго, по указу полковой черниговской канцеляріи, при харунжомъ полковомъ черниговскомъ Комаровскомъ, избрали обще въ тую сотню бѣлоускую на вакансовое мѣсто въ сотники зъ достойныхъ людей кандидатовъ, 3-хъ человѣкъ, значковыхъ товарищей Красовскаго, абшитованнаго хорунжого полкового сына Григорія Товстолѣса и одного зъ сотенной тамошней старшины, на которыхъ и выборы зъ подписомъ всѣхъ ихъ въ полковую черниговскую канцелярію подали; токмо де по оному въ оной полковой канцеляріи ничего не воспослѣдовало, о чемъ особливо и помянутый значковой товарищъ Красовскій представляя, просилъ себѣ опредѣленія въ тотъ сотничій чинъ: и понеже по таковымъ представленіямъ несогласнымъ, опредѣленія крайнего учинить невозможно о томъ, а по прежнему войсковому обыкновенію въ чины сотничіе выбираемы были вольными голосы люди заслуженіе и въ вѣрности неподозрительніе и за аттестатомъ полковника, полковой старшины и сотниковъ представляны къ гетману для опредѣленія: того ради повелѣваемъ вамъ по прежнему войсковому обыкновенію велѣть въ сотнѣ той бѣлоуской выбрать вольными голосы изъ людей заслуженныхъ и неподозрительныхъ въ вѣрности кандидатовъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ представить вамъ, а вы, собравъ полковую старшину и сотниковъ, обще всѣхъ оныхъ кандидатовъ при своемъ засвидѣтельствованіи о всякаго кандидата службѣ и достоинствѣ для крайнего опредѣленія имѣете къ намъ прислать, да и впредь на вакансовыя мѣста в старшину полковую и сотенную поступать по вышеписанному.

А что вы въ донесеніи своемъ отъ 28 августа писанномъ, представляя о непорядочномъ якобы безъ вѣдома вашего и старшины учиненія выборовъ оной бѣлоуской сотни и сотенной старшины и козаки на помянутаго значковаго товарища Красовскаго и что они безъ дозволенія сюда уѣхали просите объ уничтоженіи тѣхъ выборовъ и о присылкѣ ихъ съ товарищи обратно къ вамъ и за обиду вам нанесенную учинено бъ по надлежащему? То понеже оной бѣлоуской сотни сотняне въ челобитьи и прошеніи, намъ поданныхъ, представили яко съ сего паче резону принуждены тѣ старшина сотенная и козаки уѣхать сюда, что за подачею еще въ 1750 г. въ полковую

черниговскую канцелярію тѣхъ учиненныхъ по указу оной же полковой канцеляріи выборовъ тамо ничего къ пользе ихъ и чрезъ долгое время не послѣдовало, для того за сіе имъ непорядки приписывать и въ вину того ставить, слѣдовательно жъ и штрафовать ихъ, не доводится.

Изъ Глухова сентября 6-го 1751 году.

Гетман графъ Кириллъ Разумовскій.

Вышеприведенный приказъ (универсалъ) гетмана былъ сообщенъ черниговской п. канцеляріи, а затѣмъ бѣлоусской сотнѣ и сотняне выбрали себѣ «вольными голосы» 3-хъ кандидатовъ. Выборы произошли, какъ видно изъ имѣющейся переписки, слѣдующимъ образомъ: сотенная бѣлоусская старшина съ атаманами и знатными козаками собралась въ черниговскую полковую канцелярію, гдѣ имъ былъ снова прочитанъ универсалъ гетмана, а затѣмъ изъ «заслуженныхъ и въ вѣрности неподозрительныхъ и свою осѣдлость имѣющихъ значковыхъ товарищей» были избраны трое: Яковъ Красовскій, Григорій Товстолѣсъ и войсковой канцелярист Г. Дубовикъ. Имена избранныхъ кандидатовъ вмѣстѣ съ прошеніемъ избирателей были представлены въ полковую канцелярію для передачи гетману и утвержденія одного изъ кандидатовъ. На прошеніи подписалось до 30 человѣкъ старшинъ и козаковъ; незначительное число подписей объясняется тѣмъ, что около половины этого числа подписей дано было въ пользу упоминавшагося Ярошевича, исправлявшаго уже временно въ теченіи 2-хъ лѣтъ обязанности сотника. Объ утвержденіи себя на сотничьемъ урядѣ просилъ черн. полк. канцелярію и самъ Ярошевичъ, ссылаясь на свою 2-хъ лѣтнюю усердную службу. Съ именами кандидатовъ гетману были представлены и формулярные списки о службѣ каждаго изъ нихъ; кто-же былъ утвержденъ гетманомъ, намъ осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Ив. В. Теличенко.**

Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки.

(КЪ ПОРТРЕТАМЪ).

Прилагая къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“ фототипическій снимокъ съ портрета Ивана Стороженка, полковника прилуцкаго конца XVII вѣка, редакція предполагаетъ помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ снимокъ съ портрета его внука, бунчуковаго товарища Григорія Андреевича Стороженка.

Подлинники этихъ портретовъ сохранялись до недавняго времени у одного изъ потомковъ прилуцкаго полковника, землевладѣльца Михаила Павловича Стороженка, въ с. Ржавцѣ прилуцкаго уѣзда, и погибли во время пожара. Копіи имѣются у профессора Николая Ильича Стороженка въ д. Мармизовкѣ лохвицкаго уѣзда и у Владиміра Андреевича Стороженка въ с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда; теперь же сдѣланы еще копіи съ мармизовскихъ портретовъ для коллекціи Василія Васильевича Тарновскаго.

Прилуцкій полковникъ Иванъ Стороженко изображенъ въ преклонномъ возрастѣ. На столѣ стоятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ онъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ полковничью булаву. Внизу надпись: „року Божого ҂аѯчг (1693) [1]) февруарія еі (15) преставился рабъ

[1]) ѯ (60) поставлено по ошибкѣ вмѣсто х (600).

Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ в. и. ц. п. в. з. прилуцкій".

Портретъ бунчуковаго товарища Григорія Стороженка представляетъ его молодымъ представительнымъ брюнетомъ. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ, лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: золотой крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, двумя лавровыми вѣточками по бокамъ; стоящія по сторонамъ буквы означаютъ „Григорій Стороженко, сотникъ иченскій". Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ,
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ;
Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты:
Безвредно убо ему за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы".

Первыя отрывочныя извѣстія о родѣ дворянъ Стороженковъ относятся къ XVII вѣку.

Въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани сохранилось письмо Андрея Стороженка, старшаго полковника войска запорожскаго, къ извѣстному литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ обоза подъ Почепомъ, которымъ онъ увѣдомляетъ Сапѣгу о движеніи съ почти пятнадцати-тысячнымъ отрядомъ козаковъ къ Смоленску и проситъ выяснить вопросъ о жалованьи. Запорожцы двигались на помощь польскому королю Сигизмунду, осаждавшему съ осени 1609 г. Смоленскъ.

Въ 1647—49 гг. тульчинскимъ сотникомъ въ брацлавскомъ полку былъ Михайло Стороженко. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какъ онъ приходился Андрею Стороженку. Въ числѣ реестровыхъ козаковъ въ томъ же брацлавскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька (Якова) Стороженка.

Въ эпоху „руины" мы не встрѣчаемъ уже Стороженковъ среди козачьей старшины правобережной Украины, вмѣсто этого въ 70-хъ годахъ XVII вѣка является сотникомъ иченскимъ въ

прилуцкомъ полку Иванъ Стороженко, переселившійся на лѣвый берегъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Будучи „паномъ“ сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ с. Ржавцемъ въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, а когда въ 1686 г. онъ сдѣлался прилуцкимъ полковникомъ, то еще съ большимъ успѣхомъ сталъ округлять свое состояніе: отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершенныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични и с. Ржавца и на грунты въ г. Прилукѣ. О дѣятельности Ивана Стороженка, въ бытность его прилуцкимъ полковникомъ, сохранилось лишь слѣдующее свѣдѣніе: въ срединѣ февраля 1690 г. Мазепа приказалъ извѣстному охочекомонному полковнику Ильѣ Ѳедоровичу Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу, въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Въ награду за военные подвиги Мазепа далъ прилуцкому полковнику, по универсалу отъ 22 іюня 1690 г., с. Ржавецъ и мельницу подъ мѣст. Иваницею. Черезъ три года, 15 февраля 1693 г., Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи.

Имя жены его — Марія, но кто она была по отцу неизвѣстно. Оставшись вдовою, она выхлопотала у Мазепы подтвержденія на владѣніе с. Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, земельными имуществами.

У нихъ былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца „маючимъ способность до службы войсковой“. Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ иченскимъ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ иченской сотни, отчасти получая награды за службу. Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24 іюня 1703 г. отъ ржавскихъ козаковъ Полуяненокъ ставокъ у с. Ржавца за 20 злотыхъ, въ 1706 г. отъ ржавскаго козака Тимоша Павленка лѣсъ за 20 таляровъ, въ 1710 г. отъ козачки Костихи лѣсъ подъ м. Ичней за 200 злотыхъ. Судя по универсалу гетмана Ивана Скоропадскаго, отъ 5 февраля

1709 г., кромѣ с. Ржавца, Андрей Ивановичъ владѣлъ еще с. Томашовкой и с. Ступаковкой. Женатъ онъ былъ на Матронѣ Гнилозубъ, отецъ которой, будучи полковымъ асауломъ въ охочекомонномъ полку Пашковскаго, былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей—Григорія и Ивана.

Старшій внукъ прилуцкаго полковника, Григорій Андреевичъ, былъ, видно, способнымъ, дѣльнымъ и образованнымъ человѣкомъ, а потому жизненная дѣятельность его была въ высшей степени разнообразна. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отправлялъ войсковую службу, а въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ выбранъ иченскимъ сотникомъ. Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи изъ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10,000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ войсковыхъ походныхъ малороссійскихъ“. Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту“, которая, видно, не улучшила положенія козаковъ, такъ какъ Апостолъ привелъ своихъ козаковъ отъ границъ Персіи „изсохшими и близкими къ египетскимъ муміямъ“. Вернувшись въ Украину, Григорій Андреевичъ состоялъ въ разныхъ коммиссіяхъ при генеральной канцеляріи.

1 октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9 октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22 ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми по-

дарками—21 января 1728 г. Яковъ Марковичъ видѣлъ ихъ уже въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола. Возвратившись на родину, Григорій Андреевичъ исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и и принималъ „челобитческія прошенія“ на высочайшее имя.

Въ февралѣ 1728 г. происходила коронація Петра II въ Москвѣ. Гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на ней и предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи. Гетманскія статьи были утверждены. Получивши жалованную императорскую грамоту, гетманъ приказалъ прочитать ее въ Глуховѣ послѣ соборнаго молебствія о государевомъ здравіи, а затѣмъ разослать копіи съ нея во всѣ полки. Грамота произвела самое отрадное впечатлѣніе во всей Гетманщинѣ, такъ что вскорѣ поступили ото всѣхъ полковъ благодарственныя челобитныя за многочисленными подписями. Чтобы представить императору эти челобитныя и, сверхъ того, выразить устно благодарность малороссійскаго народа за оказанныя милости, гетманъ снарядилъ вновь посольство къ царю въ декабрѣ 1728 г.: во главѣ посольства былъ поставленъ уже хорошо знакомый съ Москвой и Петербургомъ Григорій Андреевичъ, въ товарищи ему были назначены бунчуковые товарищи Степанъ Миклашевскій и Григорій Гамалѣя, да еще глуховскій атаманъ Ѳедоръ Емельяновъ. 22-го декабря посланники были милостиво приняты императоромъ и задержаны для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по управленію Малороссіей; только 18 марта получили они царскую грамоту къ гетману, съ выраженіемъ благодарности за высказанныя въ челобитныхъ чувства, и, щедро одаренные, отпущены на родину. 14 апрѣля посланники прибыли въ Глуховъ и вручили гетману грамоту, копіи съ которой и были разосланы во всѣ полки 20 апрѣля.

Въ виду постоянныхъ командировокъ Стороженка ко двору и продолжительныхъ пребываній въ столицѣ, верховный тайный совѣтъ, перемѣняя 3-го января 1729 г. всю генеральную старшину, назначилъ генеральнымъ бунчучнымъ Ивана Бороздну.

Вернувшись изъ Глухова въ Ичню, Григорій Андреевичъ занялся разрѣшеніемъ земельныхъ споровъ между козаками м.

Ични и с. Рожновки. По его просьбѣ гетманъ выслалъ бунчукового товарища Кирилла Троцкаго и войсковаго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями ичен-скихъ и рожновскихъ жителей, а 2-го сентября 1729 г. подтвердилъ сдѣланное разграниченіе универсаломъ. Слѣдующіе два года Стороженко проживалъ преимущественно въ Ичнѣ, а въ 1732 г. былъ опредѣленъ вновь кандидатомъ къ генеральному бунчучному.

Когда, по смерти гетмана Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоанновны, отъ 31 января 1734 г., было устроено правленіе изъ шести членовъ, съ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Шаховскимъ во главѣ, то, по опредѣленію послѣдняго, Стороженку было поручено заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ коммиссарамъ, а также разными слѣдствіями. Едва онъ успѣлъ справиться съ возложенными на него порученіями, какъ былъ назначенъ высочайшимъ указомъ въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію для составленія свода малороссійскихъ законовъ („книгъ правныхъ“) и въ первыхъ числахъ января 1735 г. отправился въ Москву для присутствованія въ коммиссіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Результатомъ дѣятельности этой коммиссіи и были „права по которымъ судился малороссійскій народъ“, разработанныя при самыхъ неблагопріятныхъ зачастую условіяхъ. Освободившись отъ кодификаціонной коммиссіи, Стороженко былъ неоднократно посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммиссіяхъ при полкахъ, такъ что приходилось по долгу отсутствовать изъ дому—одно размежеваніе земель между „ландмилицкими“ орельскими (р. Орель между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями) полками и городскими заняло два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ для занятій снова въ коммиссіи для свода „книгъ правныхъ“. Въ перерывѣ кодификаціонныхъ трудовъ, по случаю смерти императрицы Анны Іоанновны, онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго

полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Съ 1737 г. по 1742 г. Стороженко, получивъ званіе бунчуковаго товарища, исполнялъ должность сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія.

Григорій Андреевичъ былъ очевидно нестяжателенъ, такъ какъ, несмотря на свое высокое служебное положеніе, продолжая владѣть унаслѣдованными с. Ржавцомъ, д. Томашовкой, д. Ступаковкой и д. Лучковкой, онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 г. реестръ купчихъ лишь на 39 грунтовъ въ м. Ичнѣ. По ревизіи 1730 г. въ принадлежавшихъ Стороженку деревняхъ было 264 двора посполитыхъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокіи, урожденной Лизогубъ, и имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Андрея, Петра, Степана и Даніила.

Въ виду разнообразной дѣятельности Григорія Андреевича, можно надѣяться, что, при дальнѣйшей разработкѣ археографическаго матеріала для исторіи Малороссіи, его личность можетъ быть болѣе выяснена.

Н. Стороженко.

Библіографія.

A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym (Станиславовъ и станиславовскій повѣтъ въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи). Stanisławów, 1887. (Стр. 355. Съ планомъ города и картой повѣта).

Перу г. Шарловскаго, учителя станиславовской н.-к. гимназіи, принадлежитъ монографія о Станиславовѣ въ извѣстномъ варшавскомъ изданіи «*Słownik geograficzny*», составленная въ 1881 году. Настоящая книга явилась плодомъ дальнѣйшихъ весьма добросовѣстныхъ изысканій автора въ той же области. Несомнѣнныя достоинства книги заставляютъ насъ подѣлиться съ читателями ея богатымъ и разностороннимъ содержаніемъ хоть въ краткомъ и нѣсколько запоздавшемъ очеркѣ.

Галицкій повѣтовый городъ Станиславовъ по населенію занимаетъ восьмое мѣсто въ ряду другихъ городовъ края и не игралъ выдающейся роли въ исторіи сперва польскаго, затѣмъ австрійскаго отечествъ. Тѣмъ не менѣе, въ его немногосложной исторіи, какъ въ зеркалѣ, отразились всѣ тѣ теченія, которыми характеризуется бытъ Галичины, съ ея преобладающимъ русскимъ населеніемъ, со второй половины XVII вѣка. Нельзя не привѣтствовать появленіе время отъ времени монографій, подобныхъ новому труду г. Шарловскаго. Авторъ съ великимъ тщаніемъ и любовью къ предмету собралъ все, что могъ найти въ изданныхъ матеріалахъ и мѣстныхъ архивахъ для своего очерка, изложилъ вопросъ въ живой и привлекательной формѣ; не ограничиваясь сухими историческими справками, онъ внесъ въ свое изложеніе статистическій и частью этнографическій матеріалъ и далъ книгу, которая принесетъ пользу всякому интересующемуся жизнью русскаго люда въ предѣлахъ австрійской монархіи

Первая часть монографіи (стр. 13—260) посвящена исторіи и современному быту Станиславова, вторая—очерку станиславовскаго повѣта (стр. 261—355); здѣсь указаны, между прочимъ, мѣстности, заслуживающія вниманія въ историческомъ или археологическомъ отношеніи, каковы напр. Галичъ, Крылосъ, Медуха, Угорники и др. Какъ на личную заслугу автора должно указать на его изысканія въ городскомъ архивѣ, обнаружившія нѣсколько весьма любопытныхъ данныхъ для статистики населенія и финансовой исторіи Станиславова.

Станиславовскій повѣтъ Галичины занимаетъ западный уголъ т. наз. Покутья, входившаго нѣкогда въ предѣлы монархіи Даніила Галицкаго. Древнѣйшія поселенія этого пограничья группировались вдоль теченія Днѣстра и тянули къ Галичу, какъ къ своему политическому, религіозному и промышленному центру. Должно думать, что эпоха присоединенія Галичины къ Польшѣ, безпрерывныя столкновенія съ молдаванами, набѣги татаръ, наконецъ, извѣстное хозяйничанье польской шляхты въ XV и XVI вѣкѣ явились факторами крайне неблагопріятными для спокойнаго развитія края, который оставался въ ту эпоху малозаселеннымъ. Экономическій переворотъ, произведенный въ Галичинѣ благодаря измѣненію торговыхъ путей въ XV в., ослабилъ мѣстную торговлю, и стольный городъ Галичъ уже не въ силахъ былъ подняться изъ своего упадка.

Съ ослабленіемъ опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ колонизація края постепенно возрастаетъ, и для владѣльцевъ большей части Покутья Потоцкихъ было не безвыгоднымъ дѣломъ создать въ своихъ поистинѣ царскихъ владѣніяхъ городской центръ, который, съ одной стороны, служилъ-бы для защиты края, съ другой—стягивалъ бы въ одинъ фокусъ экономическія силы населенія и поднялъ бы платежныя средства послѣдняго. Такимъ именно фокусомъ былъ городъ Станиславовъ, возникшій *e cruda radice* по мысли одного изъ Потоцкихъ около половины XVII в., на мѣстѣ незначительнаго сельца Заболотья,—кстати же невдалекѣ тянулась торговая дорога изъ Молдавіи ко Львову, на соединеніе съ черномъ и кучманскимъ шляхомъ. Если припомнить, что въ началѣ XVII вѣка каменецкій каштелянъ, впослѣдствіи воевода брацлавскій Яковъ Потоцкій получилъ отъ Сигизмунда I всего два галицкихъ села, а въ послѣдней четверти столѣтія кіевскій воевода Юрій Потоцкій владѣетъ уже почти цѣлымъ Покутьемъ, Галичемъ, Бучачемъ, Подгайцами, то возникновеніе новаго центра городской жизни дѣлается понятнымъ. До

начала XIX в. городъ остается въ частномъ владѣніи Потоцкихъ. Что же сдѣлали они для благосостоянія своего города?

Потоцкими были примѣнены средства обычныя въ ту пору. Уже въ 1662 г. Станиславовъ получаетъ магдебургское право, представлявшее мѣщанамъ извѣстныя вольности въ экономическомъ и правовомъ обиходѣ, подъ надзоромъ помѣщика. Послѣ взятія турками Каменца въ Станиславовъ являются трудолюбивые промышленники и искусные торговцы-армяне съ своихъ духовенствомъ, получаютъ свою особую магдебургію и устраиваютъ, на ряду съ русско-польскимъ, свой городовой урядъ. Это переселеніе много содѣйствуетъ развитію промышленности и торговли въ городѣ. Помѣщикъ объявляетъ поселенцамъ т. н. «свободу» на 20 лѣтъ,—обычный способъ привлеченія колонистовъ. Возникаютъ армянскіе и русско-польскіе ремесленные цехи. Армяне привлекаются также изъ Венгріи и Молдавіи, евреи также находятъ радушный пріемъ у Юрія Потоцкаго. Уже въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. городскіе доходы обыкновенно поступаютъ въ откупъ евреямъ,—нужно думать, что финансовое хозяйство общины было не въ блестящемъ положеніи. Русскіе, поляки, армяне, евреи имѣютъ возможность устраивать свои отдѣльные храмы свободно. Воздвигается ратуша, крѣпость, въ 1685 г. въ городѣ уже имѣется госпиталь. При католической церкви учреждается училище-академія, но уже въ началѣ 18 в. учебное дѣло переходитъ въ руки іезуитовъ, принятыхъ Іосифомъ Потоцкимъ и его женою съ распростертыми объятіями: вмѣсто академической школы учреждается іезуитскій коллегіумъ съ преподаваніемъ теологіи, философіи и грамматики въ разныхъ формахъ и видахъ. При коллегіумѣ учреждается религіозное братство учениковъ, число которыхъ доходитъ во второй половинѣ 18 в. до 400.

Промышленнымъ ростомъ своимъ городъ обязанъ былъ конечно труду самихъ мѣщанъ, но 18 в. былъ тяжкимъ временемъ для спокойнаго развитія общины. Уже въ началѣ 18 столѣтія Сѣнинскій, принадлежавшій къ т. наз. русской партіи, опустошаетъ Станиславовъ, сюда является русскій гарнизонъ, городской урядъ дезорганизуется, жители разбѣгаются во всѣ стороны. Въ 1739 году новая осада, въ 1764 году въ городѣ снова чужой гарнизонъ. Эпоха барской конфедераціи, безпрестанныя военныя тревоги, движенія опрышковъ, энергическій притокъ еврейскаго населенія тяжело отражаются на благосостояніи города, прежніе жители котораго бредутъ врозь, не

исключая армянъ. Торговля переходитъ въ руки евреевъ,—армяне переходятъ въ села и занимаются скотоводствомъ.

Австрійское занятіе съ 1772 г. сказывается умаленіемъ городскихъ вольностей, но любопытно, что городской урядъ, именовавшійся прежде польскимъ, теперь уже именуется руско-польскимъ. У города окончательно отнята прежняя юрисдикція съ правомъ жизни и смерти, и не безъ пользы, если припомнить, что станиславовскій судъ еще въ 1719 г. осудилъ чародѣйку на сожженіе, а въ 1754 г. трижды поднималъ на дыбу опрышка Васыля Баюрака и затѣмъ трижды припекалъ его свѣчами, по шесть свѣчъ съ обоихъ боковъ, требуя дальнѣйшихъ признаній, которыхъ Баюракъ очевидно не могъ дать, добровольно разсказавши до пытки все извѣстное ему объ Олексѣ Довбощукѣ. Права помѣщика Потоцкаго также подверглись умаленію—за нимъ оставлено полученіе доходовъ. Монастыри іезуитовъ и тринитаріевъ уничтожены, хотя преподаваніе въ коллегіумѣ и оставалось еще нѣкоторое время въ рукахъ ex-іезуитовъ. Іезуитскій костелъ превращенъ въ гимназію. Новый порядокъ сопровождался насажденіемъ множества властей, согласно правиламъ государственной мудрости того времени, но не лишено интереса, что при гражданскомъ судѣ въ 1786 г. установлены особые ассесоры для защиты интересовъ сельскихъ общинъ. Въ 1784 г. учреждена нормальная трехклассная школа, преподаваніе въ гимназіи отошло отъ ex-іезуитовъ въ свѣтскія руки, а въ 1797 г. учреждена женская школа.

Послѣднимъ представителемъ вельможнаго рода, владѣвшаго Станиславовымъ, былъ Протасій Потоцкій, разорившійся основатель банка въ Варшавѣ. Станиславовскій ключъ проданъ съ молотка за 2 мил. зол., долговъ оказалось около $4^1/_2$ мил. и въ 1802 г. городъ перешелъ въ руки правительства. Замокъ Потоцкихъ былъ превращенъ въ военный госпиталь.

Г. Шарловскій весьма подробно и съ любовью описываетъ политическія дѣянія владѣльцевъ Станиславова и видимо стремится доказать, что городъ многимъ обязанъ роду Потоцкихъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется не лишеннымъ интереса сопоставленіе слѣдующихъ данныхъ изъ книги г. Шарловскаго. Въ 1793 г. въ Станиславовѣ, по исчисленію автора, было 5448 жителей или 908 семействъ. Общій доходъ съ города въ пользу помѣщика достигалъ 76,800 зл., а со всего станиславовскаго ключа—80,000 зл. п., или, по современному счету, около 80,000 гульденовъ. Доходъ же собственно города въ 1775 г. равнялся 1173 зл. п., расходъ—1295 зл. п. Въ 1884 г.

число жителей въ Станиславовѣ доходило уже до 20,000, и между тѣмъ городъ платилъ въ казну около 65 тыс. гульденовъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, Потоцкіе должны были сильно пещись о своемъ городѣ Станиславовѣ. Недурной иллюстраціей къ этимъ цифрамъ служитъ слѣдующее описаніе похоронъ владѣльца города Станислава Потоцкаго, отъ 1760 г. (стр. 133 сл.): «Похоронныя торжества продолжались нѣсколько недѣль съ необычайнымъ великолѣпіемъ, многочисленными номинальными рѣчами и панегириками оо. іезуитовъ, при великомъ стеченіи свѣтскихъ и духовныхъ пановъ со всей Польши. Собственно погребеніе тянулось четыре дня... По словамъ «Курьера Польскаго», на похоронахъ было 10 епископовъ и суфрагановъ, 60 канониковъ, 1275 катол., 430 правосл. священниковъ; каноникамъ въ теченіи четырехдневныхъ похоронъ платили по 5 дукатовъ, нѣкоторымъ по 3 дуката, черезъ три дня еще по дукату; монастыри получили особые дары, а священники, кромѣ платы, также яства, вина, меды, пиво, водку, пряности и прочіе припасы, подъ особыми навѣсами. Обѣденные столы находились въ монастырскихъ столовыхъ, а въ замкѣ 12 столовъ; на одинъ обѣдъ расходовалось 20 бочекъ венгерскаго, 11 бургонскаго, шампанскаго и рейнскаго,— такъ тянулось 5 дней. Черезъ шесть дней началась пальба изъ 120 мѣдныхъ пушекъ, на что издержано 3760 пудовъ пороху», и т. д.

Въ изложеніи дальнѣйшей судьбы Станиславова г. Шарловскій отмѣчаетъ интересные факты общественной жизни эпохи 1809, 1830, 1831 и 1848, 1855 и 1860 г., когда, со введеніемъ конституціоннаго порядка, городъ могъ уже вздохнуть свободнѣе и принять нѣкоторое участіе въ общей жизни пріемнаго отечества. Не останавливаясь на этихъ очеркахъ, укажемъ лишь, что въ 1883 г. въ Станиславовъ прибыли вновь, послѣ долгаго отсутствія, оо. іезуиты и устроили здѣсь свою миссію. Должно думать, что роль ихъ въ краѣ и въ городѣ еще не уяснилась для автора, такъ какъ объ этомъ онъ не сообщаетъ ничего.

Статистика населенія обработана г. Шарловскимъ съ достаточной для его цѣли полнотой. Въ станиславовскомъ повѣтѣ преобладаетъ русское населеніе (66°), для котораго съ 1884 г. учреждено въ Станиславовѣ греко-уніатское епископство; въ діецезію послѣдняго входитъ около 750,000 прихожанъ. Состояніе грамотности въ народѣ до крайности печальное: въ 1886 г. въ станисл. повѣтѣ было всего

14% грамотныхъ [1]); не лучше оно и въ городѣ, особенно если выключить изъ счета обширную нѣмецкую колонію. Евреевъ въ повѣтѣ въ томъ же году числилось около 17%, католиковъ—15%. Главные добывающіе промыслы находятся въ упадкѣ, и если населеніе города ростетъ, то благодаря значенію его какъ административнаго центра: городъ живетъ не столько полезными промыслами, сколько кормитъ чиновниковъ. Съ 1876 по 1885 г. 11,3% всѣхъ поземельныхъ имуществъ повѣта были объявлены въ продажу за долги. Въ самомъ городѣ католики составляли 29,9%, уніаты и православные 14,8%, евреи—53,8% въ 1880 году. Несмотря на всѣ эти явленія, общественная жизнь въ Станиславовѣ отличается оживленіемъ поразительнымъ, по сравненію хотя бы съ нашими захолустными уѣздными городами: множество ученыхъ, промышленныхъ, художественныхъ и др. учрежденій, кружковъ, обществъ, клубовъ, школъ разнаго рода указываютъ на духъ живой общительности и сравнительно высокій культурный уровень городской интеллигенціи, какъ польской, такъ и русской; какъ видно, и русскія женщины играютъ не послѣднюю роль въ этой интеллектуальной жизни.

Разставаясь съ книгой г. Шарловскаго, богатаго содержанія которой мы не передали даже въ десятой части, не можемъ не указать на нѣкоторыя странности автора: упомянувъ о старой заблотовской церкви (стр. 225), онъ становится втупикъ, что за церковь такая «Wowedenia». Не менѣе странно также производитъ названіе села Кнегининъ отъ польскаго knieja (заповѣдный лѣсъ): «osada, zwana od licznych kniei «Knieininem» albo Knieheninem» (стр. 20). Никто и никогда не называлъ Княгинина «Knieininem». Въ старыхъ галицкихъ актахъ, начиная съ XV в. село это въ латинской транскрипціи встрѣчается въ такихъ формахъ: Kneheinino, Knyhynyno, Knyheniu, Knehynino, тутъ же и рѣчка Kneheinin (см. напр. изд. Лиске Akta Grod. i Ziem., т. XII, стр. 109, 204, 259, 440). При чемъ здѣсь knieja? Намъ кажется также, что назвать извѣстное явленіе «стихійнымъ» еще не значитъ объяснить его: и, дѣйствительно, г. Шарловскій, напр., не выясняетъ, отчего это «хлопы» Станиславова показывали сочувствіе «стихійнымъ» опрышкамъ (стр. 137), и т. п.

Н. М.

---

[1]) По оффиц. даннымъ, въ 1880 г. въ Галичинѣ числилось вполнѣ неграмотныхъ около 4835 тыс. при общемъ населеніи въ 5958 тыс. Кромѣ того, достаточное число умѣло только читать. См. Kolb, Statistik der Neuzeit, 8 изд., стр. 67 и 80.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. С.-Петербургъ. 1890.

Вопросъ объ отношеніи двухъ національностей, польской и русской, между собою составляетъ больное мѣсто нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служитъ причиною безпощадныхъ и голословныхъ обвиненій одной стороны другою. Такое положеніе дѣла стоитъ до сихъ поръ, и единственный способъ разрѣшить обоюдные споры и обвиненія—это съ помощью документальныхъ архивныхъ извѣстій доказать, какую роль играла та или другая національность. При подобной разработкѣ историческихъ вопросовъ, при возможности удостовѣриться въ подлинности того или другаго оффиціальнаго или частнаго документа невозможно, съ одной стороны, появленіе бездоказательныхъ памфлетовъ (въ родѣ Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. p. M. Mochnackiego или Pologne et Russie, légende de Kosciusko p. I. Michelet), а съ другой стороны, составленіе брошюръ наивными русскими патріотами.

Изслѣдованіе г. Бобровскаго посвящено выясненію отношеній греко-уніатской церкви къ римско-католической, стремленій первой высвободиться изъ-подъ вліянія второй. Изслѣдованіе основано преимущественно на документахъ архивовъ: 1) св. Синода по 2-му департаменту (греко-уніатскому) римско-католической коллегіи съ 1830 по 1828 г. 2) Мин. Народн. Просвѣщ. по виленскому учебному округу, а также на неизданныхъ письмахъ М. К. Бобровскаго (съ 1803 по 1847) и Сосновскаго, члена брестскаго капитула (съ 1822—1826 г.). Благодаря такому обилію матеріаловъ первой руки, изслѣдованіе г. Бобровскаго представляетъ большой интересъ и значеніе. Притомъ авторъ отнесся со вниманіемъ ко всѣмъ печатнымъ трудамъ, близко касающимся разбираемыхъ имъ вопросовъ, а потому трудъ его важенъ и въ томъ отношеніи, о которомъ мы говорили выше.

Исторія греко-уніатской церкви въ первой четверти XIX вѣка является въ слѣдующемъ положеніи. Высшіе представители греко-уніатской церкви уже въ концѣ XVIII в. раздѣлились на двѣ партіи,—монашествующее духовенство базиліанскаго ордена, тянувшее къ соединенію съ римско-католическою церковью, и бѣлое духовенство (оріенталисты, какъ ихъ называетъ несовсѣмъ удачно г. Бобровскій), склонявшееся болѣе къ объединенію съ православною церковью. Первая партія, захватившая въ свои руки воспитаніе юношества и

клириковъ, и также громадныя имѣнія и капиталы, принадлежавшіе прежде бѣлому духовенству и занявшая своими представителями почти всю высшую іерархію, возбудила конечно противъ себя протесты бѣлаго духовенства. Первый такой протестъ (4 ноября 1776 г.) представленъ былъ уполномоченными отъ бѣлаго духовенства виленской митрополичьей епархіи. Борьба однако продолжалась около полувѣка, пока наконецъ въ 1827 г. базиліанскій орденъ не былъ приведенъ къ полнѣйшему упадку. Несмотря на всю правоту требованій бѣлаго духовенства, дѣло его, приводимое въ движеніе сначала Лисовскимъ, Красовскимъ и другими уніатскими іерархами, долго не имѣло успѣха, благодаря усиліямъ базиліанъ, іерарховъ латинизаторовъ и ложнымъ взглядамъ лицъ, стоявшихъ у власти (кн. Голицынъ, Новосильцевъ). Къ числу противниковъ бѣлаго духовенства принадлежалъ и попечитель виленскаго округа кн. А. Чарторыйскій, съ успѣхомъ доказавшій въ Петербургѣ, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ природный языкъ польскій (стр. 194, 195). Только съ 1820 г. начинаетъ измѣняться взглядъ правительства на дѣла греко-уніатской церкви. Вся книга г. Бобровскаго (раздѣленная на 8 главъ) представляетъ изложеніе борьбы названныхъ партій въ греко-уніатской церкви, начиная съ протеста 1776 г. и кончая закономъ 22 апрѣля 1828 г. о преобразованіи іерархіи греко-уніатской церкви, о закрытіи базиліанскихъ монастырей и объ учрежденіи семинарій и духовныхъ училищъ.

Въ краткой рецензіи мы не можемъ подробно изложить содержаніе разсматриваемой книги, укажемъ только на взглядъ автора на свой трудъ и остановимся на двухъ-трехъ частностяхъ.

«Въ настоящемъ своемъ трудѣ, основанномъ большею частью на новыхъ еще не тронутыхъ источникахъ, *мы поставили себѣ задачею показать, какъ въ бѣломъ духовенствѣ, по мѣрѣ развитія просвѣщенія съ конца XVIII в., пробивалось сознаніе необходимости существенныхъ преобразованій въ русской уніатской церкви,* и какимъ образомъ базиліанскій орденъ препятствовалъ осуществленію этихъ преобразованій...» —вотъ что говоритъ самъ авторъ о своемъ трудѣ. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ правиленъ, такъ какъ безъ развитія, съ помощью просвѣщенія, самосознанія и истиннаго пониманія своего прошлаго невозможна была бы и борьба съ сильнымъ и богатствами и вліяніемъ базиліанскимъ орденомъ. Вслѣдствіе этого взгляда г. Бобровскій немало мѣста удѣлилъ исторіи просвѣщенія въ западномъ краѣ въ первой четверти XIX в. (Такова напр.

вся VI глава, посвященная изображенію дѣятельности Библейскаго общества въ с.-западномъ краѣ, положенію учебнаго дѣла въ виленскомъ учебномъ округѣ и краткой исторіи масонскихъ ложъ на западѣ Россіи).

Къ своей работѣ г. Бобровскій, насколько можно судить, отнесся очень внимательно, но большое количество сыраго матеріала, никѣмъ еще необработаннаго, вызвало главный недостатокъ его труда: частыя повторенія одного и того же (въ чемъ сознается и самъ авторъ, стр. XIII). Въ упрекъ автору можно поставить его слишкомъ сильную идеализацію быта сельскихъ уніатовъ священниковъ; на стр. 210, онъ рисуетъ цѣлую идиллію изъ жизни сельскаго духовенства; но въ нарисованной имъ картинѣ нельзя не видѣть нѣкотораго внутренняго противорѣчія. «Домикъ уніатскаго священника, говоритъ г. Бобровскій, отличался отъ крестьянскихъ домовъ только дымовою трубою; священническій участокъ земли выдѣлялся отъ сосѣднихъ тщательно обработанными и *хорошо удобренными* полями; былъ у священника *выхоленный садикъ съ нѣсколькими десятками яблонь*, посаженными его отцомъ и дѣдомъ, и при всемъ томъ (!) *греко-уніатское бѣлое духовенство жило въ большой бѣдности*». Приводимое далѣе свидѣтельство Янковскаго, что «по всѣмъ почти училищамъ и классамъ перворазрядными учениками являлись бѣдные поповичи; со временемъ же по крайней мѣрѣ половину каѳедръ не только въ гимназіяхъ и училищахъ, но даже въ виленскомъ университетѣ, занимали сыновья уніатскихъ священниковъ» (стр. 213, 214) противорѣчитъ словамъ автора, что «сыновья священниковъ, изъ которыхъ многіе происходили изъ древнихъ русскихъ дворянъ, должны были или искать службы экономовъ, оффиціалистовъ у ополяченныхъ или польскихъ помѣщиковъ, или же, при отсутствіи всякаго образованія, обращаться въ крѣпостныхъ батраковъ» (стр. 11).

Но такихъ противорѣчій у г. Бобровскаго вообще мало; авторъ, очевидно, старается быть выше тенденцій и смотрѣть на событія объективно,—и въ этомъ его большая заслуга. **Арк. Л—нко.**

В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890.

Эта небольшая (27 стр.) брошюра составляетъ докладъ, читанный въ кіевскомъ церковно-археологическомъ обществѣ. Докладъ распадается на двѣ части: въ первой, на основаніи документальныхъ

данныхъ и наблюденій на мѣстѣ, опредѣляется положеніе «двора» князя Симеона Олельковича (Александровича, внука Ольгерда), во второй, приводится рядъ лѣтописныхъ извѣстій, которыя даютъ поводъ пріурочить древній Городецъ къ тому самому мѣсту, гдѣ впослѣдствіи былъ дворъ князя Симеона. Авторъ, прежде всего, дѣлаетъ выписки изъ документовъ кіевскихъ монастырей на владѣнія угодьями (документы эти хранятся теперь въ библіотекѣ кіевской дух. академіи и г. Гошкевичъ занимается разборомъ ихъ). Выписки заключаютъ въ себѣ очень подробныя топографическія указанія, касающіяся той мѣстности, гдѣ былъ замокъ кн. Симеона, т. е. мѣстности, лежащей на лѣвомъ берегу Днѣпра, почти противъ Кіева. Затѣмъ авторъ разбираетъ встрѣчающіяся въ этихъ выпискахъ географическія названія мѣстъ, прилежащихъ замку и старается согласить ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ мѣстности. Благодаря подробнымъ указаніямъ документовъ путемъ осмотра мѣстности авторомъ было точно опредѣлено мѣстоположеніе городища (мы говоримъ *точно*, потому что Максимовичъ и Закревскій упоминаютъ о замкѣ Симеона, какъ находившемся за Черторыею на лѣвой сторонѣ Днѣпра, не указывая, гдѣ именно).

При осмотрѣ городища въ обвалѣ вала на глубинѣ 2'/² арш. обнаруженъ слой угля; авторъ говоритъ (стр. 19): «Слой угля, лежащій подъ верхнею насыпью городища, приводитъ къ мысли, что на томъ же мѣстѣ, гдѣ во второй половинѣ XV вѣка стоялъ дворъ и замокъ кн. Симеона Олельковича, существовало болѣе древнее поселеніе, истребленное огнемъ,—а кн. Симеонъ засыпалъ пожарище толстымъ слоемъ глины и самъ поселился на старомъ пепелищѣ». Не соглашаясь съ авторомъ относительно засыпки глиной пожарища, произведенной будто бы княземъ Симеономъ, т. к. глина и сыпучій песокъ, покрывающіе въ настоящее время городище скорѣе образовались вслѣдствіе геологическаго измѣненія почвы, мы должны признать, что пріурочиваніе Олелькову городищу имени древняго Городца имѣетъ за собой большую долю вѣроятности (предположеніе въ этомъ смыслѣ также было высказано раньше Максимовичемъ). Въ пользу этого мнѣнія говоритъ наша первоначальная лѣтопись, мѣста изъ которой, числомъ 8 и приводитъ г. Гошкевичъ. Въ шести изъ нихъ упоминается имя Городца, въ двухъ же остальныхъ говорится лишь о мѣстности, гдѣ онъ былъ, т. к. пожаръ 1135 г. уничтожилъ его.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ указаній оказывается, что лѣтописная топографія Городца согласуется съ мѣстоположеніемъ

Олелькова городища. Но все таки, по нашему мнѣнію, для окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимо произвесть изслѣдованіе самаго городища путемъ раскопки его. Кромѣ того, помощью для опредѣленія времени можетъ также служить форма городища. Въ послѣднее время въ русской археологіи установлено нѣсколько типичныхъ формъ городищъ, такъ напр. городища съ валами, расположенными въ видѣ концентрическихъ круговъ, признаны типичными для великокняжеской эпохи. Вотъ описаніе городища, сдѣланное г. Гошкевичемъ: «Валъ, окружающій городище, сохранился прекрасно: онъ имѣетъ подковообразную форму, отверстіемъ къ р. Гнилушѣ, т. е. по направленію къ Кіеву. Длина вала 130 саженей; поперечникъ отъ одного конца подковы до другаго— 67 саж., перпендикулярный къ нему—43 саж. Высота вала отъ уровня воды въ Гнилушѣ—3 сажени. Явственно сохранились старинные въѣзды въ городище: одинъ съ сѣверо-запада, а другой съ юго-востока. Кажется, что городище обведено было еще и другимъ валомъ, меньшей высоты» (стр. 19). Если слѣды втораго вала дѣйствительно существуютъ, то и форма городища говоритъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго авторомъ.

Къ брошюрѣ приложена карта окрестностей городища, хотя само городище, при трехверстномъ масштабѣ карты, обозначено лишь точкой; желательно было бы имѣть и планъ городища.

Наша историческая топографія еще очень мало разработана и поэтому докладъ г. Гошкевича, посвященный опредѣленію мѣста одного изъ довольно важныхъ историческихъ пунктовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. **Н. Б.**

Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Петербургъ. 1890 г.

Книга г. Эварницкаго имѣетъ, повидимому, цѣлью въ легкой формѣ познакомить обыкновеннаго читателя (не спеціалиста) съ значеніемъ археологіи и съ результатами, достигнутыми этой наукой въ южной Россіи (О раскопкахъ на сѣверѣ Россіи авторъ не говоритъ ничего).

Въ началѣ своихъ «Публичныхъ лекцій» г. Эварницкій говоритъ о развитіи археологіи въ З. Европѣ и Россіи. Въ Россіи уже Петръ Великій обратилъ, какъ извѣстно, вниманіе на различные памятники древностей и приказывалъ покупать интересные предметы

для присылки въ Петербургъ; знаменитый Татищевъ издаетъ уже подробную инструкцію для собиранія древностей. Въ концѣ XVIII в. замѣчательныя путешествія русскихъ ученыхъ во всѣ края Россіи немало способствовали развитію у насъ археологіи, въ тоже время основывается Императорскій Эрмитажъ, «пріобрѣвшій потомъ громадное значеніе, какъ центральное помѣщеніе древнихъ рѣдкостей, находимыхъ въ разныхъ концахъ Россіи». Въ 1804 г. основывается въ Москвѣ первое «Общество исторіи и древностей россійскихъ», а въ 1839 г. такое же общество въ Одессѣ; въ 1846 г. является въ Петербургѣ «Археологическо-нумизматическое общество», преобразованное впослѣдствіи въ «Императорское русское археологическое общество», а въ 1850 г. «Императорская археологическая коммиссія». Вслѣдъ затѣмъ описаніе архивовъ и библіотекъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, основаніе археологическихъ и историческихъ обществъ, открытіе архивныхъ коммиссій и провинціальныхъ музеевъ, работы и изслѣдованія отдѣльныхъ лицъ, археологическіе съѣзды, экспедиціи, ежегодно снаряжаемыя во всѣ концы Россіи — двигаютъ русскую археологію, можно сказать, гигантскими шагами.

Далѣе (на стр. 11—21) авторъ даетъ понятіе о періодахъ развитія человѣческой культуры, затѣмъ сообщаетъ пріемы раскопокъ, весьма близко подходя здѣсь къ извѣстной программѣ проф. Самоквасова (см. Д. Самоквасовъ. Исторія русскаго права, т. 1, вып. 1. Варшава 1878, стр. 208—214). Затѣмъ приводятся результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ. Тутъ мы находимъ свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ курганахъ (напр. Куль-Обскомъ, Чортомлыцкомъ, Луговой могилѣ); наряду съ ними также о раскопкахъ другихъ кургановъ (нѣкоторыя раскопки произведены самимъ авторомъ).

Вотъ, что даетъ книга г. Эварницкаго. Изложеніе у автора довольно живое, почему его трудъ съ интересомъ можетъ быть прочитанъ всякимъ читателемъ. **Арк. Л—нко.**

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gui-Lel. (Florence, Paris, Leipzig, 1889—90). Стр. 1121—1344.

Въ декабрьской книгѣ «Кіев. Стар.» 1889 года (т. XXVII, стр. 655—661) мы дали обзоръ первыхъ десяти выпусковъ «Словаря» проф. де-Губернатиса, извлекая свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ на-

шему краю. Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ «Словаря» (XII вып. вышелъ 10 марта 1890 г.) помѣщены краткіе очерки литературной дѣятельности 29 русскихъ и 34 польскихъ современныхъ писателей. Продолжаемъ нашъ обзоръ по принятому ранѣе плану, опуская свѣдѣнія общеизвѣстныя.

Ганкевичъ (Клементій), философъ и филологъ, профессоръ русскаго языка въ черновицкомъ ун—тѣ съ 1875 г., род. 2 сент. 1842 г. въ Настасовѣ въ Галичинѣ. Издалъ: «Grundzüge der slavischen Philosophie» 1869 г., 2-е изд. 1873 г.; учебникъ психологіи для среднихъ школъ, 1874 г.; «Ueber das Accentuationssystem in der Sanskrit, griechischen und ruthenischen Sprache». Состоитъ сотрудникомъ Archiv'a für slavische Philologie.

Иконниковъ (Влад. Степ.), проф. рус. исторіи въ кіевскомъ ун—тѣ, род. 9 дек. 1841 г. въ Кіевѣ (Указаны многочисл. труды съ 1865—1888 г., не исключая и 2 т. «Русской исторіографіи», которая отпечатана въ 1888 г., но до настоящаго времени, къ сожалѣнію, не поступила въ продажу. Не отмѣчены послѣднія статьи о русскихъ рукоп. сборникахъ въ «Кіев. Унив. Изв.» и о генер.-губ. Беклешовѣ въ «Кіев. Стар.»).

Ильницкій (Вас.), галицкій малорусскій писатель, каноникъ, директоръ львовской гимназіи, род. 12 апр. 1823 г. въ Подпечерахъ въ Галичинѣ, изучалъ богословіе и философію въ Вѣнѣ. Въ 1845 г. путешествовалъ по Италіи. Съ 1860 г. издалъ, между прочимъ, историч. разсказъ «Рогнѣда Горислава», истор. очерки «Старинные русскіе замки Звинигородъ, Перемышль, Теребовль», истор. драму «Настасія», рядъ художественныхъ и театральныхъ очерковъ и рецензій, «Исторію русиновъ», 2 т., разсказы «Горбатый» и «Романъ Дуля», «Романъ Даниловичъ», популярныя произведенія «Геологическій человѣкъ», «Море и его чудеса», различные опыты, переводы и т. п.

Ястребовъ (Митр.), проф. кіев. дух. акад., род. въ Тамбовѣ. (Указаны два историко-богосл. изслѣдованія объ аугсбургскомъ исповѣданіи и главенствѣ папъ).

Ежъ (псевдонимъ Сигизмунда Милковскаго), извѣстный польскій романистъ, род. въ 1842 г. въ подольской губ., издалъ рядъ романовъ, изъ которыхъ указано лишь пять важнѣйшихъ, и кромѣ того исторію Сербіи,—въ этой странѣ онъ долго жилъ; нынѣ поселился въ Женевѣ.

Езерскій (Михаилъ), польскій писатель, род. въ 1811 г. въ д. Гайворонѣ сквир. у. Обучался въ Винницѣ и Варшавѣ. Послѣдова-

тель романтизма, онъ издалъ въ стихахъ: «Поэтич. опыты», «Каштеляпъ», «Покровительница нашей земли», комедіи: «Удача старой дѣвы», «Капризъ и глупость», драмы: «Жертвы принциповъ», «Мщеніе кастеляпши»; прозаич. нѣсколько повѣстей и романовъ, въ томъ числѣ историческіе романы: «Жена канцлера», «Клементій Яницкій» и «Послѣдняя любовь послѣдняго короля». Кромѣ того, «Очерки по исторіи Польши» и «Нѣсколько мыслей о ложныхъ стремленіяхъ вѣка».

Качковскій (Сигизмундъ), польскій романистъ, публицистъ и политич. дѣятель, жив. въ Парижѣ, род. 2 мая 1826 г. въ саноцкомъ старостве Галичины (Обширная біографія съ подробнымъ перечисленіемъ трудовъ, въ числѣ которыхъ отмѣчено соч. «Женщина въ Польшѣ», отпечатанное въ 4 т. въ Житомирѣ въ 1862 г., но конфискованное до выхода въ свѣтъ, и памфлетъ «Изъ портфеля Нечуи» 1883 г., направленный противъ аристократическо-клерикальной партіи въ Галичинѣ).

Каминскій (Е. Гальперинъ), род. въ Васильковѣ кіев. губ. 28 марта 1858 г. Обучался въ Одессѣ, Севастополѣ, Вѣнѣ (1878), Парижѣ (1880), гдѣ и поселился. Съ 1884—86 г. сотрудничалъ въ *Revue Scientifique*, *Nature*, *Guide Scientifique*, *Archives Slaves de biologie*, состоялъ секретаремъ редакціи *Science populaire*, *Médecine populaire* и *Science pour tous*. Въ мартѣ 1885 г. помѣстилъ въ *Revue Socialiste* опытъ о трудахъ и дѣятельности Карла Маркса. Изъ статей по естествознанію были замѣчены помѣщ. въ *Guide Scientifique* (сент. 1885 г.) «De l'origine des mammifères» и въ *Nature* (Іюль 1885 г.) «Plantes piscivores». Съ 1886—89 г. издалъ болѣе тридцати томовъ переводовъ русскихъ писателей на франц. языкъ, въ томъ числѣ гр. Льва Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Щедрина, Гаршина, Некрасова и др. Постоянный сотрудникъ *Nouvelle Revue*, *Grande Revue de Paris et de Saint-Pétersbourg*, *Revue Bleue*, *Revue illustrée*, *Paris illustré*, *Illustration*, *Figaro*, *Justice*, *Новостей* и др. журналовъ и газетъ.

Кирпичниковъ (Александръ), проф. всеобщей литер. при одесскомъ ун—тѣ, род. 1845 г. въ орловской губ. (Весьма подробное перечисленіе трудовъ).

Коноваловъ (Дмитрій), проф. химіи въ петерб. ун—тѣ, горный инженеръ, докторъ философіи страсб. унив—та, род. въ 1856 г. въ Екатеринославѣ, обучался въ инженерномъ институтѣ и петерб. ун—тѣ; въ 1880 г. отправленъ съ ученою цѣлью въ Германію, въ

1882 г.—во Францію. (Указано 9 работъ по химіи за время 1880—1888 г.).

Коперницкій (Исидоръ), польскій врачъ и антропологъ, род. 17 апр. 1825 г. въ Чижовкѣ въ Украинѣ. Изучалъ медицину въ кіев. ун—тѣ и получилъ въ 1849 г. степень д—ра. Въ 1857 г. назначенъ здѣсь исправляющ. должность прозектора[1]) анатоміи, въ 1863 г. оставилъ службу, а въ слѣдующемъ году основался въ Парижѣ, гдѣ слушалъ Клодъ-Бернара и Катрфажа. Тогда же румынское правительство поручило ему устройство анатомическаго музея въ Букурештѣ. За анатомическіе препараты получилъ въ Краковѣ въ 1869 г. главную премію; въ 1876 г. удостоенъ тамъ же званія доктора медицины. Въ 1778 г. читалъ въ Краковѣ курсъ антропологіи, а въ 1886 г. назначенъ профессоромъ краковскаго ун—та. Состоитъ членомъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Зап. Европы. Перечисленіе его антропологическихъ и др. трудовъ занимаетъ два слишкомъ столбца мелкой печати въ словарѣ де-Губернатиса. Отмѣтимъ здѣсь лишь имѣющіе ближайшее отношеніе къ Россіи и Галичинѣ: Нѣсколько замѣчаній о строеніи славянскихъ череповъ (чит. на кіев. съѣздѣ естествоисп. 1861 г.). «On the strange peculiarities observed by a religions sect of the Moscovities, called Scoptsi» (*Journal of Anthrop.*, 1870, іюль, въ сотр. съ Д. Б. Дэвисомъ); «The Kalmuks» (*Journal of the Anthrop. Ins*, 1872, т. I); отчетъ о человѣческихъ костякахъ и черепахъ изъ могильниковъ на Покутьи (*Отчеты крак. акад. наукъ по матем. и естественноистор. отд.* 1875, т. II); «The prehistoric antiquities of the Caucasus» (Journ. of the Anthr. Inst., 1875); черепа покутскихъ могильниковъ, какъ матеріалъ для доисторич. антропологіи Польши (Отчеты Крак. акад., 1876, т. II); объ особенностяхъ языка бешкидскихъ горцевъ, съ глоссаріемъ (ib., 1875, т. III); о человѣческихъ костяхъ и черепахъ изъ радыминскихъ могильниковъ на Волыни); тоже—изъ галицкой Подоліи (ib. 1877, т. I, ч. I); о физическихъ особенностяхъ населенія Галичины, на основаніи наблюденій, собранныхъ антропол. коммиссіей (ib., ч. 2-я, въ сотрудн. съ проф. Маеромъ); загадки бешкидскихъ горцевъ, собранныя въ окрестностяхъ Рабки (ib., ч. 3-я); археол. разысканія въ Городницѣ на Днѣпрѣ въ 1877 г. (ib. 1878, т. II, ч. 1-я); черепа острожскаго уѣзда на Волыни (ib.); замѣтки о доисторическихъ костяхъ и черепахъ галицкой Подоліи (ib.); дальнѣйшія археол. розысканія въ Городницѣ на Днѣстрѣ въ 1878—1882 г. (ib., 1884, т. VIII, ч. 3-я); физическія особенности населенія Галичины, 2-я серія (ib. 1885,

[1]) См. Біогр. Словарь преподав. ун. св. Владиміра.

т. IX, въ сотр. съ проф. Маеромъ); о значеніи находокъ г. Осовскаго въ мниховскихъ пещерахъ (прил. къ IX т. Матер. для мѣстн. антроп., изд. въ Краковѣ); къ этнографіи Волыни, по даннымъ, собраннымъ Софьей Рокосовской (ib., т. IX, ч. 3-я).

Кулишъ (Пант. Александровичъ), историкъ, поэтъ и публицистъ, род. въ 1819 г. въ м. Воронежѣ черниг. губ., окончилъ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ, былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Луцкѣ и Ровно, когда и написалъ свой первый романъ: «Михайло Черныш енко», изд. въ 1843 г. въ Кіевѣ. Въ 1845 г. арестованъ въ Варшавѣ и высланъ въ Тулу, гдѣ состоялъ на службѣ три года. Въ 1855 г. переѣхалъ въ Петербургъ, сотрудничалъ въ *Современникѣ*, издалъ нѣсколько романовъ и множество статей о Гоголѣ (Объ историческихъ трудахъ г. Кулиша, законченныхъ исторіей «Отпаденія Малороссіи отъ Польши», ни слова).

Крестовскій (Всеволодъ), романистъ, род. въ 1840 г. въ кіевской губ. (Перечислены труды этого «бойкаго» писателя - écrivain facile, который, будто-бы, «склоняется въ сторону натурализма»).

Кручкевичъ (Бронславъ-Игнатій), польскій филологъ, съ 1888 г. проф. классич. филологіи. львов. уни—та и директоръ львов. филолог. семинаріи, род. въ 1849 г. въ Пустковѣ въ Галичинѣ, обучался въ Тарновѣ, Краковѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, писалъ на польскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Перечислены работы въ области классич. филологіи и литературы).

Кульчицкій (гр. Владиславъ-Цезарій), польскій поэтъ и переводчикъ, живущій въ Римѣ, род. 2 дек. 1834 г. въ подольской губ. (Весьма подробная біографія и характеристика трудовъ).

Ландау (Маркъ), австрійскій писатель, род. 21 ноября 1837 г. въ Бродахъ въ Галичинѣ (Перечислены труды, главнымъ образомъ, по исторіи итальянской литературы; въ 1888 г. вышелъ 1-й т. его исторіи имп. Карла VI). **Н. М.**

Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. 2 ч. Спб. 1890 г.

Съ 1798 г. по 1836 годъ было издано десять томовъ Высочайше утвержденнаго гербовника, въ которомъ помѣщены гербы, съ описаніемъ происхожденія каждой фамиліи. Кромѣ того, составлены томы XI, XII, XIII и XIV, еще неоконченный, которые не изданы.

Гр. Бобринскій въ своихъ двухъ книгахъ перепечаталъ происхожденіе каждой фамиліи изъ четырнадцати томовъ гербовника, и помѣстилъ описаніе болѣе двухъ тысячъ фамилій, причемъ помѣстилъ эти роды въ хронологическомъ порядкѣ, то есть по мѣрѣ того какъ они появлялись въ исторіи.

Къ сожалѣнію, графъ Бобринскій, помѣстивъ исторію происхожденія фамилій, не описалъ ни одного герба, и не приложилъ ни одного рисунка, что въ настоящее время очень легко и не дорого было сдѣлать, благодаря цинкографіи и фототипіи. Въ Англіи напр. книга Peerage Debrett, и другія наполнены рисунками всѣхъ гербовъ, о фамиліяхъ которыхъ упоминается въ нихъ.

Въ книгѣ графа Бобринскаго помѣщены свѣдѣнія и о малороссійскихъ фамиліяхъ, изъ которыхъ только три рода восходятъ ранѣе XVI ст., именно: 1124 г. Дунины-Борковскіе (польскаго происхожденія), 1303 Милорадовичи (дворяне и графы), 1430 Александровичи (изъ Польши), остальныя всѣ XVI, и болѣе древнія всѣ польскаго происхожденія 1563 Лашкевичи, 1569 Марковичи, 1572 Гандовскіе, Потаповичи, XVI в. Кочубеи, (крымскіе татары), XVII Скоропадскіе, Паскевичи, 1609 Бакуринскіе, 1620 Рубцы, 1621 Комовскіе, 1625 Бороздны, 1628 Скоржинскіе, 1636 Вронскіе, 1645 — 1676 Подольскіе, 1648 Безбородко, 1654 Завадовскіе, Лагоды, Долинскіе, Шафонскіе, Лишины 1661 Валкевичи, 1663 Булашевичи, 1666 Горленки, 1667 Лобода, 1669 Мищенко, 1672 Судіенко, Домонтовичи, Тарновскіе, Фененко, 1673 Полетики, Политковскіе, 1675 Лазаревичи, 1676 Базилевскіе, 1678 Исаевичи, 1679 Корицкіе, Томары, 1680 Гудовичи, 1682 Ковалевскіе, 1685 Остроградскіе, Дублянскіе, Котлубицкіе, Туманскіе, Чарнолускіе, Новицкіе, Жуковскіе-Жученки, Гудимъ-Левковичи, Яжборовскіе-Юрьевы, Галѣнковскіе, Чесноки, Башуцкіе, Троцкіе, Якимовичи, Малама, 1686 Галаганъ, 1687 Кондратьевъ, 1688 Миклашевскіе, 1690 Коробки, Савичи, Малявки, 1696 Худорбіи, Искрицкіе, 1699 Марченко, Лихопои, Лубяновскіе, 1702 Яворскіе, Капнисты, 1704 Божичи, Родзянко, 1708 Калинскіе, Ширяи, Селецкіе, Мазараки, Иваненки, 1709 Сахновскіе, 1716 Богаевскіе, Савицкіе, 1719 Куликовскіе, 1725 Тимченко-Островерховы, 1744 Разумовскіе, 1745 Оболонскіе, 1762 Виридарскіе, 1799 Богаевскіе. **М.**

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы". 1890. № 1—3; 2) „Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ.". 1890. № 1—3; 3) „Историч. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 4) „Русскій Архивъ". 1890. № 1—3; 5) „Русскій Вѣстникъ". 1890. № 1—2; 6) „Русская Мысль. 1890. № 1—3; 7) „Русская Старина". 1890. № 1—3; 8) „Сѣверный Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 9) „Юридич. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 10) Экономич. Журналъ". 1890. № 1—3.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 1—3. *Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій.* Статья *В. И. Шенрока* (№ 1, стр. 71—118; № 2, стр. 563—619). Авторъ слѣдитъ въ этой статьѣ за всѣми послѣдовательными моментами отношеній Гоголя къ его школьному товарищу Данилевскому, при чемъ отношенія эти устанавливаются по воспоминаніямъ самаго Данилевскаго, разсказаннымъ автору, а также по перепискѣ ихъ, изъ которой извѣстная доля печатается въ статьѣ впервые.

«Поэтъ пошлости» (отрывокъ). Александра Градовскаго. (№ 1, стр. 352—359). Это—начало неоконченной статьи, оставшейся въ бумагахъ покойнаго А. Градовскаго. Писана была эта статья по поводу возникшей въ 1880 г. мысли поставить памятникъ Гоголю, при чемъ авторъ статьи, желая опредѣлить основную черту въ поэзіи Гоголя, тѣмъ самымъ какъ бы желаетъ найти достойную памяти великаго поэта надпись на будущемъ памятникѣ ему.

Въ *«Литературномъ обозрѣніи»* помѣщена рецензія о книгѣ «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца» кн. 2-я (№ 2, стр. 878—881).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 1—3. *Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. Ѳ. И. Успенскаго* (№ 1, стр. 1—34). Въ этой статьѣ затрогивается все тотъ же старый вопросъ о Руси до-Рюриковской. Вопросъ этотъ поставленъ въ связи съ двумя извѣстіями у Симеона Магистра и Іоанна Грамматика, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, прямо говоритъ о Росѣ, а съ именемъ втораго связано сказаніе о томъ, какъ приходило на Ромейскую землю какое то языческое племя съ тремя предводителями во главѣ. Оба эти извѣстія сводятся авторомъ къ одному, при чемъ сопоставляются они и съ словами лѣтописца Нестора о началѣ прозванія «Руси».

Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. И. П. Филевича (№ 1, стр. 95—135; № 2, стр. 253—302; № 3, стр. 119—168). Начало этой статьи, помѣщенное въ № 11 и 12 прошлаго года, указываетъ раньше всего тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе, а затѣмъ излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій, обозрѣвъ только событія 1340 г. Въ разсматриваемыхъ

трехъ книжкахъ находимъ окончаніе 2 й главы, гдѣ изложенъ ходъ военныхъ дѣйствій 1341—1349 г., далѣе 1349—1366 г., затѣмъ 1366—1370 года, наконецъ 1370—1377 г., а также послѣднихъ двухъ годовъ 1377—78 (№ 1). Въ главѣ 3-ей встрѣчаемъ обзоръ дѣлъ церковныхъ до 1412 года, когда утверждена была галицкая архіепископская резиденція во Львовѣ, чѣмъ и было закончено іерархическое устройство Галичины (№ 2). Въ главѣ 4-ой, составляющей окончаніе всей статьи, авторомъ разсматриваются самыя любопытныя страницы въ исторіи этой борьбы—ходъ развитія дѣлъ гражданскихъ въ странѣ (№ 3).

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» помѣщена небольшая замѣтка «Пятидесятилѣтіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». (№ 1, стр. 1—4).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано *П. Н. Батюшковымъ*. *Статья П. В.* (№ 3, стр. 257—260); 2) *П. О. Бобровскій* «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I» (№ 3, стр. 261—226); 3) *Айналовъ и Рѣдинъ* «Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи» (№ 3, стр. 262); 4) *В. Гошкевичъ* «Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ» (№ 3, стр. 264).

Историческій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *За чьи грѣхи. Историческая повѣсть Д. Мордовцева*, гдѣ встрѣчаемъ сцену пріема пословъ гетмана Брюховецкаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (№ 1).

Замѣтка по поводу смерти А. С. Лашкевича, редактора-издателя «Кіевской Старины» (№ 1).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Дверницкій* «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (№ 1); 2) *М. Захарченко* «Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ» (№ 1); 3) Императорское одесское общество исторіи и древностей и юбилейный XV томъ его записокъ (№ 2, стр. 457—460); 4) *Эварницкій* «Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края (№ 2, стр. 463—466); 5) *Н. Бѣляшевскій* «Монетные клады въ кіевской губерніи» (№ 2), стр. 468—469); 6) *Геннадій Карповъ* «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» стат. *Н. Лихачева* (№ 3), стр. 674—678); 7) *Серпій Гамченко* «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ (№ 3, стр. 692—694); 8) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты вы-

борныхъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія «Уложенія». Изданіе «Кіевской Старины» (№ 3, стр. 705—706).

Русскій Архивъ 1890 г. № 1—3. *Некрологъ И. В. Росковшенка*, бывшаго директоромъ гимназіи въ Каменецъ-Подольскѣ съ 1848 г. и въ Ровно съ 1853 года. Кромѣ административной дѣятельности, Росковшенко находилъ время предаваться литературнымъ занятіямъ, и его собраніе книгъ по исторіи Малороссіи оставляетъ мало чего желать по своей полнотѣ (№ 2, стр. 310—315).

«Кладезь моего сердца». Кн. И. М. Долгорукова. Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о министерской дѣятельности графа В. П. Кочубея (№ 3, стр 154—156), а также о протоіереѣ Кіево-Софійскаго собора, проповѣдникѣ Левандѣ (№ 3, стр. 177—178).

Русскій Вѣстникъ 1890 г. № 1—2. *Въ отдѣлѣ критики* помѣщены «Историческія отмѣтки» *Д. Иловайскаго*, гдѣ говорится о статьѣ И. Малышевскаго «Происхожденіе великой княгини Ольги» (Кіевская Старина 1889 г. № 7 и 8) и его полемикѣ по этому вопросу съ архимандритомъ Леонидомъ (стр. 192—196); тутъ же встрѣчаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу полемики г. Васильевскаго съ г. Успенскимъ по вопросу о построеніи крѣпости Саркела (стр. 196—198), а также замѣтки о началѣ Руси по поводу статьи г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго (стр. 198—204) и по поводу находки архим. Леонида (Владимірскій Лѣтописецъ), а именно—объ испорченности текста начальной лѣтописи (стр. 204—208).

Въ отдѣлѣ «Политическое обозрѣніе» посвящено нѣсколько строкъ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ въ Галиціи (стр. 282—283).

№ 2. *Нѣмецкія колоніи на югѣ. Стат. А. Велицына* (стр. 256—299). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе, очевидно, обширнаго изслѣдованія, находимъ данныя объ экономическихъ условіяхъ жизни и о правахъ колонистовъ; причемъ данныя эти пока касаются колоній юга Россіи, т. е. губерній бессарабской, херсонской, таврической и екатеринославской, а затѣмъ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія и о колоніяхъ юго-западнаго края.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Геннадій Карповъ.* Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Москва 1890 г. (стр. 300—305); 2) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890 г. (стр. 305—308).

Русская Мысль 1890 г. № 1—3. *Въ отдѣлѣ библіографическомъ* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Опи-

саніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ, сочиненное *Григоріемъ Калиновскимъ*, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ украинской дивизіи, прапоршикомъ. Харьковъ 1889 г. Эта книжечка представляетъ переизданіе перваго этнографическаго сборника, вышедшаго еще въ 1776 г. въ Петербургѣ (№ 1); 2) *Чугуевецъ*. О русской народной культурѣ. Этнографическіе разсказы и замѣтки. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. Харьковъ 1889 г. (№ 2).

Русская Старина 1890 № 1—3. *Дневникъ А. В. Никитенка*, гдѣ находимъ извѣстія: 1) о жалобѣ генералъ-губернатора Бибикова на цензуру и «Библіотеку для Чтенія» за статьи объ Исторіи Малороссіи Марковича (№ 1); 2) о напечатаніи въ журналѣ Ишимовой «Звѣздочка» краткой исторіи Малороссіи Кулиша, и тревогѣ по этому поводу въ цензурѣ, объ арестѣ Кулиша въ Варшавѣ и объ открытіи въ Кіевѣ общества, къ которому принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Гулакъ и др. (№ 2, стр. 376—377).

А. Гирсъ. Переводъ 122-ой главы книги «Sultan Jahja dell' Imperial casa ottomana ad altrimenti Alessandro Conte di Montenegro edi suoi discendenti in Italia. Trieste 1889. Здѣсь о пребываніи сына Трапезундскаго правителя, впослѣдствіи султана Магомета, и его жены Елены Комненъ въ Кіевѣ у митрополита Іова Борѣскаго (sic) въ Михайловскомъ монастырѣ, потомъ у козаковъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Харьковѣ и, наконецъ, у запорожцевъ, съ которыми онъ и громилъ Турцію въ 1624—25 г. (№ 3).

Воззваніе А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на благоустройство черниговскаго каѳедральнаго собора, церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской (№ 3, 881—884).

Сѣверный Вѣстникъ 1890г. № 1—3. *Въ областномъ отдѣлѣ* помѣщенъ разговоръ въ вагонѣ между великороссомъ и малороссомъ (№ 1, стр. 48—52).

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. П. Котляревскій*. Полное собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. Издан. «Русскаго книжнаго магазина» 1890 г. (№ 2, стр. 115—117).

Юридическій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *20 ноября 1889 года въ Кіевѣ.* (№ 1, стр. 130—148). Подробный отчетъ о засѣданіи кіевскаго юридическаго общества и рѣчахъ г. Тальберга, Гольденвейзера и Куперника по поводу 25-лѣтія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

И. В. Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (№ 3, стр. 391—424). На основѣ большею частью рукописныхъ

матеріаловъ авторъ подробно описываетъ порядки, практиковавшіеся при общинной заимкѣ пустующихъ земель нын. полтавской губерніи на протяженіи XVI—XVIII в., и затрогиваетъ вопросъ о значеніи «дворищъ» въ связи съ организаціей «сябровъ». Настоящая статья дополняетъ прежнія работы автора по вопросу объ общинномъ владѣніи землею въ Малороссіи.

Экономическій Журналъ 1890 г. № 1—3. А. С. *Въ чертѣ еврейской осѣдлости* (экономическія изслѣдованія). IX (№ 1, стр. 18—38). Авторъ даетъ внѣшній очеркъ г. Одессы. Отношеніе большей части сообщаемыхъ фактовъ къ основной идеѣ статьи неясно. Мимоѣздомъ (изъ Кіева въ Одессу) авторъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о печальномъ положеніи евреевъ въ подольской губ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Кіевъ 1889 г. 8 д., 12 стр. и 1 портретъ.

Антоновъ В., свящ. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, поборникъ православія въ борьбѣ съ уніею. 8 д., 48 стр.

Бизилевскій И. А. Терновая дорога до кращей доли. Повість въ стыхахъ. Вятка. 1889. Тип. Маншеева, 16 д., 130 стр. 3000 экз.

Барсовъ Е В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе. Томъ III. Лексикологія «Слова». А М. Москва. 1890 г. 8 д., VIII+537 стр.

Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Сементовскимъ. Вып. I. Съ 106 изображ. разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ. Спб. 1890. 8 д., XI+136 стр., 600 экз., ц. 2 р. 50 к.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Народное изданіе. Москва. 1890 г. 8 д., 162 стр.

Житіе св. преподобномученика Макарія, архимандрита овручскаго, переяславскаго чудотворца, нетлѣнно почивающаго въ переяславской Свято-Вознесенской обители, полтавской епархіи. Изд. 7-ое; 8 д., 44 стр.

Zródła dziejowe. Tom XIX. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom VIII. Ziemie ruskie. Wołyń i Podole. Opisane przez A. Jabłonowskiego. Варшава. 1889. 8 д. II+307+XLVI стран.

Иваненко Д. А. Адресъ-календарь и справочная книга полтавской губерніи на 1890 г. Полтава. 1890 г. 8 д., III+39+135+109+72 стр.

Ивановъ А. Протоіерей. Исторія уніи въ юго-западной Россіи. Въ память пятидесятилѣтія по возсоединеніи бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889). Тула. 1889 г. 8 д, 20 стр.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 138+1 нен. стр.

Кіевъ—Азбука православія. 8 д., 44 стр.

Котляревскій И. П., Наталка-Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Москва. 1889 г. 16 д., 106 стр.

— Полное собраніе сочиненій на малоросс. языкѣ. Съ портретомъ, біографіей автора и словаремъ къ Энеидѣ, составленнымъ Катрановымъ. Изд. 3-е. Корейво, подъ ред. И. Левицкаго. Кіевъ. 1890 г. 8 д., XXIX + 495 стр. 2400 экз.

Кулишъ П. А. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Въ 3 томахъ. Томъ 1-ый. Москва. 1890 г. 8 д., 283 стр. Томъ 2-ой. Москва. 1890 г. 8 д., 399 стр. Томъ 3-ій. Москва. 1890 г. 8 д., 415 стр.

Лисенко М. Збирникъ народнихъ украинскихъ писень. Третій десятокъ 4 д., 21 стр.

Макаровскій М. Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Выдання друге. Харкивъ. 1890 г. 16 д., 39 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Т. IV. Тираспольскій уѣздъ (статистико-экономическое описаніе уѣзда) составлено статистическ.

отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. (Съ картою и 8 приложеніями). Херсонъ. 1889 г. 8 д., II+2+272+116 стр.

Памятная книжка виленской губерніи на 1890 г. Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей А. Шверубовича. Вильно. 1889 г. 8 д., XII+55+384+236 стр.

Памятная книжка дирекціи народныхъ училищъ за $18^{89}/_{90}$ учебн. г. Изданіе виленск. дирекціи народныхъ училищъ. Вильна. 1889 г. 8 д.

Путеводитель по святымъ мѣстамъ Кіево-Печерской Лавры. Изд. 6-ое 16 д., VIII+192 стр.

Сводъ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ херсонской губерніи за 1885—6 г. Херсонъ 1889 г. 8 д., IV+162+207+22+II стр., 4 таблицы и 1 карта.

Słovnik geograficzny Królestva Polskiego i innych krajóv słowiańskich. Vydany pod redakcyą B. Chlebovskiego i V. Valevskiego, według planu F. Sulimierskiego i z pomocą zgromadzonych przez niego materyałóv. Zeszyt 119, Tom X. Nakładem V. Valevskiego. Варшава. 1889 г. 4 д., стр. съ 801 по 880 столб.

Соболевскій А. Академикъ И. В. Ягичъ какъ историкъ русскаго языка «критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» И. Ягича. (Отд. оттискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника»). Варшава. 1889 г. 8 д., 13 стр.

Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, для поклонниковъ посѣщающихъ святыя мѣста кіевскія. Изд. 9-ое. 8 д., 4 неп.+228 стр.

Чайченко В. Безъ хлѣба. Оповидання. Кынвъ. 1890 г.

Четыркинъ И. Д. Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «Собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ». (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ. 1889 г. 8 д., 19 стр.

Царивна—жаба. Казка. Кынвъ. 1890 г. 16 д. 24 стр.

Цупкій М. Байны. Одесса. 1889 г. 16 д., 40 стр.

Дозволены къ представленію на сценѣ:

I. Гирька сыритска доля. Драма. (Оперетта) въ 4 діяхъ. Скомпанувавъ И. Райковскій.

II. Мудровали, докі у неволю попали. Народная драма—быль. Соч. Ѳ. М. Стрілець-Карпенко.

III. Тарасъ Бульба подъ Дубномъ. Драма у 4 діяхъ (по Н. В. Гоголю). Напысавъ. К. Ни—нецкій.

1788. Ноября съ первыхъ чиселъ началася великая зима и продолжалася чрезвычайными стужами, бурями и снѣгомъ до 1789 года марта по окончаніе.

1789. Марта первыхъ чиселъ въ казенныхъ селеніяхъ новыя учрежденія вышли, печатныя книги установленія сельскаго—розданны, и старшины, старосты, выборные и сборщики опредѣлены.

Апрѣля—, преосвященный епископъ православный переяславскій Викторъ въ Слуцкѣ поляками взятъ и въ Варшаву подъ арестомъ представленъ. Того жъ года, въ области польской православнымъ священникамъ поляки запретили на литургіяхъ и другихъ служеніяхъ поминать россійскую императрицу, а вмѣсто того поминать короля, рѣчь посполиту и прочіихъ ихъ властей, и для повиновенія ихъ повелѣніямъ, къ присягѣ привели.

Сего жъ 1789 года, на присягу не согласившагося игумена Николаевскаго Виссаріона поляки взяли.

1789 г. Всеобщее возмущеніе, случившееся во Франціи, и гоненіе на всѣхъ дворянъ и владѣльцовъ, противныхъ нынѣшнему правленію.

1791 года, октября, свѣтлѣйшій князь и великій гетманъ Григорій Александровичъ Потемкинъ померъ въ Молдавіи.

Ноября 1 числа, чрезъ городъ Елисаветъ графъ Безбородкинъ для заключенія съ турками мира, проѣхалъ въ Молдавію, тожъ и ради ревидаціи дѣлъ князя Потемкина покойнаго.

1792 г., февраля противъ 21 числа, ночью чрезъ селеніе Федварское графъ Безбородковъ, по заключеніи мира съ турками, ѣхалъ въ Россію.

Сентября 13 дня, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, въ Полтавѣ померъ. Тогожъ года и въ Крыму епископъ Моусей зарѣзался или зарѣзанъ.

1793 г., февраля 28 и марта 1 и 2 чиселъ, великой снѣгъ выпалъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ, и лежалъ чрезъ цѣлый мартъ.—Виктора, епископа слуцкого, поляки взяли въ Варшаву и держали тамъ три года въ неволѣ. Сего года въ началѣ, немалая часть Полщи присоединена къ Россіи.—Марта 13 дня, феодосійскій и

маріупольскій епископъ Іовъ Потемкинъ пріѣхалъ въ Полтаву.—Маія въ 10 день, въ указѣ ея императорскаго величества, данному св. синоду, написанно такъ: на праздное архіерейское мѣсто въ епархіи екатеринославской и Херсониса таврическаго, всемилостивѣйше опредѣляемъ молдо-влахійскаго митрополита Гавріила. Маія... дня, екатеринославскій митрополитъ Гавріилъ выѣхалъ изъ Елисавета въ Полтаву, на свой престолъ.—Іюня 7 или 8 дня, митрополитъ Гавріилъ въѣхалъ въ Полтаву.—Августа 25 числа, о полдня солнце мѣнилося.—Ноября 27, ввечеру позно земля тряслася.

1794 г. За присоединеніе Полщи къ Россіи отъ поляковъ великіе и кровопролитные бунты были противу Россіи.—Того жъ года, декабря 31 дня, и 1795 года генваря 1 числа, превеликая стужа была съ вѣтромъ и снѣгъ великой ишолъ нѣсколько дней и продолжался сильной холодъ съ частыми вѣтрами и снѣгами, чрезъ весь мѣсяцъ генваръ; и 30 жъ генваря сдѣлалося тепло, наступилъ туманъ и снѣгъ началъ растават; а февраля 5 дня опять снѣгъ съ вѣтромъ великой ишолъ, тожъ и 7, а отъ первего на десятъ пустило.

1794 года, по окончаніи, и 1795 года, въ присоединенномъ краю отъ рѣчи посполитой полской былъ великой наборъ въ рекруты: велѣно набрать сто шестдесятъ тысящъ.

1795 г., маія 10 д. Вознесенское намѣстничество въ городѣ Новомъ Миргородѣ открыто; открывалъ екатеринославскаго намѣстничества губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорвотъ. При семъ былъ и митрополитъ екатеринославскій Гавріилъ.—Въ іюнѣ, чигринскій уѣздъ въ городѣ Чигринѣ открылся. Того жъ года, и черкаской уѣздъ въ городѣ Черкасахъ открылся.—Декабря 17 ч., архимандритъ Іринархъ Балановскій въ Мотренинскомъ монастырѣ померъ.

Иванъ Петровичъ (?) къ преосвященному Варлааму Шишацкому, епископу острожскому, протодіакономъ произведенъ, при коемъ епископѣ и проживалъ въ городѣ Острогѣ.

1796 года, декабря 22 дня, кіевской академіи ректоръ Самоилъ Мѣславскій во епископа бѣлоградскаго посвященъ; 1771 года архіепископомъ и членомъ святѣйшаго синода пожалованъ и въ

крутицкую епархію переведенъ, потомъ въ ростовскую епархію переведенъ, а изъ Ростова кіевскимъ митрополитомъ и Кіевопечерской лавры архимандритомъ пожалованъ, а сего 1796 года, генваря 5 дня, въ Кіевѣ, преставился.

Февраля 9 числа, первой снѣгъ выпалъ, отъ тогда и зима началася, а прежде снѣгу не было чрезъ цѣлую зиму. Сего жъ февраля 24 числа, великая стужа съ снѣгомъ и вихремъ была и крѣпкіе морози продолжалися и зима марта по 15-е.

Ноября 8 числа, началаса зима съ снѣгомъ, а 9, 10, 11 и 12 и далѣе морозы крѣпкіе съ восточнымъ вѣтромъ. Того жъ ноября 23 числа, въ селѣ Федварскомъ императору россійскому Павлу Петровичу присягали на вѣрность.

Декабря 2 числа, великой снѣгъ выпалъ.

1797 года, іюня, губернаторъ кіевской объѣздилъ чигринской уѣздъ и назначилъ въ Александровцѣ быть мѣсту (городу) и правленію. Ноября. Уѣзда чигринского и черкаского духовныя правленія отошли къ кіевской епархіи. Того жъ года, декабря первыхъ чиселъ, въ екатеринославской епархіи у священно и церковнослужителей забрали дѣтей въ рекруты.

1798 года, въ генварѣ, изъ Екатеринослава дѣтей священно и церковнослужительскихъ, забранныхъ въ рекруты, отпущенно въ домы. Генваря 3 числа, по утру, въ екатеринославской губерніи въ разныхъ селеніяхъ, скотъ бѣгалъ изъ домовъ въ поле.

Генваря 30 числа, въ полтавской семинаріи получено повелѣніе, чтобы до 1-го марта вся семинарія перебралась въ Миргородъ (Новый).

Февраля 6, въ елисаветградскомъ духовномъ правленіи полученъ указъ, что екатеринославская епархія переименована новороссійскою, и архіерей долженъ именоваться новороссійскимъ и днѣпровскимъ и жить въ Ново-Миргородѣ.

Марта 15 дня, въ Новомиргородѣ, въ новороссійской семинаріи классы начали править по переводѣ семинаріи изъ Полтавы первой разъ.

Іюля 10, городъ Елисаветъ съ церквами и духовнымъ правленіемъ и со всѣми купеческими лавками сгорѣлъ.

Сентября 28 дня, богословія открывалася въ новороссійской семинаріи.

Сего года, императора Павла I-го установленіе воспослѣдовало, подъ всякую церковь отдѣлить земли пахатной по тридцать десятинъ, а сѣнокосной по три десятины, и оную землю обработать всякой годъ прихожане должны отдать хлѣбъ чистой, а при томъ сѣно, солому и гуменной корму, все священно и церковнослужителямъ.

Въ октябрѣ, въ новороссійской семинаріи въ Новомиргородѣ, открылися классы сверхъ латинскаго, греческаго и нѣмецкаго—ариѳметика, географія и исторія. Ариѳметику преподавалъ Куницкой, географію и исторію преподавалъ Сулима.

Въ февралѣ, кирасирскіе полки изъ Елисаветграда и изъ Миргорода выступили въ походъ черезъ Цесарію, подъ французовъ. 1799 г., 7-й годъ французской республики отъ начала.

Іюля 30 дня, сарана ишла чрезъ селеніе Федварь.

Декабря первыхъ чиселъ, въ новороссійской епархіи всѣ священно и церковнослужительскіе дѣти, отъ 12 лѣтъ и выше, помѣщены на церковнослужительскія мѣста. Тогда же епископомъ Афанасіемъ и отрѣшены.

1799 и 1800 годовъ, зимою сильной холодъ, а лѣтомъ чрезвычайные жары были, отчего въ сихъ годахъ много садовъ и разнаго дерева повысыхало вездѣ.

1800. Мая 14, въ селеніи Федварскомъ общество согласилося для содержанія священно и церковнослужителей, всякой годъ давать по 250 рублей денегъ и сто копицъ сѣна и двадцать подводъ для привезенія дровъ.

1800 года, бугскіе козаки въ казенные поселяне обращены.

1801 г., маія, началися въ Федварѣ торги, а первый ярмарокъ былъ іюня 12 дня. Іюня 28 д., въ селѣ Федварѣ сильной дощъ ишолъ. Сентября 15, преосвященный Афанасій, епископъ новороссійскій, въ архіепископы произведенъ.

Сего года, императоръ россійскій Александръ установленіе отца своего императора Павла I-го, отмѣнилъ, а установилъ свое, то есть, взимать за требы такъ: за молитву родилици—4 копейки. За

крещеніе младенца—6 коп. За вѣнчанія браковъ—20 коп. За погребеніе великое—20 коп. За погребеніе малое—6 коп.

1802 г., генваря съ первыхъ чиселъ, снѣгъ выпалъ и зима отъ тогда началася, а прежде до Рождества снѣгу не было, и отъ тогда продолжалася постоянно до марта и отъ тогда начала распускать и послѣднихъ чиселъ марта совсѣмъ сойшла. Ноября 1 дня, выпалъ снѣгъ. Ноября 17, громъ сильно гремѣлъ. Октября 14 ч , трясеніе земли было.

1803 г., маія 21 д., въ городѣ Николаевѣ открылася николаевская губернія при преосвященному архіепископу Афанасію, а оттудова того жъ года переведена въ Херсонъ.

1804 г., генваря 17 д., полученъ указъ о переименованіи новороссійскаго архіепископа Афанасія екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ.

Екатеринославская консисторія и семинарія, тожъ и преосвященный Афанасій, изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ перебралися.

Въ іюлѣ, екатеринославской семинаріи ректоръ протоіерей Іоаннъ Башинскій выѣхалъ въ Екатеринославъ.

Ноября 21 числа, снѣгъ выпалъ и продолжался съ морозами до 28 числа.

1805. Сентября 28 д., снѣгъ выпалъ и зима началася отъ тогда.

Октября 23 д., преосвященный Платонъ пріѣхалъ изъ Астраханя въ Екатеринославъ.

1806 г., маія 16 дня, морозъ сильной былъ, вездѣ бѣлой.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПО НОВОМУ СПИСКУ.

(1587—1725).

Малороссійская „кроничка“, изданная въ 1856 г. Н. М. Бѣлозерскимъ подъ названіемъ Черниговской лѣтописи, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ не мало свѣдѣній, бывшихъ неизвѣстными до ея изданія [1]). При изданіи этой лѣтописи, Н. М. Бѣлозерскій пользовался двумя ея списками: однимъ, болѣе старымъ, но неполнымъ (оконч. 1652-мъ годомъ) и другимъ позднѣйшимъ, доведеннымъ до 1750 г. (съ пропускомъ 1704—728 гг.), и напечаталъ лѣтопись до 1652 г.—по первому списку, а далѣе—по второму. Къ сожалѣнію, старый списокъ Черниговской лѣтописи былъ сдѣланъ переписчикомъ малограмотнымъ и потому пересыпанъ такими ошибками, которыхъ незачѣмъ было и вносить въ текстъ. Вскорѣ послѣ напечатанія Черниговской лѣтописи, мы имѣли въ рукахъ третій ея списокъ, совсѣмъ отличный отъ тѣхъ, которые описаны въ изданіи 1856 г. Списокъ этотъ мы получили въ Петербургѣ, отъ г. Персидскаго, и тогда же, описавъ рукопись, списали Черниговскую лѣтопись, а подлинникъ возвратили хозяину. Рукопись, въ которой находился списокъ Черниговской лѣтописи г. Персидскаго (такъ будемъ называть этотъ списокъ), писана въ листъ, на 45-ти лл., почеркомъ XVII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

---

[1]) О новыхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Черниговскою лѣтописью, см. у Максимовича. Соч., I, 233 и слѣд.

1) Отъ лѣтописца собрание краткое о началѣ родословія отъ Адама первого дне и отъ коего колѣна поидоша царие, судіи и властелины, и кто колко лѣтъ жилъ. 1—9 лл.

2) Начатокъ въ Руси великому княжению всѣхъ князей. 9—21 лл.

3) О многочюдесной побѣдѣ надъ Ливонскими нѣмцы и о взятіи Ругодова и Юрева, Рыкобора и Вылкада и иныхъ многихъ градовъ. 21—26 лл.

4) Сказаніе нѣкіихъ чудесъ, бывшихъ на Москвѣ различныхъ временъ. 26—29 лл.

5) Лѣтописецъ, що ся въ русскихъ и полскихъ сторонахъ дѣяло, и якого року, лѣта отъ Рождества Христова 1587. 29—45 лл.—Это и есть Черниговская лѣтопись, писанная здѣсь красивою южнорусскою скорописью к. XVII—нач. XVIII в.—Несомнѣнно, что описанная рукопись была писана монахомъ одного изъ черниговскихъ монастырей; это видно изъ нѣкоторыхъ клочковъ бумагъ, которые намъ удалось отдѣлить изъ картона, въ который переплетена рукопись. Такъ, въ числѣ этихъ клочковъ мы нашли: 1) отрѣзки выходнаго листа, нѣсколько разъ изданной въ Черниговѣ (1683—1712 г.) книги „Руно Орошенное“; 2) подлинное письмо лѣтописца Боболинскаго къ Мазепѣ [1]) и 3) подлинное письмо черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича къ какому то монаху Іоасафу, отъ 16 іюля 1698 г., съ

[1]) Приводимъ это письмо здѣсь полностью: „Знаючи я быти, ясневелможность вашу, моего бл(агодѣтела?) пана, всѣмъ притекающимъ патрова и велце милостивого добродѣя, упадаю съ тоею моею супликою до ногъ вашихъ панскихъ, просячи о ялмужну на откупъ (крев)ного моего, который въ рукахъ бисурманскихъ колко (годъ?) сѣдитъ скремпованный и любо мѣлъ маетность ..... тый безъ него зъ віонзекъ полскихъ чужоземско... спустошили, не машъ где що взяти ..... на той окупъ просячи, да будетъ ясневелможности вашей, пана и добродѣя моего, ласка, ради (Іисуса Христа) Бога нашего, насъ дѣля страдавшаго на крестѣ, ради апостола его Андрея Святого, обрати, ваша рейментарская милость, око свое панское на суплику, а мене тще отъ л..... не отпустишъ. А я зъ тымъ же неволнимомъ (до конца?) живота моего, за щасливое рейментарство, (непобѣдимое) мужество, которое въ кавалеріи св. апостола Первозваннаго велможность ваша носишъ, о томъ Бога моего до кончины живота благати не престану. Ясневелможности вашой, моего велце милостивого пана и добродѣя, богомолецъ и іеремонахъ Леонтій Боболинскій“.

благодарностію за присланную рыбу.—По этимъ бумагамъ можно съ увѣренностью сказать, что рукопись Персидскаго была написана въ одномъ изъ черниговскихъ монастырей и очень вѣроятно, что въ Троицкомъ, гдѣ монашествовалъ Боболинскій. Послѣдній едва ли не былъ и хозяиномъ рукописи, о чемъ догадываться можно изъ другихъ отрывковъ разныхъ бумагъ, найденныхъ нами въ томъ же картонѣ переплета рукописи Персидскаго. Такъ, въ этихъ бумажныхъ клочкахъ найдено нами нѣсколько черновыхъ листовъ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама", изъ которыхъ между прочимъ видно—какъ составлялись эти лѣтописныя статейки: составитель ея списывалъ на листѣ бумаги разные историческіе факты, которые вычитывалъ въ подобныхъ историческихъ сочиненіяхъ и которые почему либо обращали на себя его вниманіе... Собравъ достаточное количество такихъ фактовъ, составитель распредѣлялъ ихъ по хронологическому порядку, переписывалъ набѣло и оставлялъ потомству какую нибудь хронику въ родѣ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама". Черновые же листы употреблялись на приготовленіе того картона, изъ котораго тутъ же дѣлался переплетъ набѣло переписанной хроники. Очень можетъ быть, что эти упражненія въ писаніи „хроникъ" производилъ тотъ самый Боболинскій, который впослѣдствіи составилъ свою „лѣтопись"... Попавшій въ картонъ переплета автографъ этого лѣтописца даетъ поводъ къ такой догадкѣ... Списокъ Черниговской лѣтописи Персидскаго отличается отъ описанныхъ двухъ списковъ въ изданіи 1856 г., тѣмъ, что въ немъ лѣтопись продолжается непрерывно и послѣ 1703 г., оканчиваясь 1725-мъ годомъ.

Уже первымъ издателемъ Черниговской лѣтописи были указаны въ ней двѣ части: первая, оканчивающаяся 1692 г. и другая, заключающая въ себѣ 1693—1703 гг., при чемъ первая часть писана была на правой сторонѣ Днѣпра, а вторая—по многимъ вѣроятіямъ, въ Черниговѣ. Въ спискѣ Персидскаго является третья часть лѣтописи,—очень подробное описаніе 22-хъ лѣтъ, съ 1703 по 1725 годъ включительно. Несомнѣнно, что эта часть Черниговской лѣтописи, нынѣ впервые издаваемая,

написана лицомъ, близко стоявшимъ у событій, происходившихъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII в. Составителемъ ея могъ быть одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ гетманской канцеляріи, которые обязаны были вести діаріуши (журналы) этой канцеляріи [1]). По нѣкоторымъ подробностямъ относительно прихода шведовъ подъ Новгородсѣверскъ, можно думать, что лѣтопись писалъ тамошній уроженецъ, а по описанію ареста Полуботка съ товарищами, слѣдуетъ думать, что этотъ разсказъ записанъ очевидцемъ.

Печатая Черниговскую лѣтопись по списку Персидскаго, мы не отмѣчаемъ его разночтеній съ прежде изданнымъ текстомъ, не видя въ томъ особой потребности. Скажемъ только, что текстъ лѣтописи по списку Персидскаго исправнѣе текста изданнаго Н. М. Бѣлозерскимъ; признакъ бо́льшей исправности нашего текста видится и въ отмѣткѣ подъ 1669 годомъ, что поставленный гетманомъ Многогрѣшный избралъ себѣ для жительства Батуринъ, „а по немъ и иншие гетманы тамъ *живутъ*“. Въ напечатанномъ въ 1856 г. текстѣ это мѣсто читается: „а по немъ иншіе тамъ гетманы *жили*“. Изъ этого сопоставленія можно заключить, что въ напечатанномъ Н. М. Бѣлозерскимъ спискѣ текстъ оригинала не былъ сохраненъ вполнѣ...

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Въ числѣ этихъ канцеляристовъ были нерѣдко люди весьма образованные, особенно изъ числа „латинщиковъ“, т. е. учившихся въ кіевской академіи. Такимъ канцеляристомъ былъ напр. Николай Ханенко, котораго „Діаріушъ“ за 1722 годъ изданъ въ 1858 г., Бодянскимъ. Такимъ же канцеляристомъ былъ Павелъ Ладинскій, который писалъ „діаріушъ“ генер. канцеляріи съ марта 1723 г., начавъ его стихами:

Планетъ княжичъ небесныхъ мѣсяцъ мартъ начася,
Когда сей діаріушъ мнѣ писать казася,
А именно о всякихъ дѣлехъ общихъ, знатныхъ,
Монаршихъ и войсковыхъ, тайныхъ и приватныхъ,
Во время правленія помежду гетманствомъ и т. д.

Такихъ образованныхъ канцеляристовъ въ перв. четверти XVIII в. было не мало. Одинъ изъ нихъ и могъ записать событія, составляющія третью часть Черниговской лѣтописи...

Лѣтописецъ, що ся въ рускихъ и полскихъ сторонахъ дѣяло и якого року.

Лѣта отъ Рождества Христова, року 1587. По смерти Стефана Баторого, короля полского, обранъ есть на кролевство полское Жигмунтъ третий, кроль шведскій, и коронованъ въ Краковѣ. Видло велми здихало и невидимо по окнахъ слова были писани.

1591. Михаилъ Рагоза на митрополию киевскую посвященъ въ Вилню. Той же Михаилъ Рагоза, приѣхавши съ Кіева до Бреста Литовского, учинилъ соборъ на духовенство, на которомъ соборѣ при немъ были епископы: Ипатий Поцѣй, прототроній митрополии киевской, епископъ володимерский, Кирилъ Терлецкій, екзархъ константинополскій, епископъ луцкий, Ермогенъ, архіепископъ полоцкий и туровский, Дионисий Збаразский епископъ хелмский и белзский, будучи православными, на томъ соборѣ приняли унѣю, и послушенство Мыхаилъ Рагоза отдалъ папежови, посълавши до Рыму епископовъ Іпатія Поцѣя и Кирилла Терлецкого, але тои унѣи духовенство иншое русское, и монастыри всѣ, и шляхта не приняли. Того жъ року Косинский воевалъ съ поляками и зосталъ отъ нихъ подъ Пяткою поражонымъ.

Того жъ року, Наливайко спалилъ Слуцкъ и Могилевъ великий, а потымъ подь Лубнами, на Солоницѣ, ляхи збили его войско, а самого Наливайка и двохъ его полковниковъ, Мазепу и Лободу, живцемъ побрали.

1600. Михаилъ, воевода мултанский, воевалъ на Полщу.

1605. На Жигмонта, короля полского, отъ пановъ былъ рокошъ.

Того жъ року, татаре пречиские людей брали.

Того жъ року, Димитрия цара на Москву провадили поляки, але тамъ немного царствовалъ, бо его забили москалѣ.

1609. Гайдукъ еденъ благочестивый въ Вилнѣ тялъ шаблею стылу на Іпатія Поцѣя, митрополиту унѣацкого, и надтялъ ему корку, але вылечилъся, а гайдука благочестивые сховали межи собою.

1611. Татаре выбрали Острожокъ.

Того жъ року царъ Ѳеодоръ чернцемъ сталъ.

1615. Саранча была всюды великая, въ Полщи, Литвѣ и на Вкраинѣ и война Сагайдачного на Москву.

1616. Татаре стрыбинскіе взяла Шулжинецъ, и людей много набрали.

1619. Снѣгъ на Вознесение Господне выпалъ, зъ морозомъ, же въ полю отъ великости снѣгу и зимна великого, овечки померзли.

1620. Турки гетмана великого коронного Жолковского на Цецорѣ зъ войскомъ его збили, а самому Жолковскому гетманови мужикъ сокѣрою голову утялъ надъ Днѣстромъ, противъ Могилева Подолского.

Того жъ року, у Варшавѣ на сеймѣ, шляхтичъ Пекарский, на Жигмонта, короля полского, gды выходилъ съ костела, ударилъ чеканомъ, але Богъ его самъ боронилъ отъ смерти, бо плазмомъ ударилъ и кровъ его облила, и палъ кроль на землю, а потомъ, пришедши до себе, даровалъ его здоровемъ, але Владиславъ кролевичъ, казалъ его на конѣ мѣдяномъ спалити, и заразъ выволано, абы чекановъ нихто не смѣлъ носить.

1621. Турки подъ Хотѣномъ ляховъ осадили, въ которомъ войску былъ Владиславъ, кролевичъ полский, а гетманомъ козацкимъ тогды былъ Бородавка, до котораго кролевичъ не разъ посылалъ, абы до него съ козаками прибывалъ на помочь, але онъ, за пянствомъ, не поспѣшалъ; видячи теды козаки городовые отзяблость его, безъ вѣдома его, послали на Запороже, даючи знати о гетманской на королевские писма недбалости; почувши тое запорожцѣ, выйшли заразъ всѣ, (зоставивши двѣ тисячи козаковъ на Запорожьѣ), маючи собѣ вожемъ Сагайдачного, а пришедши до Межибожя, обачили непорадки его войсковой справѣ, казалъ Сагайдачный Бородавцѣ пяному шию втяти; тамъ же козаки Сагайдачного учинили гетманомъ и заразъ яко на рихлѣй Сагайдачный пошолъ зъ войскомъ козацкимъ до кролевича подъ Хотѣнъ, а пришедши въ ночи подъ войско турецкое, поймалъ полную всю сторожу ихъ, а справивши войско свое на двѣ части, ударилъ на войско турецкое о

полночи, а положивши турковъ трупами тисечей пятдесятъ три, пробилъся до кролевича, палъ предъ нимъ на землю, витаючи его. Владиславъ, миле принявши, дяковалъ ему за таковую отвагу и, ударовавши его самого и все его войско, казалъ отпочинути дни два. А турки заразъ будучи престрашоны не помалу, оставивши поляковъ, станули въ едной купѣ обозомъ своимъ, але Сагайдачный съ козаками промысломъ своимъ рвалъ въ ночи турковъ, забиваючи ихъ, и живцемъ беручи. А потимъ цесаръ, мало що войска своего турецкого маючи при собѣ, оттягнулъ зъ ганбою пречъ, бо почулъ, же король Жигмонтъ споды Львова, зъ войскомъ чужоземнимъ и посполитымъ рушенемъ, мѣлъ тягнути до сына своего, подъ Хотѣнъ.

1626. Переяславщина была, то есть война за Конецпольского, гетмана великого коронного полского, а за Тараса, гетмана козацкого.

1630. Іовъ Борецкий, митрополитъ киевский благочестивый, преставилъся.

1631. Исаия Копинский обранъ на митрополию киевскую, а на той часъ Петръ Могила былъ архимандритомъ печерскимъ киевскимъ и ѣхалъ въ справахъ пилнихъ до кроля, до Варшавы, и просилъ его Копинскій, абы ему привилей привезъ одъ кроля, на митрополію киевскую; але Могила помылився, не ему да ссбѣ выправилъ привилей на митрополию тую жъ, и правилъ церковъ Божию зъ великимъ прилежаниемъ, боронячи еѣ отъ ляховъ и унѣятовъ, маючи по собѣ кроля Владислава.

1632. Владиславъ, кролевичъ полскій, взялъ отъ Москвы Смоленскъ, Москву збилъ, а гетмана ихъ Шеина волно до Москвы пустилъ.

Того жъ року, въ Лубнахъ, мужикъ одинъ назвался царикомъ и зобралося до него много голоты, а gды ляхи того царя поймали, гултайство его, еднихъ постинали, а иншие поутѣкали, а самого того царя, набивши гармату великую, вложили его въ неи и выстрелили на воду, и тамъ утонулъ.

Того часу, Копинскій зъѣхалъ зъ Кіева зовсѣмъ, мешкалъ въ монастыру лубенскомъ, строячи его, который зовется Мгаръ.

Того жъ року, Моцарский добувалъ Нѣжина, але его не взялъ.

1634. Жигмонтъ, кроль полский, померъ, а Владислава, сына его, по погребѣ, въ Краковѣ короновано на кролевство полское.

Того жъ року, зимою по Рожествѣ Христовомъ, громъ великий гримѣлъ и перуны били.

1637. Кумейщина была за Павлюка, гетмана козацкого, которого ляхи збили, а Павлюка въ Боровици поймали. Тогды жъ Кизиму сотника и сына его въ Киевѣ на палъ збили, а Павлюка у Варшавѣ стято; и одъ того часу великая неприязнь козаковъ зъ ляхами всщалася.

1638. Остранинъ нѣякий подъ Лубнами войско зобралъ, а ляхи, учувши тое, заразъ ишли на него, а онъ предъ ними пошолъ въ степы, а ляхи гонилися за нимъ; онъ обернувшися, далъ имъ битву, на рѣчцѣ названной Старецъ, и много тамъ ляховъ пало трупомъ, мало ихъ що утекло, а повернувши ляхи до дому, въ городахъ, якихъ хотѣли, козаковъ брали и на паль збивали, изъ своихъ маетностей козаковъ выгонячи, великое надъ ними посмѣвиско чинили.

1645. Владиславъ, кроль полский, померъ.

Того жъ року Могила митрополитъ померъ, а по немъ зосталъ митрополитомъ Силвестръ Косовъ.

1648. Богданъ Хмелницкій на Запорожю повсталъ, и тамъ що было въ Сѣчи ляховъ, нѣмцовъ, всѣхъ выкололи козаки, а съ татарами Хмелницкій взялъ примире. Учувши тое, ляхи послали Потоцкого молодого, сына гетманского, зъ войскомъ, на Запороже, а Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ ихъ на Жовтыхъ Водахъ, о родопостю великомъ, и осадилъ ихъ, и знеслъ войско лядское все, а комисара и каштеляна живцемъ узяли и татарамъ отдано. А потымъ пошолъ Хмелницкий въ городы, и пришолъ подъ Корсунь, а тамъ ляхи зъ Потоцкимъ, гетманомъ великимъ кореннымъ, и съ полнимъ гетманомъ Калиновскимъ, учинили битву съ Хмелницкимъ и збилъ ляховъ, мая 24 дня, о святахъ зеленыхъ, а гетмановъ обудвухъ лядскихъ отдалъ живцемъ солтанови татарскому Тугай-беови.

1649. Поляки, зобравшися знову, шли на городы козацкие и пришли подъ Пиляву; Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ

ихъ, и тамъ обои войска станули, козацкие и лядские; тамже день и другий пылно герцы межи собою одправовали; а въ тымъ орда вся пришла до Хмелницкого и заразъ ляхи зъ великою гордостю звели битву съ Хмелницкимъ, але ихъ Хмелницкий зломалъ и розбилъ войско ихъ, а ляхи, утѣкаючи, заперлися въ Збаражю; тамъ ихъ Хмелницкий стиснулъ облеженемъ, где великий голодъ ляхи терпѣли, ѣли коняѣ и псы свои коханыи; а кроль Казимиръ самъ съ посполитымъ рушенемъ ишолъ ляхомъ на отсѣчъ; почувши тое, Хмелницкий взялъ половину войска козацкого, мѣлъ повтораста тисячий [1]), а орды осмдесять тисячий, также и орды половину, стрѣтилъ короля подъ Зборовомъ, до которого заразъ ляхи зъ великимъ пудомъ скочили, але онъ ихъ тамъ много побилъ и облеглъ. Потимъ кроль Казимиръ просилъ Хмелницкого до себе, давши козакомъ семи сенаторовъ въ заставу за Хмелницкого; а Хмелницкий приѣхалъ у сту коней до обозу полского, нарадно, бучно, збройно; а пришедши предъ кроля, палъ предъ нимъ на землю, а потомъ, gды за росказанемъ кролевскимъ подведено его, мовилъ ему кроль: если то годится такъ сынови коронному, тобѣ, пане Хмелницкий, на пана своего руку подносити и воевати на него?—А Хмелницкий отказалъ, плачучи: я на кроля, пана моего милостивого, руки не подношу, толко на его сенаторовъ, которые и на святой памяти кроля Владислава, рожоного вашой королевской милости, пана моего милостивого, недбаючи напомнене, такъ мнѣ самому, яко и всему народови малоросийскому несносные и невымовные чинили кривды, а теперь, чого не дай Боже, gды бы насъ зламали, не зоставили бы и наслѣдку русского! А такъ, найяснѣйший, милостивый пане, будемъ боронитися, поки насъ станетъ, абы въ наши козацкие города а ни заглянули. Я й теперъ, найяснѣйший пане мой милостивый, учинити готовъ все, що ти кажешъ, а зъ ляхами буду битися! И плакалъ кроль самъ, сенаторове и Хмелницкий велми часъ не малый; потомъ Хмелницкий палъ знову предъ кролемъ плачучи, просилъ прощения и лежалъ, облапивши ноги кролевские, а кроль казалъ

[1]) Приписка сбоку: всего войска 230000.

его подвести и, давши ему руку свою поцѣловати, просилъ, абы зъ облеженя выпустилъ войско полское зъ Збаража. И такъ пріѣхавши Хмелницкий до обозу своего, и заставныхъ сенаторовъ казалъ до кроля одпровадити, а самъ зъ войскомъ своимъ пріѣхавши подъ Збаражъ до другого войска съвоего, просилъ до обозу своего гетмановъ полскихъ и иншихъ пановъ на учту, а участовавши оныхъ, далъ сорокъ возовъ лиgоминъ вшелякихъ войску лядскому; и одступилъ отъ Зборова отъ ляховъ, пошолъ въ городы свои, а кроль Казимиръ отишолъ зо всѣмъ войскомъ до Полщи.

1650. Адамъ Кисель воеводою зосталъ киевскимъ. панъ благочестивый; того козаки любили велми.

1651. Ляхи подъ Берестечкомъ малымъ, Хмельницкого войско збили [1]); а такъ, покинувши козаковъ и таборъ весь, мусѣлъ утѣкати; также и орда утѣкала, а козаки также, где хто моглъ утѣкати, тамъ утѣкали; и велми ихъ тамъ погинуло много на болотахъ, и на переправахъ отъ ляховъ побито, бо ляхи за Хмельницкимъ ишли въ тропы ажъ до Бѣлой Церкви, города козацкого. А Хмельницкій знову, зобравши войско и зъ ордою, ишолъ противко ляховъ; а ляхи, впавши въ Бѣлую Церковъ, замкнулися въ ней; а Хмельницкій тамъ ихъ облеглъ. А Янушъ Радивилъ, гетманъ литовский, и Еремиашъ Вишневецкий, зъ другими войсками, ишли на Вкраину; а гды до Паволочи пришли, тамъ Вишневецкий померъ и вернулися всѣ коронные жолнѣре до Полщи, взявши зъ собою тѣло Вишневецкого. А Радивилъ зъ Литвою пришолъ до Киева, и где моглъ чути въ кого скарбы, то побралъ ихъ. А въ Киевѣ на той часъ былъ митрополитомъ Силвестеръ Косовъ, и много подавалъ Радивилу скарбу, и въ монастыру Печерскомъ бралъ, що самъ хотѣлъ; а потомъ вернулся до Литвы. А тые що были ляхи въ Бѣлой Церкви въ облеженю, просили Хмелницкого о милосердие; и пустилъ ихъ въ цѣлости до дому; а gды выходили

[1]) Приписка сбоку: по той причины, что помогавшіе ему бездѣльники татаре изменили и, войска Хмельницкого оставивъ, убѣжали. Верно отъ поляковъ были подкуплены.

зъ мѣста, казалъ Хмелницкий на ихъ ганбу трубити въ тые трубы, що мысливци собакъ скликаютъ, а было тыхъ трубокъ триста.

1652. Великий былъ моръ по всей Украинѣ, и велми много померло людей свѣцкихъ и духовныхъ.

1653. Богданъ Хмелницкий поддался зо всею Украиною и воискомъ запорозскимъ, и присягалъ въ Переяславлю Алексею Михаиловичу, цару московскому.

1654. Ляхи зимою доставали Уманя, а Хмелницкий съ козаками и зъ москалями, надъ которыми гетманомъ былъ Борисъ Васильевичъ Шереметъ, ишли на одсѣчъ Уманю. Довѣдавшися того ляхи, же Хмелницкій зъ Москвою и козаками идетъ до Уманя, оставивши Умань, стрѣтили Хмелницкого въ степу, такомъ мѣстцу, где не было ни воды, ни дровъ, ни сѣна, и тамъ его, маючи при собѣ татаръ, осадили, а морозы велми были великие, (тое чинилося по Крещении), и такъ три дни будучи въ облеженю, где ни козаки, ни москалѣ, ни кони ихъ ничого ни ѣли, ни пили, а дня четвертого обозъ свой Хмелницкий оточивши вкругъ гарматами, бо вже не моглъ болшъ вытрвати голоду и зимна, пошолъ на проломъ, стрѣляючи зъ дѣлъ и ручнои стрелбы безъ престанку; а пробившися на волю, бо не могли ему що ляхи учинити, обернулъся на ляховъ и на орду и много ихъ побилъ и ажъ до Букувъ мѣста и за Буки гонилъ ихъ. А тую войну козаки прозвали Дрижиполемъ, бо ни одинъ козакъ и москаль дрижачи сконалъ.

Того жъ року, августа дня 4, въ среду, солнце все затмилося на годинъ двѣ была ночь о полудню, и звѣзды было видати на небѣ.

1655. Алексѣй Михайловичъ, царъ московский, воевалъ Литву и взялъ мѣсто столечное литовское, Вилно.

Того жъ году ходилъ Хмелницкий подъ Каменецъ Подолский, а постоявши подъ нимъ, одступилъ и пошолъ подъ Львовъ; а зъ нимъ Василий Василиевичъ Бутурлинъ, зъ Москвою; пришедши подъ Львовъ, хотѣлъ его добывати, але львовяне окупилися ему; онъ, взявши окупъ, хотѣлъ ити въ Полщу далей, але же зима наступила, вернулся до

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.